

ЯНВАРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ФЕВРАЛЬ

В ПОМЕРЕ:

IX Международный съезд славистов 3

К 115-летию со дня рождения Н. К. Крупской
Н. П. Кохтев. Н. К. Крупская — пропагандист и оратор 9

К 160-летию со дня рождения К. Д. Ушинского
Н. Ф. Протченко. Учитель учителей... 16

Литературная страница
К. Д. Ушинский. Зима 26

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К уроку литературы
А. А. Брагина. Краски-слова в рассказах А. П. Чехова 28

К 80-летию со дня рождения А. П. Гайдара
М. Ю. Федосюк. «А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!» 33

С. Ю. Преображенский. Литературная норма и стиль писателя (О романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок») 39

В. А. Иванова, Н. А. Купина. Авторские ремарки в произведениях Ч. Айтматова 44

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Е. П. Ходакова. «Вагон и маленькая тележка» (Количественные обозначения в русском языке) 49

Е. М. Лазуткина. Что можно обозначить глагольным словом? 54

Наши консультации

В. А. Идкович, Б. С. Шварцкопф. Правило, которого нет в «Правилах...» 59

ТЕРМИНОЛОГИЯ	
В. Е. Бутрим. <i>Узкости, яркости, неоднородности</i>	63
ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?	
	67
СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	
	69, 143
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Михаил Васильевич Светлаев (1898—1959)	72
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	
С. Д. Касымова. О культуре и нормах устной речи	75
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
Е. Л. Пемировский. Анисим Михайлов Радищевский (О первопечатниках-просветителях)	79
И. Б. Токмачева. Словарный состав поручных записей	88
РУССКИЕ ГОВОРЫ	
О. Д. Кузнецова. Утренняя рань	93
ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА	
Н. И. Неженец. Гармония народной песни	97
В. М. Мокиенко. Тише воды, ниже травы	105
В. Н. Вакуров. Скатертью дорога	110
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
В. М. Борисов. Нефирь из дудина племени	113
В. Н. Миротворцев. Шемяка. Шемякин суд	117
Н. Д. Русинов. Грехов ручей	120
А. Н. Шустов. Автобус и его родственники	123
Н. А. Луценко. О глаголе <i>знать</i> и частице <i>знай</i>	128
ОНОМАСТИКА	
А. В. Суперанская. Беляш, Волчонок, Мочало... (Древнерусские имена)	136
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	144
Отклики на наши публикации	148
ХРОНИКА	
	141
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Свойственный кому или для кого? Интервью и беседа; Русские калачи; Что такое московское произношение? О <i>туке</i> (<i>туках</i>) и его производных	149
Кроссворд	134
На обложке: памятник Н. К. Крупской в Москве. Рисунок Б. Захарова	

С 6 по 14 сентября 1983 года в столице Советской Украины — Киеве — проходил очередной, IX Международный съезд славистов.

УЧАСТНИКАМ IX МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

Совет Министров СССР приветствует участников IX Международного съезда славистов — ученых многих стран Европы, Азии, Америки и Австралии.

Съезды славистов имеют более чем полувековую историю. Они играют важную роль в изучении и распространении научных знаний об истории и культуре, языках и литературе славянских стран и народов. На протяжении всей истории славянские народы были тесно связаны с другими народами и внесли значительный вклад в мировую цивилизацию. Ныне они борются за мир и социальный прогресс, за утверждение высокогуманной социалистической культуры, за развитие сотрудничества и дружбы между всеми народами.

Знаменательно, что ваш съезд проходит в столице Советской Украины — городе Киеве, отметившем недавно свое 1500-летие. Этот замечательный город, исторический центр древнерусской государственности, неоднократно подвергавшийся опустошительным военным нашествиям, сохранил уникальные памятники восточнославянского искусства. Киев сегодня — один из крупнейших промышленных, культурных и научных центров Союза Советских Социалистических Республик.

Работа вашего съезда служит благородному делу взаимопонимания и взаимного обогащения духовными ценностями народов всей нашей планеты во имя высокой цели сохранения мира и развития конструктивного международного сотрудничества.

Желаем участникам IX Международного съезда славистов успешной работы в интересах науки, на благо мира и прогресса.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ОБРАЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ IX МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ КО ВСЕМ УЧЕНЫМ МИРА

Ученые-слависты из 26 стран, собравшиеся в г. Киеве на свой очередной съезд, обращаются с этим призывом ко всем деятелям науки, людям доброй воли.

Современная международная обстановка вызывает у нас большую тревогу за судьбы мира и человечества. Угрожающе возрастает гонка вооружений. Это отравляет международный климат, наносит огромный ущерб международному сотрудничеству во всех сферах нашей жизни и деятельности, в том числе и в области науки.

Изучая историю, языки и литературу, искусство и культуру славянских народов, мы особенно ясно представляем себе, сколько великих усилий потребовалось для создания мировой культуры и современной цивилизации. Для всех представителей гуманитарных наук бесспорно, что именно в условиях мирного сосуществования создавались наиболее благоприятные возможности обмена культурными ценностями между народами и рождалась уверенность в успехах развития науки и культуры, крепла вера во всеобщий социальный прогресс.

Ныне, когда под угрозу поставлены все достижения мировой культуры и цивилизации, само существование человечества, нет более важной задачи, чем борьба за устранение опасности ядерной войны, всякой войны и насилия. На нас — ученых лежит особая ответственность за сохранение мира. Мы призваны донести до сознания всех людей, к каким катастрофическим последствиям может привести ядерная война.

Мы поддерживаем антивоенные инициативы миролюбивых государств, всех общественных сил, борющихся за упрочение международной безопасности и развитие сотрудничества между странами и народами.

Мы, ученые-слависты, обращаемся ко всем ученым, ко всем людям доброй воли с призывом умножить свои усилия в борьбе за мир, спасти нашу планету от угрозы мирового пожара. Своими активными действиями создадим непреодолимую преграду враждебным миру силам, обеспечим прочный мир на земле!

13 сентября 1983 года, г. Киев

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Минувшей осенью в Киеве собрались видные ученые 26 стран (1846 делегатов и гостей) — представители разных гуманитарных наук: лингвисты, литературоведы, фольклористы, этнографы, историки, археологи. Советская делегация во главе с академиком М. Б. Храпченко была самой представительной (1123 человека). Большие делегации приехали из стран социалистического содружества (522 человека).

Второй раз международный славистический форум проходил в Советской стране: в 1958 году Москва принимала IV съезд, который стал важным этапом в развитии мировой славистики.

Торжественное открытие IX съезда состоялось 7 сентября в киевском Дворце культуры «Украина». Вступительное слово произнес исполняющий обязанности президента Международного комитета славистов академик АН УССР П. Т. Тронько. Он, в частности, отметил, что славянские народы прошли большой исторический путь, внесли весомый вклад в мировую цивилизацию. Интерес к их языкам, литературе, истории и культуре особенно возрос, когда они вместе с другими народами приступили к строительству социалистического строя.

Председатель Совета Министров УССР А. П. Ляшко огласил приветствие Совета Министров СССР участникам IX Международного съезда славистов, в котором отмечена важная роль съездов славистов «в изучении и распространении научных знаний об истории и культуре, языках и литературе славянских стран и народов».

Съезд приветствовали вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев, президент АН УССР академик Б. Е. Патон, председатель Киевского горисполкома В. А. Згурский, ректор Киевского университета имени Т. Г. Шевченко член-корр. АН УССР М. У. Белый, а также вице-президенты Международного комитета славистов В. Хензель (Польша) и Дин Ворт (США).

На этом же заседании были заслушаны три научных доклада. Академик Б. А. Рыбаков выступил на тему «Киев и его вклад

в развитие славянских народов и в мировую культуру». Ученый рассказал об истории возникновения города, его роли в объединении многочисленных племен в первое государство восточных славян — Киевскую Русь, о его вкладе в развитие общеевропейской культуры, литературы, искусства.

Доклад академика Б. Крефта (СФРЮ) был посвящен двум великим писателям русского и украинского народов И. С. Тургеневу и Марко Вовчок, их роли в истории мировой литературы.

Жизненный и творческий путь писателя и ученого Ю. Крижанича [около 1618—1683] подробно рассмотрел в докладе «Древность и современность о Ю. Крижаниче» академик Й. Хамм (Австрия). Юрий Крижанич — автор трактатов по философии, политике, экономике, историографии, языкознанию, музыке — одним из первых выдвинул идею единения славянских народов. Наследие Юрия Крижанича, его мировоззрение, просветительская деятельность более ста лет изучаются не только на его родине — в Югославии, но и в других странах, в том числе в Советском Союзе. На заседании «круглого стола» (12 сентября) было отмечено 300-летие со дня смерти этого выдающегося деятеля науки.

•

Дальнейшая работа IX Международного съезда славистов проходила в пяти секциях: языкознание, литературоведение, литературно-лингвистическая проблематика, фольклористика, историческая проблематика (заседания проводились в Киевском университете).

Программа секций, подсекций, международных комиссий при МКС была обширна и разнообразна. Рассматривались разные аспекты изучения славянских языков: их история и современное состояние.

Обсуждались вопросы языковой ситуации в Киевской Руси и взаимоотношения древнерусского письменного языка с другими языками, а также сопоставительного изучения грамматики и лексики современных славянских языков, перспективы развития современных восточнославянских литературных языков: русского, украинского, белорусского. Много внимания было уделено проблемам, связанным с литературой Киевской Руси: ее роли и месту в славянской и мировой литературе; рассматривались творческие методы в современных литературах; вопросы развития метода социалистического реализма в славянских странах; социальное и культурное взаимообогащение славянских народов в послевоенные годы; проблемы фольклора в современной культуре и др. Целая серия докладов была подготовлена к 100-летию со дня смерти

И. С. Тургенева, в которых освещалась роль творческого наследия писателя в истории мировой литературы.

Активное участие в работе съезда приняли научные сотрудники Института русского языка АН СССР: они выступали с докладами и сообщениями, участвовали в дискуссиях при обсуждении разных вопросов. На пленарном заседании секции языкознания выступил член-корр. АН СССР О. Н. Трубачев с докладом «Языкознание и этногенез славян», вызвавшим широкую дискуссию. На разные секции представили доклады Г. А. Богатова, В. Я. Дерягин и Г. Я. Романова; Ж. Ж. Варбот; Л. П. Жуковская; Е. А. Земская; Р. Б. Кершиене, С. Е. Морозова и М. Н. Преображенская; А. Н. Кожин; В. В. Лопатин и И. С. Улуханов; Н. Ю. Шведова.

Изучением старинных печатных и рукописных книг занимаются ученые-исследователи в разных странах. На съезде обсуждался вопрос о создании международного Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического письма. В Советском Союзе завершено составление первого выпуска Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. Об этом сообщил С. О. Шмидт (доклад в соавторстве с Л. П. Жуковской и Н. Б. Шеламановой).

Вопросов, обсуждаемых на IX Международном съезде славистов, было так много, что их трудно даже перечислить в небольшой статье. Научные результаты этого славистического форума будут изучаться. Съезд наметил пути дальнейших исследований в области мировой славистики.

*

Впервые в практике съездов были проведены два заседания «круглого стола» по темам «Этногенез славян» и «Юрий Крижанич в контексте своего времени». Чтобы обсудить проблемы этногенеза славян, их древнейшей прародине, собрались языковеды и литературоведы, историки и археологи, фольклористы и этнографы.

При Международном комитете славистов работает 21 постоянная комиссия, четыре из них возглавляют советские ученые: общеславянского лингвистического атласа — В. В. Иванов, языковых контактов — С. Б. Бернштейн, исследования балто-славянских отношений — К. П. Корсакас, истории славистики — Д. Ф. Марков. На заседаниях комиссий были подведены итоги их деятельности со времени VIII съезда и приняты рекомендации на будущее.

Международный комитет славистов провел два выездных заседания. В Чернигове состоялся пленум, на котором обсуждался вопрос об изменениях в уставе комитета. Заседание в Каневе было

посвящено великому поэту Украины Т. Г. Шевченко и его вкладу в мировую культуру.

Большой интерес у делегатов и гостей съезда вызвала выставка славистической литературы, открытая в Киевском университете. Здесь были представлены издания, вышедшие во всем мире за последние пять лет (с 1978 по 1983 год). Это коллективные труды и монографии, научные журналы, сборники и учебники, словари и справочная литература по языкознанию и литературоведению, истории, фольклору, этнографии. Особый раздел составляет библиография по славяноведению, опубликованная в разных (в том числе и неславянских) странах к международным съездам славистов. Этот раздел был подготовлен Институтом научной информации по общественным наукам АН СССР, Библиотекой АН СССР и Центральной научной библиотекой АН УССР. Количество и разнообразие тем, рассматриваемых в представленной на выставке литературе, свидетельствует об интересе ученых, широкой общественности во всем мире к проблемам, которые изучаются славистами.

*

На заключительном заседании была оглашена телеграмма генерального директора ЮНЕСКО А. М. М'Боу, в которой отмечена успешная работа съезда.

С отчетами об итогах работы секций выступили их руководители. Они отметили важность и актуальность обсуждаемых вопросов, общий высокий научный уровень докладов и деловую атмосферу съезда.

Следующий, X Международный съезд славистов решено провести в столице Болгарии — Софии. Новым президентом МКС избран крупный болгарский ученый академик В. Георгиев.

Участники IX Международного съезда славистов приняли обращение ко всем деятелям науки, людям доброй воли.

Подводя итоги работы съезда, академик АН УССР П. Т. Тронько подчеркнул, что IX Международный съезд славистов — самый представительный форум в истории славистики — послужит дальнейшему развитию творческого сотрудничества славистов всего мира.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

ВЫДАЮЩИЙСЯ деятель Советского государства, замечательный педагог и активный строитель социалистической культуры Надежда Константиновна Крупская (1869—1939) была вдохновенным партийным пропагандистом. Она много занималась вопросами образования и культуры, умела понимать людей, говорить с ними, убеждать. Ее речи, беседы производили на них огромное впечатление. Со всеми Надежда Константиновна находила общий язык, всем стремилась помочь.

Известен такой случай. Летом 1918 года в Наркомпрос пришел Митрофан Ефимович Пятницкий — музыкальный деятель, именем которого теперь называется знаменитый хор русской песни. Он стремился поговорить с Н. К. Крупской по поводу организации Дома русской народной песни. Прием, оказанный Надеждой Константиновной, так взволновал его, что он долго не уходил из Наркомпроса, делясь с сотрудниками своими впечатлениями от состоявшегося разговора. М. Е. Пятницкий рассказал, что идея создания Дома русской народной песни у него возникла давно, еще до революции. Он неоднок-

*К 115-летию
со дня рождения*

**Н. К. КРУПСКАЯ —
ПРОПАГАНДИСТ
И
ОРАТОР**

кратно обращался в разные департаменты царских министерств, но напрасно. А тут сразу же на первом приеме у Н. К. Крупской он был понят и поддержан. Сама Надежда Константиновна произвела на него огромное впечатление своей искренностью, широтой взглядов, своей речью (Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской. М., 1979).

*

Умение воздействовать на людей делом и словом было свойственно Н. К. Крупской. Многолетний личный секретарь Надежды Константиновны В. С. Дридзо вспоминает, что, выступая перед трудящимися, Н. К. Крупская умела любой самый сложный политический или экономический вопрос изложить просто и доступно рабочему и работнице, крестьянину и крестьянке. Она всегда говорила так проникновенно, что каждому казалось: именно к нему обращены эти душевные слова. Надежда Константиновна неоднократно подчеркивала, что каждый работник должен уметь хорошо делать две вещи: говорить и писать. Делать это надо просто, не употребляя иностранных слов без надобности и «заумных» выражений. Это в прежние времена, говорила она, старались отгородиться от народа «жреческим» языком, а сейчас, в нашей Советской стране, это недопустимо.

Ее выступления прозрачны по языку, доходчивы, действительны. В них мы не встретим штампованных, шаблонных, избитых выражений. Именно ясностью мысли, строгой логичностью изложения, яркостью и непринужденностью речи добивалась она воздействия на аудиторию. И, конечно же, глубоким знанием психологии взрослых и детей. На Всероссийском совещании по внешкольной работе (15 ноября 1933 г.) Надежда Константиновна говорила о детской игрушке:

«Надо создавать такую игрушку, которая бы растила коллективиста и которая давала бы возможность развиваться самостоятельности ребенка. Игра важнее игрушки. Игра имеет огромное значение, потому что игра учит ребят организованности, она ребят воспитывает. Сейчас я говорю на совещании внешкольных работников. Выйди я на собрание вожатых, все на меня глаза бы вытаращили: они считают, что ребята у нас такие, что игра им не нужна, а если игра, то только в „белых и красных“...»

И далее: «Потребность в игре чрезвычайно большая. Она есть даже у подростков. Правда, внешние подростки часто игру презирают, но они любят поиграть с младшими ребятами, и, играя с ними, они, в сущности, играют сами. Почему младшие ребята так любят, когда старшие ребята с ними играют? Да потому, что старшие сами принимают активное участие в игре» (Крупская Н. К. Педагогические сочинения в 6-ти томах. М., 1978—1980. Т. 5, с. 399—400).

Это, казалось бы, простое выступление чрезвычайно действенно. И правда, мысль ясна: нужна такая игрушка, которая позволяла бы играть в творческие игры, так как они воспитывают и развивают ребят. Надежда Константиновна учитывала, что выступает перед внешкольными работниками. В ее речи нет ни одного непонятного для них слова, нет сложно выраженной мысли. Выдвинув тезис о важности игрушки, она говорит, как бы реагировала на ее слова аудитория вожатых. Затем доказывает справедливость своего тезиса. Сам подход к проблеме также интересен. Всегда обращает на себя внимание полемический момент в выступлении. В данном случае столкнулись две точки зрения: внешкольных работников и вожатых.

На IV Всероссийском съезде РКСМ (1921) председатель предоставляет слово Н. К. Крупской. Долгие, горячие аплодисменты... Она поднимает руку, успокаивая делегатов. Наконец в зале восстанавливается тишина. И Надежда Константиновна начинает говорить. Голос у нее тихий, она не повышает его, говорит ровно, как будто беседует с молодежью, рассказывая о тяжелом наследии царизма, о неграмотности, о нехватке учителей, о строительстве новой жизни, призывает комсомольцев пополнить ряды учительства.

*

Готовясь к выступлению, Надежда Константиновна чаще всего писала не само выступление, а его конспект, но редко пользовалась им, предпочитая просто беседовать с аудиторией. Поэтому ее речи отличает разговорность, непринужденность. Вот, например, Н. К. Крупская выступает на III пленуме Центрального комитета профсоюза работников просвещения (15 января 1930 г.): «Вопросы коммунистического воспитания и политехнического образования — они стоят в порядке дня в коммунах и еще боль-

ше стоят в порядке дня в рабочих организациях. Таким образом, вопросы политехнического образования надо продумать...»; «Педагогов других стран чем мы сможем больше всего убедить, чем мы сможем больше всего на них повлиять? Тем, если мы сумеем нашу марксистскую педагогику, наш марксистский подход к просветительской работе поставить наиболее четко, обосновать наиболее глубоко. Это вооружит нас для тех задач, которые перед нами стоят. Это даст нам силы провести и осуществить то, чего требует от нас переживаемый момент» (т. 4, с. 148, 149).

В этой речи Надежда Константиновна использовала элементы разговорного синтаксиса — повторы; короткие предложения; слова, имеющие основную смысловую нагрузку, вынесены в начало высказывания: «Вопросы коммунистического воспитания и политехнического образования...»; «Педагогов других стран...». Все это создает экспрессию речи.

*

П. В. Руднев, бывший сотрудник Наркомпроса, вспоминает, что в любом публичном выступлении, как бы многочисленна и разнообразна ни была аудитория, Надежда Константиновна всегда словно разговаривала с каждым в отдельности. Никакой позы, никаких лишних жестов. Только иногда подчеркнет рукой сказанное. И всегда это была живая речь, не написанная, а рождающаяся здесь же, в непосредственном контакте со слушателями.

Надежда Константиновна была очень скупа на слова. Ее речь до предела спрессованна в смысловом отношении, чрезвычайно информативна. Она очень мало пользуется тропами: у нее почти нет ярких эпитетов и сравнений, сложных метафор. Все слова простые и быденные, но за каждым словом стоит глубокая мысль и большое чувство. Н. К. Крупская, однако, широко пользовалась стилистическими фигурами: анафорой, параллелизмом, антитезой, инверсией. Это диктовалось прежде всего стремлением усилить речь и повысить ее воспринимаемость.

В докладе на педагогической секции ректорского совещания (11 января 1930 г.) она сказала: «Я остановлюсь на политпросвете... Мы видим, как те сети, которые существуют, совершенно ничтожны, совершенно недостаточны. В сметах и планах, которые составляются, есть попытка определить количественный размах той работы, которая

должна проделываться... Мы тут планируем, а между тем жизнь уже создает новые формы работы. Мы тут говорим, например, о колхозных университетах [*Колхозный* (деревенский, крестьянский) *университет* — одна из форм заочной подготовки кадров в области социалистического переустройства деревни] — обсуждается вопрос, как создать колхозный университет, продумываются планы этого колхозного университета, — а оказывается, что уже целый ряд таких колхозных университетов существует. Мы подходим к вопросу, как перестроить совпартшколы и программы их, а оказывается, уже произведены новые наборы...» (т. 4, с. 132). Здесь мы наблюдаем четко выраженный параллелизм, облегчающий слушателям восприятие речи: *Мы видим; Мы тут планируем; Мы тут говорим; Мы подходим...*

Облегчению восприятия служит и четкость композиции выступления. Так, речь на совещании делегатов I Всесоюзного слета пионеров (22 августа 1929 г.), озаглавленная «Воспитаем хороших общественников» (т. 4, с. 87—91) делится на пять частей: «Пионеры — организаторы общественной работы», «За плановость, за учет, за организованность», «Помогайте отстающим ребятам», «За общий труд для общего дела», «В ногу с жизнью». Четкая композиция позволяет слушателям выделить основные моменты выступления, отделить главное от второстепенного.

Выступая, Надежда Константиновна стремилась вовлечь аудиторию в разговор, заинтересовать ее. Всегда радовалась выступлению, в котором звучала своя мысль. И независимо от того, кто возражал ей — крупный руководитель или пионер, она прислушивалась к новому мнению. На Всесоюзной пионерской конференции (21 августа 1929 г.) она сказала:

«Мне особенно понравилось выступление одного парня, который был не согласен со мной по одному вопросу. Я говорила про то, что ребята должны проявлять инициативу, что если они работают только по предписанию учителя или вожатого, то это еще половина дела, а надо, чтобы они добровольно брались за дело, чтобы они сами вносили инициативу и делали те или другие предложения, чтобы их работа была добровольной коллективной работой. И вот возражавший мне пионер сказал, что мы должны учитывать также и опыт учителя или вожатого... Это самостоятельное его высказывание мне показало, что парень вдумывается в вопросы. Необходимо, чтобы ребята учи-

лись думать над жизнью, прислушиваться внимательно к тому, что им говорят, сами продумывали каждый вопрос и высказывали по нему свое собственное мнение» (т. 4, с. 85—86).

*

Надежда Константиновна говорила спокойно, без всякого внешнего эффекта. Ее выступления свидетельствовали о том, что она хорошо знает о всех трудностях в работе, в них была глубокая убежденность в правоте дела, в возможности общими силами преодолеть все препятствия на пути строительства новой жизни. На простых примерах она показывала, какое огромное значение имеет просветительская работа для советского строительства. Так, в выступлении на общемосковском слете вожатых (17 ноября 1933 г.), опираясь на жизненный факт, Н. К. Крупская объяснила, как важно не проходить мимо своих ошибок, уметь видеть их и исправлять:

«Много примеров я приводить не буду, вы, наверное, из жизни знаете, как это бывает. Надо объяснить ребятам, а как объяснить — не знают. И вот иногда вожатый идет по самому легкому пути: перелистывает книгу — вот лозунг какой-то; его спрашивает пионер по существу, а он ему старается лозунгом ответить. По существу он разъяснить ему не может, так как он сам не знает, что нужно вложить в этот лозунг...» (т. 5, с. 406).

И далее: «Я помню, как я начала учительствовать. Я воображала, что это у меня замечательно хорошо пойдет, — ну кто я грамоте не умею учить? А вот когда начала заниматься, так другой раз сознавала, что так объяснила плохо, неправильно, потом почь не спишь, ворочаешься: как я так сказала, как я такую ошибку могла сделать! Потом, когда проучительствовала несколько лет, я таких ошибок уже не делала. Конечно, у молодого учителя и у молодого вожатого ошибки неминуемы, но он не должен мимо своих ошибок проходить, он должен учиться их выправлять и внимательно свою работу проверять» (т. 5, с. 407). Здесь эмоциональное сопереживание аудитории усиливается фактом из жизни Н. К. Крупской. И этот факт, который показывает самокритичный подход к работе, убеждает больше, чем общие рассуждения.

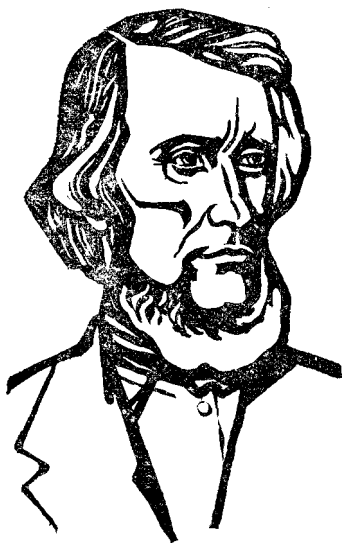
Н. К. Крупская считала, что учить говорить просто и ясно нужно с самого раннего детства. И большая роль в этом принадлежит школе. В речи на пленуме ЦБДКО [Центрального бюро детских коммунистических организаций при ЦК ВЛКСМ] (11 декабря 1932 г.), озаглавленной «Борьба за знания — важнейшая задача пионерорганизации», она сказала: «А сейчас ребята умеют говорить, умеют защищать свои мнения. Сейчас совершенно другое развертывание общественной жизни. Вся обстановка учит говорить. Но надо, чтобы тут помогала и школа чтобы она учила говорить просто, ясно, четко. Надо, чтобы каждый из ребят умел написать, выразить свою мысль, и не просто написать что-то, не просто написать какую-то резолюцию, а написать четко и убедительно о том, что его интересует» (т. 5, с. 295).

А. В. Луначарский, выступая в связи с 60-летием со дня рождения Н. К. Крупской, отметил, что она известна «как выдающийся революционер, вдумчивый марксист и как педагог» (Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской). Особенностью работы Н. К. Крупской является живая связь с народом, чуткость к новым явлениям жизни. Замечательный оратор, она умела убеждать слушателей, воздействовать на них ясным, простым словом.

Н. Н. РОХТЕВ

Рисунок В. Леонова

К 160-летию
со дня рождения
К. Д. Ушинского

УЧИТЕЛЬ
УЧИТЕЛЕЙ...

Константин Дмитриевич Ушинский — демократ-педагог, выдающийся методист, «учитель учителей», мыслитель и практик, — по праву считается основоположником научной педагогики и народной школы в России. За свою короткую жизнь он сделал столь многое, что его деятельность ознаменовала новую ступень в развитии педагогики и методики в России XIX века. К. Д. Ушинский был не только деятелем просвещения и педагогики в широком значении этих слов, он оставил глубокий след в науке как филолог, признававший великую роль языка в духовной жизни народа, его высокое историческое, общекультурное значение. С присущим ему вдохновением ученый писал:

«В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и истории народа, отражаясь в душе человека, выражалась в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства

человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа» (О первоначальном преподавании русского языка.— Все ссылки даны по изданию: Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 1—11. М.— Л., 1948—1952).

Ушинский считал, что «язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое» (ст. Родное слово).

В истории народного образования, передовой русской культуры и филологической науки XIX—XX веков известно много имен прогрессивных деятелей, ученых, видевших в русском языке его огромное образовательно-воспитательное значение (И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, Н. Ф. Бунаков, В. И. Чернышев и др.), но К. Д. Ушинскому принадлежат в этой области особые заслуги. По признанию самого Ушинского, цель своей жизни он видел в том, чтобы «сделать как можно больше пользы моему отечеству».

*

Родился Константин Дмитриевич в 1824 году в Туле, в дворянской семье; детство его прошло вблизи провинциального и очень древнего украинского городка Новгород-Северска (Черниговская губерния) в имении его родителей. Здесь он учился в гимназии, которую окончил в шестнадцатилетнем возрасте, и сразу же (в 1840 году) поступил на юридический факультет Московского университета.

В 1844 году, окончив университет со званием кандидата юридических наук, он возглавил кафедру энциклопедии законоведения, государственного и финансового права в Ярославском Демидовском юридическом лицее. Здесь он начал свою научную деятельность в области педагогики, читал лекции, в которых излагал передовые идеи о ведущей роли народных масс в ходе развития общества. Такое направление его деятельности в лицее вызвало недовольство реакционно настроенного начальства, и К. Д. Ушинский был уволен со службы. Не без труда ему удалось затем поступить на работу в канцелярию департамента иностранных дел, откуда вскоре он также был уво-

лен. В 1854 году К. Д. Ушинский поступает в Гатчинский сиротский институт преподавателем русской словесности и географии, а с 1855 года назначается инспектором (зав. учебной частью) этого института и с этих пор всецело отдается педагогической деятельности.

Под влиянием роста передовых общественно-педагогических сил в эти годы правительство было вынуждено зачислять на службу в государственных учебных заведениях прогрессивно настроенных преподавателей. Так в 1859 году Ушинский становится инспектором Смольного института благородных девиц в Петербурге; в 1860 году — редактором «Журнала министерства народного просвещения». В конце 1861 года он освобожден от должности редактора указанного журнала, а в 1862 году и от работы в Смольном институте. После этого Ушинский вместе с семьей находится за границей (1862—1867), где изучает постановку женского образования и продолжает заниматься теоретическими вопросами педагогики. Однако вскоре Константин Дмитриевич заболел воспалением легких и умер в расцвете творческих сил (похоронен в Киеве на высоком берегу Днепра, недалеко от Киево-Печерской лавры. Уточняем эти данные, так как в некоторых изданиях ошибочно указана Одесса. Действительно, Ушинский скончался в Одессе, но тело — по его воле — было перевезено в Киев и похоронено в Выдубицком монастыре).

Таковы — кратко — основные сведения биографического характера.

Надо сказать, что публикации о жизни и деятельности Ушинского стали появляться с довольно большим опозданием (отчего впоследствии обнаруживались неточности и расхождения в различных источниках). Только В. И. Чернышев, известный ученый-языковед и методист, спустя почти 40 лет после смерти Ушинского составил первую наиболее полную библиографию его сочинений. Еще в дореволюционные годы В. И. Чернышев начал собирать биографические материалы, которые опубликовал уже в советское время. В очерке биографа о жизни Ушинского есть такие строки:

«Его биография представляет настоящее „житие, повествующее о страданиях и подвигах“ за просвещение родной страны. Человек в высокой степени честный, прямой и правдивый, совершенно не способный на сделки со своей гражданской совестью, презирающий угодливость

властям, реформатор по натуре и убеждениям, К. Д. Ушинский нигде не мог работать не только до конца, но даже более или менее длительно» (Чернышев В. И. К. Д. Ушинский и его труды в отношении русского языка и русской литературы.— Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1946, вып. 1, с. 15). О причинах такого положения говорится в этой статье следующее: «Необыкновенные таланты, труды и заслуги К. Д. Ушинского всегда высоко ценились русским обществом и при его жизни, и после его смерти... Но при царском правительстве последовательно проводилось правило: чем больше уважения и признания оказывается со стороны общества, тем больше нужно проявлять препятствий, вражды и преследования со стороны власти. К. Д. Ушинский, можно сказать, до дна выпил эту горькую чашу гонения правительства». В результате он часто оставался без работы, а следовательно, и без средств к существованию.

Как видим, К. Д. Ушинский прожил короткую и в известном смысле трудную, но удивительно богатую и яркую жизнь. Уже в молодые годы, а тем более в зрелом возрасте он приобрел широкую известность своими педагогическими, философскими, журналистскими, филологическими трудами и был признан крупнейшим ученым своего времени.

В данной краткой статье невозможно представить в полном объеме обзор всех произведений Ушинского. Скажем обобщенно, что в его трудах ставятся, основательно и глубоко разрешаются с точки зрения теории и практики важнейшие для того времени вопросы образования и воспитания. В возрасте 23 лет заняв должность профессора в Ярославском Демидовском лицее, Ушинский издает в 1847—1848 годах цикл своих лекций, прочитанных слушателям этого лицея, а в 1848 году публикует большой научный труд «О камеральном образовании» (камеральные науки, камералистика — устаревшие термины: так назывался цикл административных, финансовых и некоторых других знаний, преподававшихся в учебных заведениях).

Эти первые педагогические издания свидетельствуют о том, что уже в ранний период деятельности молодой ученый проявил прекрасные способности к самостоятельному творчеству, обнаружил демократизм своих общественно-политических взглядов. Он ратовал за сознательность усвоения учебного материала в противовес

схоластике, господствовавшему тогда догматическому озвучиванию, проявлял заботу о правильном и свободном развитии способностей учащихся.

Новые идеи, принципы, установки Ушинского, его критика реакционных педагогических взглядов, энергичная практическая деятельность шли вразрез с требованиями начальства, которое устанавливает за ним слежку как за политически неблагонадежным человеком. Преследования Ушинского со стороны царских властей продолжались затем в течение всей его жизни как в годы работы инспектором, старшим учителем русской словесности, юридических предметов в Гатчинском сиротском институте, так и в период деятельности в Смольном институте, где он выступил в качестве реформатора этого учебного заведения. Здесь им были разработаны новые усовершенствованные программы; он добился перераспределения учебных дисциплин, ввел новые или поставил на предпочтительное место преподававшиеся ранее предметы, которым до этого не придавали того значения, какого они заслуживают в системе обучения: русский язык, физика, естествознание, география, гигиена, педагогика. Педагогику Константин Дмитриевич преподавал по составленной им особой программе.

Важно отметить, что, вопреки мнению начальства, несмотря на оказывавшееся ему сопротивление, Ушинский с самого начала обучения поставил на первое место среди образовательных предметов русский язык, а не западные и древние, как было до сих пор. Это означало подлинный переворот в просвещении того времени.

В письмах о «Педагогической поездке по Швейцарии» Ушинский, объясняя, почему отечественный язык в школах Швейцарии стал центральным предметом преподавания, делает вывод о том, что вообще «родное слово есть основа всякого умственного развития и сокровищница всех знаний: с него начинается всякое понимание, через него проходит и к нему возвращается». Ввиду этого Ушинский рекомендует добиваться такого положения, чтобы во вновь создаваемых русских школах учителя в своей работе руководствовались тем, «что слово есть единственная сфера развития духа и что на обладании этой сферой должно строиться всякое учение и развитие».

В этом состоит самый общий ответ на вопрос, который может естественно возникнуть: почему Ушинский, будучи юристом по образованию, столь горячо и убедительно вы-

сказывается о крайней необходимости изучать родной язык, в данном случае — русский. Об этом он говорит неоднократно и всякий раз настойчиво: «Изучение каждого предмета передается ребенку, усваивается им и выражается в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в устной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета... Не ясно ли теперь, что преподавание отечественного языка в первоначальном обучении составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты...» (О значении отечественного языка в первоначальном обучении. — Родное слово. Книга для учащихся). В статье «Родное слово» Ушинский образно говорит о том, что, изучая родной язык, дитя «пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова».

В вопросах изучения языка он был противником того, чтобы приучать детей подражать слогу писателей-классиков, ибо подражательность (введенная, например, во французских школах), как отмечает Ушинский, приводит к усвоению чужих, готовых оборотов, приучает к фразерству, не вырабатывает «собственного слога»: «Лучше писать плохо, тяжело, да по-своему чем чужими готовыми фразами». В «Руководстве к преподаванию по „Родному слову“» он довольно строго излагает свое понимание художественных качеств речи: «Та речь действительно хороша, которая выражает как раз то, что должна выразить: ни более, ни менее. Всякие украшения речи, не имеющие отношения к ее содержанию, только портят ее; а известно, как часто школа... развивает страсть к этим, так называемым, *цветам красноречия*... Не садить и размножать, но вырывать с корнем эти цветы красноречия должна хорошая школа...»

Ушинский, как видим, выступает против искусственности, за естественность, непринужденность и выразительность речи; при этих условиях достигается содержательность как живого, устного, так и письменного слова. Он призывал развивать самостоятельность учащихся, их творческие способности, дар слова путем изучения языка, упражнений в нем, дабы получить высокие качества речи, говорил о необходимости воспитывать бережное отноше-

ние к языку, этому бесценному достоянию, унаследованному от предшествующих поколений.

В указанном «Руководстве» он пишет: «...язык, которым мы обладаем, не есть что-нибудь прирожденное человеку и не какой-нибудь случайный дар, упавший человеку с неба, но плод бесконечно долгих трудов человечества, начавшихся с незапамятных времен и продолжающихся до настоящего времени в наследственной передаче от племени к племени и от одного поколения к другому. Филология доказывает несомненно, что многое в том языке, которым мы теперь обладаем и который называем русским и нашим, было выработано теми отдаленнейшими предками нашего племени, которых и имени мы не знаем...»

Вдохновляемый принципом народности воспитания, Ушинский считает основной его задачей подготовку человека к жизни, к труду в общенародных интересах. Он вырабатывает прогрессивную педагогическую систему, пересматривает и заново конструирует все составные части школы, включая ее структуру, содержание, учебники, методы преподавания.

Ушинский на этой основе создал передовую дидактическую теорию, важной составной частью которой является теория первоначального обучения, в частности методика преподавания родного языка. Придавая первостепенное значение родному языку в формировании человека, Константин Дмитриевич обратил внимание на неудовлетворительное состояние учебных книг для учащихся. Он не только резко критикует школьные грамматики и методические пособия того времени, но и сам всецело отдается работе по созданию новых учебников, которые не просто сообщали знания, но развивали, открывали детям окружающий мир, заставляли думать, наблюдать, сопоставлять, сравнивать, оказывали сильное эмоциональное воздействие на детскую душу. Так появились его классические учебники для школы: «Родное слово. Книга для учащихся» (1864) в трех частях, «Детский мир» (1861) в двух частях.

Опубликование замечательного учебника русского языка «Родное слово» способствовало окончательному изгнанию из школьной практики труднодоступного для детей, просуществовавшего несколько веков (с XVI до середины XIX в.) буквослагательного метода обучения грамоте. Этот учебник выдержал рекордное число изданий — 157! «Детский мир» издавался в дореволюционное время

47 раз. И это несмотря на всякого рода постоянные нападки реакционеров из министерства просвещения. На эти книги Ушинского налагались запреты от имени Ученого комитета министерства народного просвещения; в 1865 году высшие чины учебной администрации «Родное слово» называли «зловредною книгою»; затем (с середины 80-х годов) в течение 14 лет обе учебные книги Ушинского были совсем изъяты из школьного обращения. Под воздействием передовой общественности в 1901 году они были снова допущены в школу. На этих книгах учились и воспитывались многие поколения русских людей, да и не только русских, но и молодые поколения наций и народностей, входящие ныне в состав Страны Советов.

В статье «Родное слово», которая предшествовала учебнику под тем же названием, а затем и в «Руководстве к преподаванию по „Родному слову“» Ушинский много внимания уделяет вопросу о месте литературы и языка среди школьных предметов, об их огромной роли в обучении и воспитании учащихся. Эти идеи нашли отражение и в таких трудах, как «О первоначальном преподавании русского языка», «О средствах распространения образования посредством грамотности» и др.

Ушинский называет родной язык зеркалом и голосом родной природы: «Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости,— словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове» (ст. Родное слово).

О русской литературе Ушинский говорит не так подробно, как о русском языке, поскольку его интересовали прежде всего начальные годы обучения, когда литература как предмет не преподается. Однако в его сочинениях содержатся важные высказывания о существенных сторонах русской литературы в целом, так же как и о народной поэзии, народном творчестве, различных жанрах народной словесности. Так, он считал необходимым использование пословиц, поговорок, загадок и сказок уже при первоначальном обучении родному языку.

Наши пословицы,— говорил он,— «животренившее проявление родного слова, вылетевшего прямо из его живого глубокого источника — вечно юной, вечно развивающейся души народа. Эти пословицы и поговорки, сами дыша жизнью, побуждают к жизни и семена родного слова, всегда коренящиеся, хотя и бессознательно, в душе ребенка... Но если наши пословицы не годятся для грамматического разбора, зато едва ли есть лучшее средство привести дитя к живому источнику народного языка и внушить душе ребенка бессознательно текст этого языка». Детские народные сказки Ушинский определял как «первые и блестящие попытки русской народной педагогики»; он ставил их «недосягаемо выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой» (Родное слово. Книга для учащихся).

Что касается образцов литературы, то в «Детском мире», в его маленькой хрестоматии, дано богатейшее собрание текстов лучших образцов русской поэзии того времени: стихи Державина, Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Некрасова, Фета, Тютчева, И. Аксакова, Полонского, Никитина, Кольцова, А. Майкова; басни Крылова, Дмитриева.

Таким образом, Ушинский сделал многое для создания научных основ обучения русскому языку и литературе. Вместе с тем многое сделано им и в области методики преподавания других предметов (арифметики, естествознания, иностранных языков и др.). Двухтомный капитальный труд Ушинского «Человек как предмет воспитания» (1869) раскрывает основы педагогической психологии, составляет фундамент его дидактики.

Важнейшую роль в формировании личности Ушинский отводил воспитанию привычки трудиться, любви к труду. Напутствуя вступающую в жизнь молодежь, он утверждал, что если вы правильно выбрали себе труд и вложите в него всю свою душу, то счастье само вас отыщет. Заметим, что здесь, как и в других случаях, идеи Ушинского во многом созвучны требованиям наших дней (разумеется, более широким в новых социальных условиях): необходимость трудового обучения и воспитания молодежи, подготовки ее к жизни, к активной деятельности на благо общества.

Все сказанное говорит о большом значении деятельности К. Д. Ушинского, о благотворном влиянии его прогрессивных идей на последующее развитие педагогической науки в нашей стране. Гений Ушинского вызвал к жизни

плеяду русских педагогов и методистов (Н. Ф. Бунаков, В. Я. Стоюнин, В. П. Острогорский, Д. Д. Семенов, В. И. Водозовов и др.), а также представителей других народов России. Так, выдающегося педагога Якова Гогобашили недаром называют «грузинским Ушинским». По образцу «Родного слова» он создал книгу на грузинском языке (под тем же названием), которая оказалась лучшим учебником для грузинских детей. Последователями Ушинского были азербайджанский педагог Р. Эфендиев, И. Алтышарин в Казахстане, Г. Агаян в Армении, К. Насыри в Татарии и др.

Хотя Ушинский и не поднялся до уровня философского материализма Чернышевского, в ряде вопросов допускал дуализм, уделял заметное место патриархально-религиозной нравственности, все же в мировоззрении Ушинского ведущим было материалистическое направление. Как отмечала Н. К. Крупская, он смело шел от идеализма к материализму.

Подчеркивая значение педагогического наследия Ушинского для советской школы и педагогики, М. И. Калинин говорил: «... у нас уже социалистический строй. Но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский... это — постоянные педагогические идеи. Мало того: я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены» (О коммунистическом воспитании и обучении. Сб. статей и речей. М. — Л., 1948, с. 121).

В нашей стране бережно относятся к педагогическому наследию Ушинского, внимательно изучают; книги его издаются и переиздаются. Крупнейшее книгохранилище — Ордена Трудового Красного Знамени государственная научная педагогическая библиотека в Москве — носит имя К. Д. Ушинского. Авторам лучших педагогических трудов присуждается премия его имени. В 1945 году учреждена медаль К. Д. Ушинского, которой награждаются особо отличившиеся учителя, деятели в области народного образования и педагогической науки.

И. Ф. ПРОТЧЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

В 1861 году Константин Дмитриевич Ушинский издал книгу «Детский мир и Хрестоматия», которая предназначалась им для чтения на уроках русского языка. Помещаем рассказ «Зима» из этой книги как образец литературно-педагогического творчества К. Д. Ушинского, который основную задачу своей книги видел в том, чтобы дать учащимся начальных классов школы самые первые сведения о природе, географии, истории и т. п.

ЗИМА

1. Зимой солнышко хоть и светит, но мало греет. Оно не долго остается на небе. Зимние дни гораздо короче летних, а ночи длиннее. В России зимы продолжаются долго и бывают иногда очень холодны. Реки и озера замерзают так, что по льду можно ходить и ездить. Земля покрывается толстым слоем снега. Снег очень полезен, потому что под ним и в сильные морозы сохраняются невредимо семена трав, цветов и хлебов. Без снега семена могли бы вымерзнуть.

2. Лист еще в конце осени падает с деревьев, и березовая или дубовая роща, тепистая летом, к зиме становится прозрачной. На голых сучьях, вместо листьев, развешиваются хлопья мягкого, белого снега. Одни только ели и сосны зелены и зимой. На них всю зиму остаются зеленые иголки, или *хвои*. Деревья, с хвоей вместо листьев, называются *хвойными*. Деревья, одетые листьями, — *лиственные*.

3. Зимой гораздо менее птиц в лесах и зверей на полях, а насекомые совсем исчезают. Иные из них погибают, оставляя яички, другие забираются глубоко в землю, как, например, муравьи. Некоторые насекомые засыпают на всю зиму и просыпаются только весной, когда земля оттает. (Что делается зимой с мухами?) Многие птицы улетают на зиму в теплые края, иногда за тысячи верст. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки, соловьи покидают нас еще с осени. Дикая гуси, утки, лебеди еще с осени тянутся по небу с севера на юг длинными вереницами. Они очень хорошо чувствуют, что, чем южнее, тем теплее, и ищут таких стран, где не бывает зимы. (Знаете ли вы, какие это страны?) Таких птиц называют *перелетными*. Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуют с нами и потому назы-

ваются *зимующими*. Остаются также и воробьи в своих теплых гнездах; но и те зимой прыгают не так весело, как летом.

4. Звери, большей частью, также скрываются на зиму в берлоги, норы и дупла деревьев. Иные засыпают на самое холодное время, как, например: еж, медведь байбак, сурок. Но белка не засыпает, она приберегла себе с осени хороший запас орехов в дупле дерева и грызет их целую зиму. Животные, засыпающие на зиму, называются *зимоспящими*. Домашние животные, лошади, коровы и овцы, погибли бы зимой от голода и холода, если бы человек не выстроил для них теплых хлевов и конюшен и не приготовил сена и овса.

5. При наступлении зимы человек старается устроиться по-зимнему. Он вставляет двойные рамы в окна, сильно топит печи, надевает теплое платье, прячет колесные экипажи до весны и выдвигает из сарая сани. (Что у саней вместо колес?) Зимняя дорога гораздо легче летней, и потому зимой по всем дорогам тянутся большие обозы с различными тяжелыми товарами. Почтовая тройка весело бежит, побрякивая колокольчиком; даже деревенская кляча — и та зимой прибавляет шаг. Сани легко, со скрипом, скользят по снегу. Полевые работы прекращаются еще осенью. Но крестьяне без работы не остаются и зимой. Когда они перемолотят хлеб, то идут на заработки: нанимаются на *фабрики* или пускаются в извоз. Женщины зимой прядут и ткут. Вот почему крестьяне так весело похлопывают рукавицами, когда первый снег закроет кочки и лужи и ляжет гладким первопутком. Мальчики тоже рады первому снегу. Пришла для них пора играть в снежки, лепить баб, кататься на салазках и на коньках. Свечей в домах и лучины в избах горит зимой гораздо более, чем летом (почему?).

<...> 7. Но не всегда же зимой светлые дни: бывают и метели. Когда подыметесь вьюга, то сильный ветер несет хлопья снега, и свистя и завывая, крутит его в воздухе. В иную метель, как говорится, *зги не видно*, в десяти шагах нельзя различить человека, и нет ничего легче, как сбиться с дороги в такую непогоду. Не беда еще, если нет сильного мороза и путешественник успеет забиться в сугроб снега, под снегом тепло. Но если вьюга и мороз, тогда не мудрено и замерзнуть. Как отрадно в такую погоду добраться до деревни. Хотя ее и занесло снегом, хотя избы в ней черны, зато в них тепло. <...>

К уроку литературы

Краски-слова в рассказах А. П. Чехова

«Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча...», «Теперь, наверно, дед стоит у ворот...», «А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы» — читаем в известном чеховском рассказе «Ванька».

Печальна история Ваньки Жукова, но в ней и свет, и детская радость, и надежда... А. П. Чехов нашел самые нужные слова. Но как приобщиться к его мастерству? Может быть, этому поможет наглядность чеховских описаний и его цветовые определения, хотя и скупые. Проследим их: *темный* образ — *темное* окно — *ярко-красные* окна деревенской церкви — *ночь темна* — *деревья, посеребренные инеем*, — *черный* кулак — *золоченый* орех — *зеленый* сундучок. Вот и все краски в рассказе «Ванька».

Темный цвет начинает рассказ, и, казалось бы, именно этот цвет должен быть здесь главным. Но темный цвет светлеет: *ночь*

темна, а крыши белые, деревья, посеребренные инеем, ярко-красные окна. И на фоне светлой темной ночи рассказ Ваньки о его житье-бытье у сапожника звучит особенно горестно. И черный кулак, которым всхлинывающий Ванька трет глаза, возвращает к темному окну с мелькающим отражением свечки.

Но вновь звучит нота детской радости. Ванька вспоминает о елке и просит деда: «...возьми мне золоченый орех и в зеленый сундучок спрячь». Золоченый и зеленый — эти цвета оттесняют темное и черное и создают одну картину ночи, которая темна, но и светла от белых крыш, инея, соединяются с воспоминаниями о лесе, в котором дед рубил елку, и со сладкими надеждами Ваньки. Так и горе, и радость обнаруживают наглядность повествования, а в ней легкие, почти пунктирные цветовые штрихи намечают, поддерживают настроение рассказа.

*

В школьной программе — «Ванька», «Каштанка», «Человек в футляре», «Поныч», потом будет Чехов — автор иных рассказов и повестей. Чехов-драматург. Но не пропустить бы чеховское слово на этих первых перах знакомства с писателем. Он так нагляден и так доступен детскому восприятию.

«Шел крупный пушистый снег и красил в белое мостовую, лошадиные спины, шапки извозчиков, и чем больше темнел воздух, тем более становились предметы» — это из рассказа «Каштанка».

Как же хорошо и точно: воздух становился темным, темнел, стал темным, потемнел; снег белый, предметы становились белее, стали белыми, белые. У каждого слова свое место. Слова и все его формы, скучные, как казалось обычно, категории — степени сравнения, несовершенный вид... — все ожило: грамматические правила, краски.

А Каштанка смотрела, как смотрят и видят дети, — остранинно и верно: Лука Александрыч «взял подмышку какую-то деревянную штуку, завернутую в красный платок...». А потом был белый снег, воздух темнел. А потом были потемки, которые прогнал свет. Таинственный незнакомец — хозяин квартиры — мог свет унести, и тогда вновь наступали потемки, и в потемках и в тишине чувствовалось что-то тоскливое (как пугало Ваньку темное окно). В темноте под шубой хозяина вспыхивали тусклые зеленые искры — это открывал глаза кот...

А когда Каштанка попала в цирк, то пестрый костюм хозяина представился действительно несообразным в своей (уже ощущаемой нами) мешанине цветов: светло-желтого, коричневого, зеленого... Хозяин еще «густо намазал лицо чем-то белым и сверх белой

краски нарисовал еще брови, усы и румяны». Эта смесь цветов заговорила сама по себе, в ней было что-то случайное, негармоничное и потому неустойчивое. Возвращение Каптанки к столюру воспринималось как возвращение к своему, привычному, родному, надежному и устойчивому (без теней, пугающих потемок, ненужных красок).

*

Когда же появляется в ученической жизни «Человек в футляре», то *темные очки* понимаются с абсолютной точностью. Слово *темные* в этом сочетании не имеет ничего общего с осмыслением цветowych образов: *ночь темна, темнел воздух, темное окно. Темные очки* закрывали мир, отделяли человека в футляре от всего живого, загоразживали его стеной от молодого, веселого Коваленко, от высокой, стройной, чернобровой и краснощекой Вареньки, от ее песен и борща «с красненькими и с синенькими», отделяли от всего мира с его красками, радостями и горестями.

А складывается образ человека в футляре сначала из внешних вещных и конкретных деталей. Беликов «был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой...». Но не внешним видом страшен Беликов. Внешне он скорее смешон. Однако в городе «стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте...»

Страшен Беликов своим внутренним содержанием — мировосприятием, образом мыслей, убежденной настойчивостью в своей правоте. Его «чисто футлярные соображения», как именует их автор («все это прекрасно, да как бы чего не вышло»), подавляли. К этим соображениям идет переход от внешних деталей, в ряду которых выделяются *серый замшевый чехол на часах, нож в чехольчике, темные очки. Серый* — единственное цветовое определение в первоначальном портретном описании Беликова — соединено с относительным прилагательным *замшевый*. *Серый* — это не цвет моря, неба или глаз. *Серый* цвет замши — тусклый, неживой цвет. Он легко сочетается с двумя другими постоянными цветовыми определениями Беликова — *бледный и темный*; *темные очки на бледном лице*.

У Беликова собственно нет глаз, их закрывают очки. И эта безглазость особенно заметна, когда появляется Варенька: у нее *темные глаза*. Она «глядит на него задумчиво своими темными глазами». А как глядит Беликов? У него только *темные очки*. Цветовое определение *темные* приобретает разные оттенки значения в разных словосочетаниях. Оно как бы соединяет лица Беликова и Вареньки и одновременно отталкивает их. *Темные глаза* — глядящие, задумчивые и *темные очки* — скрывающие глаза, взгляд, открытость мыслей и чувств.

А вот слово *чехольчик* начинает иную линию, которую с нарастающей выразительностью вычертит особо выделенное автором определение *маленькое*: темные очки «на бледном, маленьком лице, — знаете, маленьком лице, как у хорька...». И далее: Беликов *маленький, скрюченный*, у него *слабая, кривая улыбочка*. Слова в уменьшительной форме (*чехольчик, улыбочка*) как бы повторяют смысл определений *маленький, скрюченный*. А цветовой фон (вернее, его бесцветность) еще более усиливают значение слов *маленький, слабый*: маленькое бледное лицо, Беликов *бледен*.

Однако Беликов не застывший символ. Он все же живой человек. И именно это особенно страшно. Недаром в конце рассказа один из собеседников в смятении заговорит о том, что каждый человек может попасть в футляр лжи, унижения, притворства, если будет все это сносить ради куска хлеба и теплого угла.

Беликов, его чувства, мысли, его глаза упрятаны в футляр одежды и штампованных слов (*футлярных соображений*). Как же автор показывает существование у Беликова живой реакции на события, по-своему остро переживаемые? Краски, сменяющие обычную бледность, выплескивают чувства Беликова. Эти же краски и противопоставляют его окружающим. Беликов не *бледен* — он *зеленый*, когда получает карикатуру о «влюбленном антропосе». Беликов — «зеленый, мрачнее тучи» — встречает Вареньку и ее брата, мчащихся на велосипедах. Варенька — «красная, заморенная, по веселая, радостная». И Беликов возмущен — и «из зеленого стал белым».

На другой день он идет объясняться к Коваленкам. Несходство характеров, взглядов Коваленко и Беликова передают два цветовых антонимичных глагола: Коваленко *побагровел*, а Беликов *побледнел*. Смена чувств — смена красок: *зеленый — красная, зеленый — белый, побагровел — побледнел*. Противостоят и постоянные цветовые определения: Беликов — *маленький, бледен*; Коваленко — *высокий, стройный, смуглый*; Варенька — *тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая*. У Беликова *темные очки. Темные глаза* у Вареньки. Как мы могли заметить, противостоят не только раз-

ные краски, но и, казалось бы, одни и те же: *темные* глаза — задумчивые, живые и *темные* очки — непроницаемые, страшные своей безглазостью.

*

И совсем страшен *темный* цвет в рассказе «Ионыч», он страшен своим отсутствием всякого цвета. Молодой доктор Старцев потянулся к Туркиным, влюбился в их дочь Котика. Но все остается бесцветным или темным: *темные* листья, было *темно*, в *темноте*, *темный* дом и сад, хотя в этом «темном» ряду есть и четкие яркие краски: *розовый*, *голубой*, *желтый*, *зеленый*, *красный*. Почему же они не окрашивают жизнь Старцева и Котика — Екатерины Ивановны, не сливаются с их настроением? Посмотрим, к чему относится цвет, что он передает.

Котик — Екатерина Ивановна — *розовая* от напряжения: она играла на фортепьянах, *розовая* не от чувства радости, солнечного тепла, а только от физического напряжения. *Голубым* был конверт, в котором мать Котика прислала письмо доктору Старцеву с просьбой приехать к ним, Туркиным. Это единственный иронично обыгранный цветовой образ — обыкновенный, стандартно *голубой* дамский конверт, как предвестник любви Старцева к Котику. Был еще *желтый* кладбищенский песок, *желтые* и *зеленые* деньги, которыми набивал карманы доктор Старцев. А в финале — пухлый, *красный* Старцев и его кучер, тоже пухлый, *красный*, с мясистым затылком.

И как бы ни были яркие краски, они только раскрашивают вещи, соприкасающиеся с жизнью Старцева, с жизнью Туркиных. Краски конкретны, цветовые определения имеют абсолютные значения цвета, они лишены здесь переносных осмыслений. Даже тогда, когда краски касаются лица Котика или Старцева, они выделяют только физическое состояние, они бездуховны: Котик — *розовая* от напряжения, Старцев — *красный*, пухлый, ожирел, тяжело дышит.

*

Так, опираясь на наглядность чеховского текста, мы входим в мир его скупых, но говорящих красок. Они помогают понять все разнообразие смысловых оттенков. И пусть это понимание слова начнется еще на школьной скамье.

А. А. БРАГИНА

Рисунок В. Леоньева

«А ЖИЗНЬ, ТОВАРИЩИ... БЫЛА СОВСЕМ ХОРОШАЯ!»

В недавно найденном исследователями письме орловским пионерам Аркадий Гайдар писал: «При разборе „Голубой чашки“ обратите внимание на язык. В этом рассказе мне удалось достичь большей краткости, ясности и выразительности языка, чем в некоторых моих прошлых книгах» (Комсомольская правда, 23 июля 1983). И действительно, короткий этот рассказ надолго запоминается читателям не только своей поэтичностью, глубиной и важностью затронутых в нем проблем, но и удивительным мастерством автора в использовании языковых средств.

В рассказе, как отмечал Лев Кассиль, есть «как бы несколько разных слоев глубины. Чем взрослее читатель, тем дальше и глубже может заглянуть он в замысел гайдаровского рассказа» (Л. Кассиль. Гайдар. — В кн.: Гайдар А. П. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1, М., 1971). У тех из нас, кто читал «Голубую чашку» только в детстве, наверное, сохранилась в памяти история о крепкой дружбе отца и шестилетней Светланы, об их обиде на мать Светланы, решившую почему-то, что это они разбили ее голубую чашку, и о полном впе-

чатлений неповторимом летнем дне, который провели отец со Светланой, уйдя из дому.

Однако, перечитывая рассказ, убеждаешься, что его содержание гораздо глубже, чем это казалось в детстве. Отчуждение в семье возникло совсем не из-за разбитой чашки, а из-за повседневности быта, оттеснившего на задний план ту любовь, которая связывала семью: «Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать веревки, заколачивать костыли и гвозди.

Нам все это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим все новые да новые дела и себе и нам придумывает».

К чувству обиды на Марусю, которой перестало хватать времени и душевного тепла для мужа и дочери, примешивается и ревность. Ведь когда все дела, казалось, были переделаны, Маруся целый вечер проводит не с ними, а со своим товарищем, полярным летчиком, да еще уходит провожать его на станцию.

Наутро Маруся уезжает — очевидно, снова по хозяйственным делам — в город, а отец и Светлана, так долго ждавшие совместной семейной прогулки, решают, что жизнь у них «совсем плохая», и уходят из дому «куда глаза глядят».

Однако в дороге их постоянно окружают светлые картины счастливой мирной жизни. Они встречают немало хороших людей, каждый из которых преданно служит своему делу, любят природу, неповторимой природой, а вечером видят, как идут им «навстречу с работы усталые, но веселые люди». Светлане вспоминается вдруг, как высоко они с матерью качались на качелях (значит не всегда Маруся заставляет «заколачивать костыли и гвозди» и запрещает мастерить вертушку!), а ее отец слышит внезапно в голосе дочери Марусины интонации и видит на ее лице «милый задумчивый Марусин взгляд». По просьбе Светланы он рассказывает полную поэзии историю своего знакомства с Марусей и любви к ней. К тому же из слов наблюдательной Светланы выясняется, что Маруся по-прежнему смотрит на мужа долгим любящим взглядом, а летчик, с которым Маруся провела весь вечер, приезжал прощаться, потому что он улетает «далеко и насовсем».

И оба героя, хотя и с разной степенью глубины, понимают, что любовь в их семье по-прежнему жива, нужно только не поддаваться мелким обидам и видеть главное: жизнь, несмотря на все неприятности и огорчения, которые могут встретиться в ней, — совсем не плохая.

«— Ну что?! — спрашивает в конце рассказа Светлана. — А разве теперь у нас жизнь плохая?»

«Золотая луна сияла над нашим садом.

Прогремел на север далекий поезд.

Прогудел и скрылся в тучах полуночный летчик.

А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!» — так заканчивается «Голубая чашка».

*

Как же удалось писателю вложить столь глубокое содержание в рассказ, доступный пониманию и дошкольников? Главное здесь в манере изложения, избранной Гайдаром. Многое из того, о чем говорится в «Голубой чашке», не сказано в ней явно, многое может быть понято лишь при активном творческом участии читателя.

Рассказ строится как воспоминание, которое будто бы не предназначено для читателя. Поэтому подробно здесь описано только то, что отец со Светланой увидели впервые. Люди же и места, им хорошо известные, на первый взгляд, вообще не получают описания.

В рассказе есть, например, подробный портрет главного колхозного сторожа, встреченного героями: «И тут мы увидели, что под кустами стоит седой бородатый старик.

У старика были могучие плечи. В руках он держал тяжелую суковатую дубинку. А у его ног стояла высокая лохматая собака и скалила зубы на поджавшего хвост Пашкиного Шарика.

Старик приподнял широченную соломенную шляпу, важно поклонился сначала Светлане, потом уже всем нам».

Так же подробно описана и дочь сторожа Валентина. А вот как выглядела главная героиня рассказа Светлана? Поскольку рассказчик не стремится говорить о том, что самому ему хорошо известно, невнимательный читатель портрета Светланы в рассказе не найдет. И в то же время портрет этот есть, однако выполнен он в виде отдельных определений, надежно упрятанных от поверхностного взгляда в разных частях рассказа.

Вот примерно в середине рассказа Светлана поет одна на поляне. «Я спрятался за кустом,— сообщает рассказчик,— и увидел, что *рыжеволосая толстая* Светлана стояла перед цветами, которые поднимались ей до плеч, и с воодушевлением распевала такую только что сочиненную песню...». А вот Светлана с отцом не могут найти дороги через болото. «Уже тревога выступила на *веснушчатом* лице притихшей Светланки»,— пишет в этом месте Гайдар, и мы узнаем про еще одну черту внешности Светланы. Почти в конце рассказа есть такие строки: «Тут Светлана вздернула *тоненькие* брови... Как будто бы сияние озарило *голубые* Светланкины глаза...». Эти слова завершают портрет девочки.

Точно так же по отдельным предложениям, рассыпанным в тексте, можно восстановить и, казалось бы, отсутствующее в рассказе

описание дачи, на которой жили герои. «Так мы и сделали,— говорится в одном месте рассказа.— Положили в сумку что надо было, закрыли *все пять окон*, заперли *обе двери*, а ключ подсунули под крыльцо». «Далеко позади остался наш *серый домик с деревянной крышей*»,— сказано в другом месте. «Ни *дырявого* забора, ни *высокого* крыльца еще не было видно, но уже показалась деревянная крыша нашего серого домика...» — читаем мы еще в одном фрагменте.

*

Стремясь к краткости и выразительности языка, рассказчик не только почти никогда не показывает своих чувств окружающим, но и не пишет о них ничего такого, что могло бы быть непонятно детям. Вот Маруся долго сидит в саду со своим товарищем летчиком. Взрослому читателю понятно, что Светлана и ее отец испытывают в этот момент не совсем одинаковые чувства. Однако о своих мыслях и чувствах рассказчик не говорит. «Они,— сообщает он,— долго сидели в саду, под вишнями. А мы со Светланой ушли во двор к сараю и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

Когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и легла спать, а сама пошла проводить летчика до вокзала.

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела».

А вот другой эпизод: «— Папка,— взволнованно спросила тогда Светлана.— Это ведь мы не по правде ушли из дома? Ведь она нас любит. Мы только походим, походим и опять придем». И Светлана показывает отцу, каким любящим взглядом смотрела вчера на него Маруся.

«Как будто сияние озарило голубые Светланкины глаза,— пишет Гайдар,— вздрогнули опустившиеся ресницы, и милый задумчивый Марусин взгляд упал мне на лицо».

Взрослый читатель легко представит себе, какие чувства испытывал в эту минуту рассказчик. Однако в тексте рассказа говорится не об этом, а совсем о другом: «— Разбойница! — подхватывая Светлану, крикнул я.— А как ты на меня вчера смотрела, когда разлила чернила?»

Подобно многим людям, которые стесняются демонстрировать окружающим свои чувства, рассказчик скрывает эти чувства за юмором и иронией. Добрая улыбка чувствуется в словах автора и тогда, когда он, явно цитируя услышанное от детей, говорит о двух дуплистых березах, «под которыми нашла вчера соседская девчонка три *хороших* белых гриба. Жаль только, что *все они были*

червивые», и тогда, когда Гайдар передает милые особенности детской речи Светланы: «— Мне трава высокая, а я низкая»; «— Вот он, Полкан-великан, лохматый и зубатый»; «— Ну, тогда ты меня за дверь выгнал, а *выгнаты*е смотрят всегда сердито».

Скрытая ирония проявляется и в целых эпизодах рассказа. Вот отец со Светланой забрались на крышу, чтобы приладить там вертушку, и видят, «как в соседнем саду, у крыльца, дымит трубой самовар. А на крыльце сидит хромой старик с балалайкою, и возле него толнятся ребятишки».

Потом выскочила из черных сеней босоногая сгорбленная старуха. Ребятишек турнула, старика обругала и, схватив тряпку, стала хлопать по конфорке самовара, чтобы он закипел быстрее».

Рассказчик делает вид, что не замечает комичности положения. Ведь спустя несколько минут в похожую ситуацию попадают и сами герои. Вернувшись со станции, озабоченная порядком в доме, Маруся прогоняет отца с дочерью с крыши. И если эпизод со стариком вызвал у героев беззлобную улыбку, то на Марусю оба они всерьез обижаются.

*

Еще одним средством, позволяющим автору незаметно для читателя передавать свои мысли и чувства, служит синтаксис. Рассказ построен в форме неторопливых воспоминаний, и потому для многих его предложений характерен разговорный порядок слов, дополняемый, кроме того, и разговорной лексикой: «Нам все это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим все новые *да* новые дела и себе и нам придумывает» (за пределами разговорного стиля вторая часть этого предложения выглядела бы примерно так: «...а Маруся одно за другим придумывает и себе и нам все новые и новые дела»).

В разговорных фрагментах рассказа нередко предложения с несколькими однородными сказуемыми, одно из которых стоит перед подлежащим: «Только что мы проснулись, подходит Маруся и спрашивает...»; «Добежал до нас Санька, остановился и слезы ситцевым кулком вытирает»; «Испугалась сначала бабка, не разобравши, что такое, и погрозила нам кулаком». Такие предложения напоминают неторопливое повествование, характерное для произведений фольклора.

Однако в местах, важных для содержания рассказа, эта неторопливая манера переходит в изложение с совершенно иным порядком слов.

Желая остановить внимание читателей на описываемых картинах, Гайдар использует синтаксический параллелизм — одинаковое

построение соседних предложений: «Наступал вечер. Шли нам навстречу с работы усталые, но веселые люди.

Прогрохотал в гараж колхозный грузовик.

Пропела в поле военная труба.

Звякнул в деревне сигнальный колокол.

Загудел за лесом тяжелый-тяжелый паровоз».

Стремясь подчеркнуть быструю смену событий, Гайдар прибегает к анафоре — повторению в начале каждого предложения или его части одних и тех же слов: *«Из-за кустарника, из-за бугров, из-за канав, из-за кочек — отовсюду с винтовками наперевес выскакивали красноармейцы.*

Они бежали, прыгали, падали, поднимались снова. Они сдвигались, смыкались, их становилось все больше и больше; наконец с громкими криками всей громадой они ринулись в штыки на вершину пологого холма, где еще дымилось облако пыли и дыма».

«Мы выбрались к реке. Мы счистили всю грязь и тину, которые облепили нас со всех сторон. Мы выполоскали одежду, и, пока она сохла на раскаленном песке, мы купались.»

Ставя цель воздействовать на эмоции читателей, Гайдар обращается еще к одному приему — инверсии. Слова и словосочетания располагаются в этом случае так, что наиболее важное из них занимает место в начале или середине предложения и требует особого, эмоционально окрашенного выделения интонацией: *«Молча и торжественно»* выслушали эту песню высокие цветы и тихо закивали Светлане своими пышными головками»; *«Уже тревога»* выступила на веснушчатом лице притихшей Светланки»; *«Как будто бы сияние озарило голубые Светланкины глаза, вздрогнули опустившиеся ресницы, и милый задумчивый Марусин взгляд упал мне на лицо».*

*

...Через три года после опубликования «Голубой чашки», приступая к новой работе, Гайдар писал жене: «Рассказ я пишу небольшой,— злата и серебра он принесет нам с тобой немного, но зато он сам будет светлый, как жемчужина». Эти слова с полным основанием можно отнести и к «Голубой чашке» Аркадия Гайдара.

М. Ю. ФЕДОСЮК

Рисунок В. Толстоногова

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ

О романе Чингиза Айтматова
«Буранный полустанок»

Творчество выдающегося советского писателя Чингиза Айтматова — яркое свидетельство тех возможностей, которые открываются перед художником слова в условиях многонациональной советской культуры. Вся его проза пронизана бережным отношением к опыту русской классики и к художественному богатству родного киргизского фольклора, напряженная работа над созданием творческого сплава двух культурных начал позволяет ему в каждом новом произведении блистать все новыми гранями таланта.

Айтматова всегда отличает острота нравственного выбора, стремление к разоблачению духовной бедности, которой писатель противопоставляет тысячелетний опыт народа, присущие ему непосредственность и полноту восприятия. С каждым новым произведением пластичнее, выразительнее становится система образных средств, автор не просто рассказывает о событиях, а искусно воссоздает их художественным словом.

Полнота творческой зрелости Чингиза Айтматова нашла выражение в романе «Буранный полустанок (И дольше века длится день...)». В предисловии к нему автор так определил свою творческую задачу: «В столкновении вечного и текущего в жизни чело-

века-труженика интересно и важно, насколько он личность, насколько велика его духовная нагрузка, насколько сконцентрировано в нем его время. Вот я и попытался поставить Буранного Едигея в центр современного мне миропорядка, в центр волнующих меня проблем».

И действительно, образ главного героя определяет все построение этого произведения, включая его композиционную и собственно стилистическую структуру. Все отображаемое, описываемое в романе сопровождается оценкой Едигея: или непосредственно показано читателю сквозь призму духовного и культурного опыта саровского труженика, или сопоставлено с этим опытом при авторском изложении. Главный герой задает мерило нравственной оценки происходящего.

Такой художественный принцип, положенный в основу произведения, своеобразно отражается на его речевой организации. Один из интересных моментов — использование многочисленных отступлений от литературной нормы. Это не столько обращение к элементам жаргона, диалектизмам и т. п., сколько сознательное нарушение фразеологичности словосочетаний, синтаксической и лексической сочетаемости слов, создание новых слов по необычным словообразовательным моделям. Некоторые критики обратили внимание на поиск автором «новых ресурсов в языке», на стремление «щегольнуть редким, необычным словосочетанием», однако отнесли этот факт прежде всего на счет того, что «русский язык все-таки второй родной для Ч. Айтматова» (Литературное обозрение, 1984, № 10). Подобное мнение в значительной степени объясняется недостаточным вниманием к выявлению эстетической роли самого слова в литературном тексте.

Роман «Буранный полустанок» строится на объединении двух, иногда противоборствующих, композиционных принципов: стремлении опираться на «речевые средства персонажа отражающие содержание его сознания» и на желании отчетливо выразить авторское отношение к действительности путем противопоставления неавторской речи авторскому слову и оценки их в свете литературно нормированного повествования «от автора» (см. Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М., 1977). При этом образуются сложные комплексы несобственно-прямой и несобственно-авторской речи, взаимодействующие и взаимопереходящие:

«Впереди, там, где дорога делала чуть заметный изгиб, на пустынной плоскости стояло несколько домиков, а на запасном пути дождался открытия семафора проходящий состав. И дальше и по сторонам чистое поле, пологие увалы — немое, немеренное пространство, степь да степь...

Сердце Едигея упало — сам приморский степняк, привыкший к аральским пустыням, он не ожидал такого. От синего, вечно меняющегося моря, на берегу которого вырос, к мертвенному безморью! Как тут жить-то?!

При таких сложных отношениях между словом автора и персонажа совершенно особую роль начинают играть те языковые «неправильности», которые так настороженно были встречены критикой и которые у лингвистов принято называть окказионализмами, т. е. факты речи, не соответствующие общепринятому употреблению, неожиданные, но в принципе возможные и обеспечивающие понимание.

В прозе Ч. Айтматова чаще встречаются синтаксические (а не словообразовательные) окказионализмы, например такие, которые основаны на сужении и расширении допустимой сочетаемости единиц: «Нет, пусть полюбуются молодые... пусть поймут: похороны достойно прожившего человека не обуза, не помеха, а великое, пусть и горестное событие, и тому должны быть свои подобающие почести» (ср. «подобающие ему почести»). Некоторые окказионализмы создаются с опорой на грамматические признаки, например, изменен обязательный для такого рода согласования вид глагола: «...он не посмел, передумал кинуть в нее [лисицу] камнем...», или изменен лексико-грамматический разряд прилагательного: «угольный грузчик» (ср. «угольный цвет», «угольная пыль») — т. е. «грузчик угля»; «стрелочная будка» — т. е. «будка стрелочника» или «будка на стрелке». Иногда нарушаются нормы лексической сочетаемости: «годы первоначальные» (ср. «первые годы», «начальный период»), «одноразовое дело» (ср. «одноразовое действие»).

При всем разнообразии этих языковых «неправильностей» они объединены одной главной задачей — созданием художественного образа. Героя Айтматова, во многом похожего на платоновских «сокровенных людей», отличает живое, искренне заинтересованное отношение к миру и человеческой культуре. Эта живая причастность к общекультурной традиции и одновременно свежесть, даже некоторая наивность и неполнота ее восприятия своеобразно передаются в языке персонажа. В его речи, как и у платоновских героев, появляется книжность, «которая перестраивается и получает функцию просторечия» (Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979). Не будучи вполне литературной, речь героя отделяется от авторской, и в то же время в ней проявляется творческое языковое начало, что особенно заметно в несобственно-прямой речи, приобретающей сказовые интонации. Авторский текст, в котором передаются мысли Едигея, оказывается насыщенным образными оборотами литературного языка, и в их числе не последняя роль принадлежит окказионализмам:

«Геолог Елизаров, давнишний друг Буранного Едигея, рассказывал, бывало, прямо-таки картину такую расписывал, что когда-то здесь были богатые травянистые места...» (ср. «рисовал картину» и «расписывал»; «богатые травами», «травные», «травяные» и «травянистый стебель», «травянистое растение»).

Подмены элементов устойчивых словосочетаний сходными по звучанию и смыслу, например, «стариковские седины» (ср. «старческие»), сообщают словосочетаниям метафорический, образный характер, сохраняя при этом ощущение «неправильности»: «...отношение ко всему этому [полетам в космос] было настороженно-почтительное, как к проявлению некоей могучей безликой воли, которую в лучшем случае он вправе лишь принять к сведению». Абстрактное существительное *воля* наделяется признаком «внешности, лица» (ср. с более правильным «безличная воля»), появляется метафорическое значение. Аналогичный эффект дают и синонимические подмены: «судьбе угодно было решиться иначе» (ср. «судьбе угодно было распорядиться иначе»), при которых зачастую как бы совмещаются несколько устойчивых словосочетаний, что сближает и одновременно противопоставляет окказионализм нормативным образцам: «...бездомные и неприкаянные кочевали по поездам и станциям, ломаясь в столовые и буфеты, содрогаая душу пьяным ором и плачами...» (ср. «потрясая душу» и «душа содрогнулась»).

Итак, подобно авторскому слову, речь главного героя, поданная через собственно-прямую и несобственно-авторскую речь, насыщается образным метафорическим материалом, представляющим собой отклонение от нормы литературного языка и выделяющим индивидуальное в стиле персонажа.

Это наблюдается не только в речи самого Едигея, но и у некоторых других героев: «И лишь за одно то, что такая беда обошла ее стороной, а ведь могла и не обойти,... Укубала готова была отработать всему свету самым тяжелым трудом»; «А все равно, говорит Казангап, лучше в сарозеках быть на своем отшибе, чем мытариться по разным местам». Подчеркнуто «перестроенный» литературный язык заметно выражен в речи целой группы действующих лиц, во главе которой — Едигей Буранный.

Кроме того, в романе присутствует художественная антитеза речевым «неправильностям» этих персонажей. Для речевой характеристики персонажей романа, которые нравственно противопоставлены Едигею, «кречетоглазого», Сабитжана, офицера, не пустившего погребальную процессию на кладбище, автор использует другие средства. Язык последних настолько лишен индивидуальности, что один и тот же ошибочный стереотип кочует из прямой речи одного в прямую речь другого: «Что правильно, что нет — обсуждать при-

каз свыше я не имею права» (речь офицера); «Значит вы не выполнили приказ свыше» (речь мальчика, ученика Абуталипа).

Не только в прямой, но и в несобственно-прямой речи встречаются эти стилистические искажения: «...выяснилось, что никакой он не кулак, что попал он под перегиб и что напрасно, а точнее говоря, ошибочно обошлись столь круто с такими середняками-хозяевами, как он...». Если эти же искажения появляются в несобственно-прямой речи персонажей круга Едигея, то они выступают как показатели воспроизведения чужой речи: «Отца его, оказывается, выслали по ликвидации кулачества как класса, и тот вскоре умер в пути...»; «...чтобы он [Казангап] сказал принародно, что горячо поддерживает линию, что отец его был правильно осужден как чуждый элемент...». В последнем примере отчетливо разграничение двух противопоставляемых в романе речевых подсистем, в которых действуют два типа нарушения нормы: слова Казангапа — «чтобы он сказал принародно», слова его противников — «горячо поддерживает линию». Любопытно, что в тексте Ч. Айтматова эти два выражения выступают как синонимы, тем самым становятся средством передачи идейной сути конфликта.

Если собственно окказионализмы в произведении Айтматова призваны подчеркнуть творческий активный характер речи героя, то воспроизводимые с искажением штампы официально-делового и газетно-публицистического стилей, напротив, должны указать на автоматизированность, бездумность, казенность мышления. Первые выступают как слово, художественно сближенное с авторским, вторые — как слово, отчуждаемое от авторского. Очевидно, что если бы выражения официально-делового и публицистического стилей воспроизводились в тексте без искажений, то у читателя не было бы столь острого ощущение их чужеродности. Автор, подчеркивая неправильность вводимых им в ткань романа клише, увеличивает их смысловую нагрузку.

Столкновение словесных рядов в романе зачастую передает идейный конфликт. Особенно это относится к тем композиционным отрезкам, в которых сталкиваются два начала — живая народная душа с вековой нравственной памятью традиций и безликий дух бездумного подчинения. «— Его враждебные воспоминания не пройдут ему даром, — заметил кречетоглазый и принялся что-то быстро писать...». «Кречетоглазый» всего только употребляет привычное ему, стереотипное оценочное определение. При этом лексическая сочетаемость слова *враждебный* расширяется до такой степени, что если считать данное слово носителем не только оценки (таково оно в языке «кречетоглазого»), но и смысла, понятия, то становится очевидной по меньшей мере логическая нелепость словосочетания. Но художественная функция этой стилистической не-

правильности шире: она выражает центральный идейный конфликт романа. Едигей размышляет: «...враждебные воспоминания. Как это понимать? По-моему, человек вспоминает то, что было и как было когда-то, чего уже нет давно. Или, выходит, если хорошее — вспоминай, а если плохое — не вспоминай, забудь?»

В романе две группы героев, каждая из которых имеет общие речевые характеризующие признаки. Среди этих языковых средств важное место занимают ненормативные конструкции, которые не-

АВТОРСКИЕ РЕМАРКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Ведущей чертой творческого метода Ч. Айтматова исследователи отмечают национальное своеобразие его прозы. Это проявляется и в ее художественной форме и в способности передать национальный колорит, видение мира и человека.

сут определенную смысловую и эмоциональную нагрузку. Окказионализмы служат выражением творческого отношения к языку, способом показа духовной активности действующих лиц, особенно главного героя, напротив, искаженное воспроизведение клише официально-делового и публицистического стилей — это средство передачи бедности, статичности духовного мира персонажа. Живое, обогащенное смыслом слово борется в романе Чингиза Айтматова с застывшим, обесмысленным.

С. Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Поскольку Чингиз Айтматов по национальности киргиз, естественно, что описание жизни, обычаев, легенд своего народа занимает в его произведениях значительное место.

Средством ввода национальной лексики в текст его произведений являются авторские ремарки (замечания, пояснения, всевозможные ссылки и сноски). Наибольший интерес представляют ремарки, которые, хотя и не включаются непосредственно в ткань произведения, имеют определенное значение для осуществления творческих замыслов автора. Например: «И когда варили конину в сорокаведерных котлах, то жир — *зарден*... снимали сверху, зачерпывали допона половником, уносили для больных (*Зарден* — горячий конский жир-навар)». Аналогично: «*шурпа* — мясной суп» (Ранние журавли); «*дувал* — глинобитная ограда» (Тополек мой в красной косынке); «— Смотри, это же не кошма, а прах, сыплется, как песок. А *береге-уук* во что превратились!.. (*Береге-уук* — разборный деревянный остов юрты)» (Прощай, Гультсары!).

В произведениях Чингиза Айтматова поясняются слова, обозначающие верховых домашних животных и предметы ухода за ними: «*тайлак* — детеныш верблюда...»; «*каймапча* — молодая верблюдица» (Буранный полустанок). «На день лошадей выводили на солнцепек, к наружным *акурам* (*Акур* — глинобитные бермушки для стойловых лошадей)» (Ранние журавли); «Иногда говину удавалось разок-другой стегануть буланого по крупу *укруком* (*Укрук* — длинная палка с петлей на конце для ловли лошадей)» (Прощай, Гультсары!). Слова, обозначающие национальные обычаи: «Было бы такое письмо, возчик бы ему сегодня привез да еще *суюнчу* потребовал бы. (*Суюнча* — подарок за радостную весть)»; «— Эй, охотник, спасибо за *ширалгу*! (*Ширалга* — часть добычи)» (Ранние журавли).

Подобные слова, называя предметы национального быта, не имеют в русском языке прямых соответствий.

Авторскими ремарками сопровождается также национальная лексика, называющая людей, их родственные отношения: «...все теперь видели, какой у него умелый *агай*. (*Агай* — старший брат)» (Ранние журавли); «— Каждый год приезжает вместе с *джезде* (*Джезде* — муж старшей сестры)» (Тополек мой в красной косынке).

Особое место занимают ремарки к словам, обозначающим лицо по роду деятельности, профессии, специфичным для условий национальной жизни: «...Дюйшен работал колхозным *мирабом*. (*Мираб* — лицо, ведающее оросительной системой)» (Первый учитель); «Захмелел учитель у *бозокера* (*Бозокер* — человек, изготавливающий хмельной напиток — бузу)» (Ранние журавли).

Отношения между людьми передаются словами национального речевого этикета, которые имеют эмоционально-экспрессивную окраску. Таковы обращения, не имеющие параллели в русском речевом этикете. Они даются через расширенное описание. Например, «— Э-э, *байбиче*, в обиде не будем... (*Байбиче* — уважительное обращение к пожилой женщине, хозяйке дома)» (Тополек мой в красной косынке); «...Это, *кокетай* дорогой, не на Каранаре ехать по сарозекам... (*Кокетай* — ласкательно-уменьшительное и в то же время снисходительное обращение)» (Буранный полустанок).

Обращения, имеющие соответствие в русском речевом этикете, употребляются реже. Они характеризуют эмоциональную напряженность речи персонажа и поясняются прямым переводом. Например: «...А сам [*Аджимурат*] плачет взхлеб и только одно твердит: — *Ата, атаке, ата, атаке*... (*Ата, атаке* — папа, папочка)» (Ранние журавли); «Успокойтесь, *энеке* (*Энеке* — матушка)» (Белый пароход).

Таким образом, национальная лексика, выражая национальное содержание во всем его разнообразии, объясняется, конкретизируется, уточняется с помощью авторской ремарки.

Лексика, отбираемая автором для толкования, отражает еще одну черту, характерную для его художественного метода — эпическое начало, уходящее корнями в древний «Манас», «многослойное, многогранное создание народной мудрости» (Ч. Айтматов. Точка присоединения. — Вопросы литературы, 1976, № 8). Прежде всего это слова, обозначающие героев древнего эпоса, сказок, мифов: «Потерпите, рожденные от *Камбар-Агы*, подружней налегайте (*Камбар-Ата* — мифический покровитель лошадей)»; «...Думали, вам здесь *Манасовых тулпаров* на расчалках будут удерживать? (*Манасовы тулпары* — легендарные скакуны из войска Манаса, героя народного эпоса „Манас“)» (Ранние журавли); «— Что

и говорить. В прежние времена батырам бы на нем в набег ходить. Не копь, а *дулдул*! (Дулдул — сказочный скакун)» (Прощай, Гульсары!); «...нет-нет да появится такой *верблюд-сырттан*, как Буранный Каранар. (Сырттан — сверхсущество, например, сверхсобака, сверхволк)» (Буранный полустанок). Подобная ремарка подчеркивает культурно-исторический колорит произведения.

Ч. Айтматов использует образный потенциал национальной лексики, ее экспрессивно-стилистические возможности. При помощи авторских ремарок нередко разъясняется внутренняя форма национального слова, то есть делается попытка выделить признак, который лежит в основе наименования. Например: «Птички эти — *сарайгыры*, а прозываются они так потому, что всю жизнь попускают свистом своим некого солового жеребца: „Чу, чу, *сарайгыр*! Чу, чу, *сарайгыр*“». (Сарайгыр — сары — соловая масть, айгыр — жеребец)» (Ранние журавли); «Да и откуда он [Танабай] мог знать, что его старший пноходец *Гульсары*, прозванный так за свою необыкновенную светло-желтую масть, последний раз в своей жизни преодолел Александровский подъем... (Гульсары — желтый цветок, лютик)» (Прощай, Гульсары!); «А твое имя не *Манкурт*, а *Жоламан* (*Жоламан* — имя, образованное от двух слов: «жол» — путь, «аман» — здоровье; по смыслу — будь здоров в пути)» (Буранный полустанок).

К национальным словам, обладающим концентрированной эмоционально-экспрессивной окраской, автором, как правило, даются однословные переводы: А она [Укубала], несезучая *бейбак*, не послушалась аульных старушек. (*Бейбак* — несчастливица)» (Буранный полустанок).

Приведенный материал показывает, что авторские ремарки Ч. Айтматова являются прежде всего своеобразным толковым словарем к лексике, отражающей национальный характер его произведений. Причем способ толкования выбирается автором не произвольно, а обычно в зависимости от наличия или отсутствия соответствующего русского слова. При наличии русской параллели автор, как правило, пользуется прямым переводом типа «устаке — мастер» (Ранние журавли), «арстап, толбарс, борибасар — лев, тигр, волкодав». Если в русском языке имеется слово, которое передает значение национального слова не адекватно, а лишь приблизительно, то используется сравнительно-сопоставительный способ толкования: «кетмень — сельскохозяйственное орудие типа мотыги» (Первый учитель). При отсутствии русского соответствия обычно используется родовое толкование с уточняющей конкретизацией: «тебетей — шапка, отделанная мерлушкой или лисьим мехом» (Прощай, Гульсары!), или описательное толкование: «О-о, кокуй-ой, что это за дети! (*Кокуй* — возглас удивления, досады)»

(Лицом к лицу); «Дасторкон — праздничная скатерть с угощением для гостя») (Тополек мой в красной косынке).

Авторские ремарки имеют и еще одно важное назначение. Они являются способом внедрения отдельных национальных элементов в русскоязычную ткань текста.

В целом введение национальных слов в повествование сопровождается повторяемостью, возможностью их смыслового, грамматического и словообразовательного освоения.

Смысловое освоение проявляется в том, что слово приобретает переносное значение контекстуального характера: «— *Манкурт* ты! Самый настоящий *манкурт*! — прошептал он [Едигей] в сердцах, ненавидя и жалея Сабитжана». Переносное значение «сын, не желающий помнить заветов своих родителей, своего отца» производно от прямого значения, которое перед этим дается автором «*Манкурт* — раб, не помнящий своего прошлого» (Буранный полустанок).

Грамматическое освоение проявляется в приобретении национальным словом форм, свойственных русскому языку. «— ...я тебе *альчики* свои дам! — Он побежал в комнату за *альчиками* (*Альчики* — детские игральные кости (бабки))»: «*Коршун-степняк*, что сидел на развалинах старого *кунбе́за*, снялся, замахал крыльями (*Кунбезд* — надгробный памятник)» (Тополек мой в красной косынке).

Словообразовательное освоение национальной лексики происходит по законам русского языка. Например, имена существительные, не склоняемые в тюркских языках, в тексте произведений Ч. Айтматова склоняются. Особенно часто автор образует имена прилагательные от имен собственных: Ана-Бейит — Ана-Бейитское (кладбище); Найман-Ана, найманы — найманские (земли); Сары-Озеки — Сары-Озекская (степь); сарозеки, сарозекцы — сарозекская (земля).

Итак, авторские ремарки в произведениях Ч. Айтматова — важное, конструктивно обусловленное многофункциональное средство. Они активно используются выдающимся писателем-билингвом, помимо дословного перевода, для объяснения смысла, стилистической окраски, образного содержания национальных слов и выражений, внедрения их в русскоязычную ткань текста.

В. А. ИВАНОВА,

Н. А. КУПИНА

Рисунки В. Комарова

«ВАГОН И МАЛЕНЬКАЯ ТЕЛЕЖКА»

Количественные обозначения в русском языке

В русском языке есть слова, которые не только называют какие-либо понятия, явления, предметы окружающего мира, но и служат для выражения оценки обозначаемого. Наличие в словах элемента выразительной оценочности позволяет употреблять их в речи как средство эмоционального воздействия на читателя или слушателя. Естественно поэтому, что экспрессивно окрашенные слова могут быть использованы в непринужденном разговоре лиц разного социального круга, а также в художественной, исторической и публицистической литературе.

Тенденция к обогащению лексики выразительными, оценочными средствами — одна из ведущих в процессе развития русского литературного языка. Она была характерна уже для древнерусской эпохи и впоследствии заметно упрочилась. Слова, содержащие разнообразные экспрессивные оттенки (иронии, шутки, ласковости и т. п.), могут выражать положительную оценку называемых явлений, понятий и отрицательную. Особо выделяются слова, вызывающие представление о размере какого-либо предмета, явления или о степени проявления, интенсивности действия, состояния. В данной статье рассматриваются имена существительные, оценочность которых связана с количественной характеристикой.

Одним из способов передачи значений количества является семантическое (смысловое) преобразование уже известных в языке слов. В составе существительных, способных приобретать количественный смысл, можно выделить две группы. Первую составляют существительные, развившие переносное значение множества, вторую — малого количества.

Особенно активно обогащался лексический состав русского литературного языка словами первой группы. В переносном количественном значении используются, в частности, названия явлений природы или особенностей местности, в первую очередь те, которые указывают на значительную величину или интенсивность. Например: *поток* — «Пел, стонал, брыцал и плакал, Лил потоки слез горючих» (Радищев. Бова); и в творительном падеже — в значении «большой массой, обильно» (с глаголами *литься, нестись, хлынуть*): «Битвы барон не видал, Где потоками кровь их лилась» (Жуковский. Замок Смалгольм, или Иванов вечер); «И быстрым понеслись потоком Враги на русские поля» (Пушкин. Воспоминания в Царском Селе); «Мавры хлынули потоком На испанские брега» (Пушкин. На Испанию родную); *пропасть* — в сочетаниях с существительным в родительном падеже: [Арист]. «О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?» (Грибоедов. Молодые супруги).

Для гиперболического изображения используются слова *палата, вагон, бочка*: [Чвапкина]. «Богатства у него и знатности палата; И графы и князья все с ним запанибрата» (Княжнин. Хвастун). Существительное *вагон* вошло в русский язык в первой трети XIX века. Сохраняя первоначальное значение, оно постепенно расширило смысловую структуру. Некоторые особенности в его функционировании намечаются, судя по материалам Картотеки «Словаря современного русского литературного языка», с середины XIX века, когда это слово начинает использоваться как оценочное. «Мы скоро целые вагоны Стихами будем нагружать, Чтоб их в журналы посылать» (Полонский. Разговор) — существительное *вагон* здесь употреблено в шутливом образном контексте для подчеркивания обилия стихов.

Подобные применения слова привели к развитию у него переносного количественного значения (в сочетаниях с существительным в родительном падеже). Такие конструкции встречаются в современной литературе — в контекстах, отражающих разговорную речь: «И не стыдно вам, Стефан Петрович,— отозвалась тети Даша.— И меду у вас бочки, и масла вагон, а все притворяетесь, все плачете, все жадничаете» (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).

Свидетельством надежного упрочения в литературном языке этого слова в оценочном значении может служить фразеологизм «Вагон и маленькая тележка [кого, чего]» (очень много): «...выносить документы с завода категорически запрещается! Да и то подумать, ведь их, соавторов-то, в этом предложении вагон! Да, да, вагон и маленькая тележка!» (Асанов. Не надо топтать цветы).

В процессе исторического развития русского литературного языка наблюдается обогащение лексического фонда и словами с переносным значением «малое количество [чего-либо]». Такие значения и образные употребления развиваются в первую очередь у слов, обозначающих небольшую, незначительную часть.

Существительное *горсть*, как свидетельствуют материалы «Словаря русского языка XI—XVII вв.», первоначально употреблялось для обозначения небольшого количества чего-либо, например: *горсть овса*. С отрицанием слово приобретало значение «ничего» (в разговорной речи): «А нижегородские крестьяне приѣхали только было пять подводъ, что съ рыбою, а запаса никакого ничего ни горсти не привезли». Такое использование слова *горсть* дало начало его метафорическому употреблению в применении к небольшому количеству (людей): «Мне хотелось еще раз с горстью моих товарищей испытать судьбу» (Д. Давыдов. Дневник партизанских действий 1812 г.).

Слово *горсть* может иметь и противоположное значение — «большое количество [чего-нибудь]»: «Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот» (Грибоедов. Путевые записки); в сочетании с прилагательным *полный*: «...я отпущу тебя с полной горстью золота» (Лермонтов. Ашик-Кериб); в составе конструкций *раздавать*, *сыпать горстями* (обильно, щедро): «...остроты рассыпаются полными горстями» (Грибоедов. Письмо В. К. Кюхельбекеру. 1825, 27 ноября).

В значении «самое малое количество [чего-либо]» издавна использовалось слово *капля*: «И се все часть пути его и о капли словеси умыслим в немъ» (Книги ветхого и нового завета. 1499) — пример из «Словаря русского языка XI—XVII вв.». По-видимому, подобные употребления явились ступенькой к тому, чтобы слово *капля* позднее приобрело количественное значение. Например, в сочетании с отвлеченными существительными: «Но вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня» (Пушкин. Евгений Онегин); в образном употреблении: «Каждый стих — капля нектара для человека, который так давно не читал ничего нового, хорошего» (Кюхельбекер. Дневник. 1832, 21 июля); при отрицании — в значении «совсем ничего»: «...с самого того дня, как Малек-Адель поступил к нему, он капли в рот не брал» (Тургенев. Конек Чертопханова); в устойчивом словосочетании *ни капли* (нисколько, ничуть): «Да в нем ума ни капли нет» (Полежаев. Сашка).

Аналогично использовались существительные *капелька*, *крошка* и *крошечка*. Слово *капелька* употреблялось и в прямом значе-

нии как уменьшительное к *капля*, и в значении «самое малое количество [чего-либо]»: «Да хватился хлебнуть испити, аю и капельки не осталось; все отнесено в погреб» (Послания Ивана Грозного). Переносные употребления чаще отмечены в форме *капельку*: «Нет, нет, еще бы только немного времени, только бы капельку подождала» (Достоевский. Кроткая); в составе фразеологических сочетаний *ни капельки*, *ни на капельку* (несколько, ничуть): «Мне вас понять ни капельки нельзя» (Пушкин. Домик в Коломне; беловой автограф). С течением времени слово *капелька* все более замыкается в составе устойчивых выражений.

Слово *крошка* изредка выступало вне связанного сочетания: «Дать огня им — крошку света — Искру в пепле и золе» (Бенедиктов. Прометей). Однако преобладает использование этого существительного в составе выражений *ни крошки*, *ни на крошку* (несколько, ничуть): «Нет в запасе, нет ни крошки, Нет ни червячка, ни мошки» (Пелединский-Мелецкий. Стрекоза); «Ни на крошку Ты, куманек, не угадал» (Княжнин. Ладно и плохо...). Форма *крошечку* (совсем мало, чуть-чуть) характерна для разговорной речи: «...и если вы хоть крошечку переселите, злые люди тотчас скажут, что вы играли комедию» (Загоскин. Три жениха).

Слово *атом* пришло к нам в Петровскую эпоху. Судя по Картоотеке Словаря русского языка XVIII в., это слово довольно быстро стало использоваться в переносном значении «о малейшей, ничтожной частице в мироздании». В XIX веке сфера этого употребления слова расширяется: «Ему казалось, что каждый атом его существа превращается в вибрирующее движение» (Куприн. Мелюзга).

Существительное *алтын* (старинная русская монета достоинством в 3 копейки) довольно рано начинает входить в различные пословицы и поговорки: «Не стоит алтына, а тянется за полтиной»; «На три алтына торгу, а на пять долгу» (Толковый словарь В. И. Даля); в сочетаниях *нет ни алтына* (об отсутствии денег, о бедности), *ни на алтын* (несколько): «Пить бы на полтину, да нет ни алтына» (пословица). Подобное применение слова *алтын* способствовало формированию у него переносного употребления, которое фиксируется в Картоотеке Словаря русского языка XVIII в. с определенным «о самом малом числе, величии чего-л.; о чем-л. нестоящем, незначительном»: «Деда прямого еще и на алтын нет» (Посожков. Книга о скудости и богатстве).

Алтын, подобно слову *горсть*, может употребляться как обозначение не только малого, но и большого количества денег. Это отчетливо выявляется при противопоставлении: в пословице «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Слово *алтын* более известно в составе

этой пословицы, которая обычно используется теперь в переносном значении — «неожиданная прибыль, удача».

Оценочное содержание сложилось у существительного *копейка*: «Последнюю копейку просажу — а уж добуду своего друга» (Тургенев. Конец Чертопханова); в устойчивом словосочетании *ни копейки* (никакой суммы денег, даже незначительной): «...шампанского не пришлось пить, так как у трагика в карманах не нашлось ни копейки» (Чехов. Юбилей); у слова *грош* (преимущественно в разговорной речи) в значении «очень маленькая сумма денег»: [Фамусов]. «В работу вас, на поселенье вас: За грош продать меня готовы» (Грибоедов. Горе от ума); в устойчивых сочетаниях — *не ставить в грош* (совсем не уважать, не считаться с кем-либо), *ни на грош* (нисколько, ничуть): [Чацкий]. «Она не ставит в горш его» (Грибоедов. Горе от ума); [Мавра Савишна]. «Расчету ни на грош, увидишь ты сама» (Грибоедов. Своя семья, или Замужняя невеста).

В переносном количественном значении используются и другие слова — *тень* (самая малая, незначительная доля, часть): [София]. «В лице ни тени беспокойства И на душе проступков никаких» (Грибоедов. Горе от ума); *строка, строчка* — в конструкциях с отрицанием *ни* в значении «ничего»: «О Пугачеве не напеча[та]но было ни единой строки» (Пушкин. История Пугачева. Рукописные редакции предисловия); «И никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки» (Грибоедов. Письмо к издателю «Сына отечества»); *слово* выступает в сочетаниях *пара слов, два слова* (немного) и др.: [Лиза]. «Улыбочка и пара слов, И кто влюблен — на все готов» (Грибоедов. Горе от ума); [Верхолет]. «Мне слова два сказать, Вы не поверите, как жить нам, знатным, тошно» (Княжнин. Хвастун); слово *пылинка* применяется при характеристике лица: «О человек, творение чудесно! Творенье брешное, о царь земли!.. Пылинка ты в сравнении всего» (Радищев. Всеглас).

*

Итак, в ходе истории русского литературного языка внутри категории количественности постепенно формируется особая группа слов: у них складываются переносные значения с оценочной функцией.

Е. П. ХОДАКОВА

ЧТО МОЖНО ОБОЗНАЧИТЬ ГЛАГОЛЬНЫМ СЛОВОМ?

ПОСЕРЕБРИТЬ — ПОКРЫТЬ СЕРЕБРОМ

Известно, что один и тот же реальный факт можно описать по-разному. Существуют не только слова-синонимы, но и синонимические словообразовательные средства и синтаксические конструкции. Сравним два перевода шекспировских строк из «Ромео и Джульетты»: «Благословенной я луной клянусь, Что серебром деревья обливает...» (перевод А. Радловой) и «Мой друг, клянусь сияющей луной, посеребрившей кончики деревьев...» (перевод Б. Пастернака).

Метафоры *облить серебром* и *посеребрить* имеют общее значение — «покрыть серебром», которое узнается из текста. Словосочетание и слово здесь — синонимы. Проблема выбора нужных слов и типов их связей из ряда синонимичных всегда стоит перед переводчиком, который должен передать содержание оригинала средствами другого языка.

Члены придаточного предложения в переводе А. Радловой указывают на действие (*обливает*), производителя действия (*луна*), объект (*деревья*) и средство воздействия (*серебром*). Тот же смысл в переводе Б. Пастернака передается свернутой конструкцией. В глагольной форме (причастии *посеребрившей*) приставка *по-* и суффикс *-и-* сообщают о действии, направленном на объект, а корневая часть *-серебр-* конкретизирует средство воздействия. Такое обогащение значения глагола и употребление его в причастной форме позволило поэту-переводчику описать ситуацию компактно, сделать всю фразу гибкой, удобной для связи с остальным текстом.

На этом примере видна характерная особенность глагольных слов, образованных от имен существительных: смысловая емкость этих глаголов увеличивается за счет включения в них названий объектов действия. Таким включенным объектом чаще бывают имена существительные, которые при других глаголах того же класса выполняют роль орудия, средства действия: *посеребрить* — по-

крыть серебром; зондировать — исследовать зондом; лопатить (разг.) — перемешивать, перебрасывать лопатой; утюжить — гладить утюгом; но может быть включенным имя существительное с другим значением: «О. Кипренский, портретировавший [писавший портрет] А. С. Пушкина при жизни» (из речи искусствоведа); «Студент реферирует книгу» [пишет реферат на книгу]; госпитализировать больного; парковать машины; расквартировывать студентов.

Эта статья посвящена описанию синтаксических свойств глаголов с включенным объектом, которые обозначают локально направленное действие. В результате действия субъекта (как правило, лица) объект действия (место) полностью заполняется, покрывается каким-либо веществом, предметами и др.

По характеру обозначаемого действия этот класс глаголов неоднороден. Вот их некоторые значения — «заполнять емкость чем-либо»: «В хороших колхозах круг профессий очень широк. Выросла сфера услуг... Строят хозяйства пруды, зарыбляют их» (Наш современник, 1982, № 3); «заставлять какую-либо площадь, помещение какими-либо предметами»: *баррикадировать проход, меблировать квартиру*; «покрывать поверхность твердым материалом, сыпучим, вязким или жидким веществом»: «Строители начали бетонировать последнюю тысячу метров покрытия» (из передачи Всесоюзного радио); *грунтовать холст*; «покрывать что-либо чем-либо»: *притенять (спец.) саженьцы*; «заправлять, насыщать что-либо чем-либо»: *обводнять пастбища; зарыблять пруды*; «загораживать что-либо чем-либо»: *драпировать стены, зашторивать окна*; «пропитывать что-либо чем-либо»: *проващивать нитки, проперчивать сало*.

Значение глаголов, не содержащих указания на объект, более отвлеченно. Словосочетания с такими глаголами выражают понятие о действии и его участниках расчлененно. Слова *закрывать, заполнять, заставлять, покрывать* могут входить в несколько групп в зависимости от значения зависимых слов: *закрывать окно ставнями, постель пледом; заполнять яму щебнем, канал водой; заставлять стол посудой, комнату стульями; покрывать пол пластиком, голову платком, ногти лаком*.

Глаголы с включенным объектом имеют конкретное, не зависящее от окружения значение. Их словообразовательная модель — удобный, экономичный способ передачи информации в предложениях различной структуры. Особенно важно обозначение действий и процессов точным и кратким словосочетанием в сфере производства, в науке и технике. Терминологическое значение глаголов возникает не только при образовании от имен существительных со специальным значением, но и при обозначении процессов, протекающих в специальной области (см. об этом: Даниленко В. П. Рус-

ская терминология. М., 1977). Глаголы-термины — это наименования специальных понятий.

Глагол, обозначая действие, имеет «указатели» — корневую часть, приставки с пространственными значениями, суффиксы *-и-, -ова-, (-ева-), -изова-, -ирова-, -изирова-*. Глагол-термин обычно уточняется зависимым существительным в винительном падеже: *бу-тить фундамент, графитировать шнур, гудронить шоссе, золотить ложки, каблировать район, маркировать изделия, обвешивать тропу* (ставить вехи), *объярлычивать швейные изделия, пролачить детали, раскосить бревно* (укрепить раскосами), *шлюзовать реку, штукатурить стены*.

Отчетливо выделяется круг приставок, которые как бы поддерживают и дублируют значение основы: *вы-, за-, из-, на-, о-, об-, по-, про-*. Синонимия некоторых приставок способствует возникновению среди специальных, точных по значению глаголов, вариантов: *выбутить, забутить, набутить фундамент; загрузовать, нагрузовать холст*.

Случаи многозначности глаголов с включенным объектом редки, так как корневая часть соотносится с объектом, единственным из возможных для обозначения именно данного действия. Так, параллельно сосуществуют два значения глагола *кольцевать*, но эта многозначность снимается уже в минимальном контексте: в словосочетании с зависимым существительным в винительном падеже — *кольцевать птиц, рыб* (в этом случае при глаголе могут быть одушевленные имена существительные); *кольцевать клены* (обмазывать ствол деревьев для предохранения от вредителей) — здесь уместны только названия деревьев. Два значения развил глагол *пятнать* (покрывать кого-, что-либо пятнами): «ударять кого-либо мячом или руками при игре в пятнашки» и (переносное) «позорить кого-либо».

Норма предписывает рассматриваемым глаголам в общелитературном языке следующее синтаксическое поведение. В предложении, содержащем глагол с включенным объектом, не может появиться однокоренное имя существительное в творительном падеже со значением средства воздействия (запрет на тавтологию), но глагол может поясняться неоднокоренными словами. Глагольное слово в процессе своего функционирования приобретает отвлеченное значение. Так, возможны словосочетания *обсаливать фартук маслом* (но не *обсаливать фартук салом*), *ваксить обувь гуталином* (но не *ваксить обувь ваксой*), *фаршировать колбасу ливером* (но не *фаршировать колбасу фаршем*).

В редакцию журнала «Русская речь» пришло письмо, автор которого спрашивает, соответствуют ли нормам современного русского литературного языка услышанные им выражения *позолотить*

медью, позолотить серебром. Безусловно, такие словосочетания, возникшие в разговорной или профессиональной речи, нельзя считать нормативными. Здесь слово *позолотить* теряет свое конкретное значение «покрыть позолотой», «покрыть золотой краской», но в нем остается общее значение — «покрыть», которое уточняется словами *медью, серебром*.

Общий компонент значения иногда обуславливает появление однокоренного слова в творительном падеже с определением — прилагательным: *бинтовать* палец *узким бинтом*; *замечить* вытачку *розовым мелком*; *мазать* ранку *новой мазью*; «Медные шапки сияли, как солнца, оперенные белыми, как лебедь, перьями» (Гоголь. Тарас Бульба); «После — под звон телефона — Посыльный конверт подавал, *Надушенный чужими духами*» (Блок. Жизнь моего приятеля).

При образном употреблении объект, включенный в глагольное слово, как правило, не сужает его значения. Образность создается, по сути дела, тесной связью глагола со смыслом всего высказывания, с подлежащим и дополнениями. Так, при нейтральном употреблении слова в творительном падеже имеют одно и то же обобщенное значение: имена существительные в единственном числе с вещественным значением (*маслом, краской*) или конкретные имена во множественном, реже — в единственном (*лапами, книгами, пледом*).

В метафорах нарушаются обычные синтаксические связи; образность держится на необычном, по смыслу не соотносительном, непредсказуемом положении существительных и глаголов. Например, при глаголах *пудрить, пеленать* субъект может иметь только значение лица. При употреблении неодушевленного существительного в качестве подлежащего возникает образное значение глагола: «Трещит по улицам сердитый тридцатиградусный мороз; взвизгивает... ведьма-вьюга, заметая тротуары, слепя глаза, *пудря* меховые воротники, усы людей и морды мохнатых скотов...» (Гоголь. Мертвые души. Т. II); «А майское теплое море поднимается в сумрак, сказочным туманом *пеленает* мачты и невидимое за горой гулянье» (Малышкин. Севастополь).

Для достижения эффекта образности художники слова могут сознательно подчеркивать смысловое согласование существительных и глаголов: «Лишь снег порхает — вечный, белый. Зимой — он площадь оснежит...» (Блок. Возмездие). Главным в *оснежить* воспринимается общий элемент значения данного класса глаголов — «локально направленное действие», — конкретизируемый приставкой *о-*.

Особо следует отметить функционирование страдательного причастия прошедшего времени. Как известно, причастие совмещает

в себе значения процесса и признака. При метафорическом употреблении оно обозначает не действие, характерное для всех глаголов рассматриваемого класса, а свойство определяемого имени существительного. В таких причастных оборотах нельзя соотнести причастие с производителем действия: «... пожилой японец с суровым, выдубленным ветрами лицом, в шерстяной шапочке на коротко стриженных, обильно *присоленных сединами волосах*» (Наш современник, 1982, № 4); «...и вообще эта девица была, если можно так выразиться, вся насквозь *наспиртована какой-то кислой скукой и застарелой неудачей*» (Тургенев. Дневник лишнего человека).

Итак, глагольное слово может называть не только действие, но и его участников. Глаголы с включенным объектом имеют точное, конкретное значение, поэтому особенно часто они образуются при обозначении специальных процессов.

Глагол, являясь грамматическим центром предложения, тесно связан по смыслу со своим окружением. Это его свойство ярко проявляется в тропах и метафорах. Если глаголы-термины, называя специальное понятие о действии, строго однозначны, их значение полностью раскрывается в минимальном контексте (с зависимым существительным в винительном падеже), то в метафоре глагол теряет индивидуальное значение и сохраняет общее (свойственное классу глаголов). За глагольным словом в таком случае остается основная конструктивная роль в предложении. Именно в метафорах обнаруживаются ассоциативные связи слов, устанавливаются дозволенные границы нарушения системных закономерностей, вскрываются истоки пополнения лексического и фразеологического фондов языка.

Е. М. ЛАЗУТКИНА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно употребить форму множественного числа от слова *торт*?»

Н. В. Полуянова, Изюм

Существительное *торт* во множественном числе имеет форму *тóрты* с ударением на первом слоге.

Пунктуация занимает особое место среди правил, регламентирующих письменную речь. С одной стороны, казалось бы, достаточно добавить к действующему Своду 1956 года новую рекомендацию — и все станут следовать ей. С другой стороны, наличие длительной письменной традиции препятствует нововведениям, попытки ввести новшество затрудняют письменную практику, вызывают протесты пишущих. Новые рекомендации могут осуществляться успешно лишь в случаях, когда мы имеем дело с такими языковыми фактами, которые не были предусмотрены пунктуационным Сводом, или когда наблюдаемый разноречивый настойчиво требует единообразного разрешения. Ситуация последнего рода наметилась в настоящее время в связи с пунктуацией при приложениях к собственному имени — названию лица, стоящих в препозиции, то есть перед этим именем.

ПРАВИЛО, КОТОРОГО НЕТ В «ПРАВИЛАХ...»

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года знаки препинания при приложениях к собственному имени — названию лица специально не регламентируются. В пособиях для работников печати эти правила пунктуации ограничиваются общей формулой о разделении запятой однородных приложений и неразделении неоднородных (см., например: Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Книга, 1978, § 85). Между тем этот вопрос очень важен для деловой речи, для периодической печати, где часто встречаются конструкции, включающие два или несколько приложений к одному существительному — имени лица.

В общем виде правила пунктуации при приложениях формулируются просто и, на первый взгляд, очевидно: «1. Между однородными приложениями, не соединенными союзами, ставится запятая»; «2. Между неоднородными приложениями запятая не ставится» (Розенталь Д. Э. Справочник., § 85). При такой формули-

ровке центр тяжести в решении вопроса переносится из области пунктуации в сферу грамматической семантики; задача сводится к разграничению приложений: они являются «однородными, если характеризуют предмет с одной стороны», и «неоднородными, если характеризуют предмет с разных сторон».

По значению приложения к собственному имени — названию лица — можно разделить на три класса; они могут обозначать: 1) должность лица, 2) его квалификационную характеристику, 3) почетное звание лица.

К первому классу относятся такие, например, приложения (с зависимыми от них словами): *министр, директор, заведующий, начальник, заместитель, помощник, командир, главный (старший, ведущий) инженер (конструктор, механик, технолог), врач (специалист), ректор, проректор, декан, староста, руководитель, председатель, секретарь, член, делегат, депутат*. Обозначение должности может сопровождаться указанием на временный характер ее исполнения: *и. о. директора*.

Ко второму классу — приложениям, содержащим квалификационную характеристику, — относятся: *кандидат... наук, доктор... наук, член-корреспондент Академии... наук, академик, действительный член Академии наук, профессор, доцент*, а также все воинские звания (*сержант, мичман, капитан, полковник* и т. д.), юридические, дипломатические и другие. Заметим, что существительные *профессор* и *доцент* неоднозначны: они могут обозначать и должность, и ученое звание, а в конкретных случаях по отношению к отдельному лицу — и то и другое. Двойственный характер этих слов может явиться причиной колебаний в постановке или непостановке запятых между такими приложениями. Кроме того, взятые в плане ученого звания, они могут рассматриваться как отличающиеся от ученой степени (*кандидат, доктор... наук*).

К третьему классу — приложениям, называющим почетные звания, — относятся: *Герой (Советского Союза, Социалистического Труда), летчик-космонавт СССР, кавалер ордена (орденов), заслуженный артист (учитель, врач, тренер, деятель искусств, науки, работник культуры...), народный артист (поэт, художник...), лауреат... премии (премий), мать-героиня, почетный гражданин города...* В ряде случаев имеет место указание на область искусства, в которой выступает данное лицо, и на его авторство по отношению к каким-либо известным (популярным) произведениям литературы и искусства. Например: *Герой Социалистического Труда автор романа «Строговы» писатель Г. Марков*.

Разграничивая обозначение квалификации и почетного звания лица, надо напомнить о неоднозначности слова *звание*. Ср. определение в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: «Официально

присвоенное наименование, определяющее степень заслуг, служебного положения, квалификации в области какой-нибудь деятельности», то есть значение слова практически вводит его и во второй и в третий класс приложений.

Особый случай употребления подобных приложений — в подписи должностного лица под документом. Здесь — при наличии более чем одного приложения (и при необходимости разместить эти приложения в левой стороне страницы, оставляя правую для самой подписи) — каждое приложение пишется в отдельную строку. Например:

Председатель Ученого совета (должность)

Директор Института (должность)

Доктор технических наук (ученая степень)

Профессор (ученое звание)

Принадлежность двух (и более) приложений к одному и тому же классу является основанием для того, чтобы считать эти приложения однородными. Следовательно, приложения, относящиеся к одному и тому же классу и относимые к одному лицу, разделяются в тексте запятыми. Например: 1) *ректор Института, заведующий кафедрой*; 2) *доктор технических наук, профессор* (или: *профессор, доктор технических наук*); *доктор технических наук, генерал-майор инженерных войск*; 3) *Герой Социалистического Труда, народный артист СССР; Герой Советского Союза, почетный гражданин города...*

При употреблении приложений к существительному — имени лица часто встречается сочетание двух или трех приложений, относящихся к разным классам. Для расстановки знаков препинания (запятых) в этом случае можно руководствоваться следующими двумя соображениями.

1. Приложения, относящиеся к разным классам, как правило, не являются однородными и в принципе не должны разделяться запятыми: *заведующий кафедрой (должность) профессор (ученое звание)*; *летчик-космонавт СССР (почетное звание) председатель Шахматной федерации СССР (должность)*; *заведующий лабораторией (должность) кандидат технических наук (ученая степень)*; *Герой Советского Союза (почетное звание) генерал-майор артиллерии (воинский чин)*.

2. Приложения, относящиеся к одному и тому же классу, как правило, являются однородными и в принципе должны отделяться друг от друга запятыми: 1) *директор школы, член бюро райкома КПСС, председатель бюро районного отделения общества «Знание»*; 2) *генерал-майор, доктор военных наук*; 3) *Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР*. Однако редко употребляются приложения только однородные или только неоднородные; чаще же

встречаются построения, в которых выступают, перемежаясь друг с другом, приложения однородные и неоднородные: *Герой Советского Союза* (почетное звание) *капитан запаса* (военское звание) *слесарь-сборщик... завода* (профессия и должность), *делегат конференции* (должность).

Все сказанное относится к тем случаям, когда «сомнительный» с точки зрения пунктуации ряд состоит из небольшого количества приложений к имени собственному — названию лица. Несколько иное положение складывается тогда, когда этот ряд образован значительным количеством приложений: четыре, пять и более. Если при этом они представляют собой не отдельные слова, а словосочетания, то в практике наблюдается тенденция рассматривать входящие в один ряд приложения как однородные (даже если они относятся к разным классам) и разделять их на письме запятыми: «Собрание открыл *заведующий лабораторией* (должность) *кандидат технических наук* (квалификационная характеристика)», по: «Первое заседание открыл *президент общества* (должность), *главный редактор журнала* (должность), *академик* (квалификационная характеристика), *Герой Социалистического Труда* (почетное звание), *профессор...*»

Здесь обнаруживается определенная тенденция в выборе одного из вариантов подобных конструкций: место конструкций с неоднородными компонентами (не разделяемыми запятыми) могут занимать конструкции с однородными компонентами (разделяемыми запятыми), тогда как обратное явление не наблюдалось.

Таким образом, если в тексте выступает ряд распространенных приложений к имени собственному — названию лица, то они обычно воспринимаются пишущими в качестве однородных; это обуславливает преимущественную постановку запятых в подобных случаях. Но это не исключает и возможности не ставить запятую: ни тот, ни другой случай нельзя считать ошибкой.

В. А. ИЦКОВИЧ,
Б. С. ШВАРЦКОПФ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *кожимит*? Как оно появилось?»

П. П. Блохин, Москва

Слово *кожимит* является аббревиацией словосочетания *имитация кожи*. Это слово впервые было зафиксировано Словарем под ред. Д. Н. Ушакова.

УЗКОСТИ, ЯРКОСТИ, НЕОДНОРОДНОСТИ

В данной статье рассмотрены особенности форм числа у терминов с суффиксом *-ость*. Эти образования традиционно относятся к разряду слов, не имеющих форм множественного числа (*singularia tantum*), так как они обозначают отвлеченные понятия качеств, свойств, признаков.

В лингвистической литературе отмечается, что от ряда имен существительных данного типа могут быть образованы формы множественного числа при употреблении их в конкретном значении, а также «в тех относительно редких ситуациях, когда возникает необходимость выразить количественные отношения...» (Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970). Таким образом, имена, среди которых находятся существительные на *-ость*, могут быть определены как слова с потенциальной формой множественного числа. Тем более, что собственно структурных ограничений, как, например, у неизменяемых имен, в данном случае нет.

Множественное число у слов *singularia tantum*, как отмечают исследователи, появляется чаще всего в профессиональной речи. Наблюдения за функционированием отвлеченных существительных на *-ость* в специальных текстах подтверждают эту мысль и дают новые примеры нетрадиционного соотношения форм единственного и множественного числа. Как правило, в профессиональной сфере употребления термины на *-ость* во множественном числе обозначают конкретные предметы: *емкость* — *емкости* (цистерны, сосуды). Аналогичные явления встречаются и в публицистической речи: в книге Л. И. Скворцова «Теоретические основы культуры речи» описано употребление существительных *реальности* и *договоренности*.

Группа подобных существительных увеличивается, появляются новые наименования, например, *узкости*, *сложности*: «Узкости... — районы водной поверхности, доступные для плавания как по ширине плеса, так и по глубинам, не стесняющие свободное манев-

рирование из-за близости берегов, рифов, отмелей и кос» (Морской словарь. М., 1959).

Существительное *сложности* функционирует в научных текстах в значении «совокупность, весь состав, общность составного»: «Вторая функция нервной системы — это анализ окружающего мира, анализ разных сложностей мира на отдельности» (Павлов. Двадцатилетний опыт) — пример из 17-томного Словаря. Наличие термина *сложности* в этом значении вызывает в свою очередь необходимость появления термина с антонимичным значением. В приведенном примере употреблен термин-антоним *отдельности* — «отдельные части в составе сложного целого».

А вот еще: «Однолетние растения... не могут создавать таких структурных отдельностей, как корневая система многолетних трав» (Мальцев. О методах обработки почвы). В научных текстах встречается еще одно значение термина *отдельности* — «глыбы скальных пород, отделенные трещинами... по определенным направлениям под углом друг к другу» (Словарь-справочник гидро-техника-мелизатора. М., 1955).

В эту же группу следует отнести и существительное *мощности* в конкретном значении «производственные объекты». Но кроме этого, термин *мощность* может использоваться с сохранением значения отвлеченного существительного для обозначения разновидностей мощностей: *номинальная мощность двигателя; стандартная мощность двигателя; минимальная мощность, допускаемая при работе двигателя* и т. п. С аналогичным значением употребляется термин *скорость*: *разрывная скорость абразивного инструмента; испытательная скорость абразивного инструмента; рабочая скорость абразивного инструмента*. Именно факт существования разновидностей того, что обозначено термином на *-ость*, создает условия для появления у этого термина формы множественного числа.

Указание на существование разновидностей содержится и в форме множественного числа медицинского термина *сердечные недостаточности*: «...серьезные недостаточности сердечной мышцы» (Из выступления по телевидению, 1979, 5 окт.). Это подтверждается наличием таких терминов, как *прогрессирующая сердечная недостаточность; острая сердечная недостаточность; хроническая сердечная недостаточность*: «Прогрессирующая сердечная недостаточность сама по себе тяжело отражается на состоянии ребенка. Но она опасна еще и тем, что на ее фоне может развиться острая сердечная недостаточность», «...дайте кислородную подушку: в доме, где есть ребенок, страдающий хронической сердечной недостаточностью, она должна быть всегда!» (Здоровье, 1983, № 1). Приведенные примеры показывают, что формы множественного

числа обозначают обобщенные понятия, а единственного — приобретают более конкретное, видовое значение.

Очень близки к этой группе (но не тождественны) существительные на *-ость*, которые называют величины, характеризующие свойство или режим работы прибора, — *плотности, интенсивности, яркости*: «Это значит, что плотности тока в них допустимы в десятки раз больше, чем в обычных проводниках» (Наука в СССР, 1982, № 1); «...детекторы больших доз и интенсивностей гамма-квантов, быстрых электронов и др.» (Наука в СССР, 1982, № 1); «Микрофильм, в котором соотношение яркостей различных участков обратно соотношению яркостей объекта съемки» (Микрокопия. М., 1970).

Поскольку величины (размер, объем, протяженность и т. п.) могут быть измерены, то есть являются переменными, это языковое обстоятельство становится дополнительным аргументом к возможности употребления слов на *-ость*, обозначающих величины, во множественном числе. И форма числа в данном случае указывает на переменность величины.

Аналогичные отношения наблюдаются и в соотносительных парах: *яркость — яркости, интенсивность — интенсивности, скорость — скорости, мощность — мощности*. В двух последних парах терминов формы множественного числа отражают переменность величины в том, естественно, случае, если существительные в единственном числе обозначают величину: «Почему все-таки именно вода позволила получить недостижимые ранее мощности?» (Наука в СССР, 1982, № 3) — «мощности» здесь — «величина, показывающая количество энергии, развиваемой двигателем [машиной] в единицу времени».

*

Анализ исследуемого материала позволяет сделать следующие выводы.

Терминологии более, чем общеупотребительной лексике, свойственно использование множественного числа для отвлеченных существительных *singularia tantum* на *-ость*, обозначающих качества и свойства. Это происходит путем видоизменения значений.

Имеется три основных типа значений, приобретаемых терминами категории свойств в форме множественного числа: а) термины типа *емкости, узкости* обозначают предметы, обладающие качеством, которое названо термином-существительным в единственном числе — *емкость, узкость*; б) *скорости, недостаточности* — разновидность того свойства или качества, которое названо в форме единственного числа — *скорость, недостаточность*; в) *яркости, ин-*

тенсивности — показывают на переменность параметра, названного терминами *яркость, интенсивность*.

Некоторые многозначные термины в зависимости от значения, присущего им в единственном числе, могут образовывать формы множественного со всеми названными значениями: *мощности* — 1) производственные объекты; 2) разновидности свойства, названного термином в форме единственного числа; 3) указание на переменность величины.

Существуют также образования на *-ость* в форме множественного числа, которые пока единичны, например, *повторности*: «При проращивании семян из одного и того же образца в двух повторностях... расхождения между показателями отдельных повторностей должны быть не более указанных...» (Семена деревьев и кустарников. Методы определения всхожести. М., 1974).

Все это дает основание считать, что образование форм множественного числа у терминов категории свойств, выраженных существительными на *-ость* и относящихся к словам *singularia tantum*, — не исключение из общего правила, а живой процесс, происходящий в данной группе терминов.

В. Е. БУТРИМ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Правильно ли выражение *забить гол*, которое очень часто употребляют спортивные комментаторы и спортивная пресса? По-моему, *забить* можно *мяч, шайбу, гвоздь*, но не *гол*».

В. А. Зырянов, Москва

Гол в футболе и некоторых сходных играх означает очко, выигрываемое после попадания мяча в ворота противника. В выражении *забить гол* слово *гол* употреблено метонимично вместо существительных *мяч, шайбу, шар* и под. Такой оборот вместо *забить мяч, шайбу* встречается в русском языке очень давно. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова это выражение зафиксировано с пометой *спортивное*. Следовательно, в спортивной печати и в речи спортивных комментаторов уже в 30-е годы оно применялось для достижения большей художественной выразительности.

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?

Раздел ведет доктор филологических наук
А. А. БРАГИНА

Дорогие читатели «Русской речи», в новом году мы продолжаем беседы о культуре речи. Прислушаемся к тому, как говорят на улицах, в метро, в автобусах и троллейбусах, в магазинах и на рынке, в «Доме мод» и на стадионе...

Ошибки речи, которые мы с вами обсудим,— это, к сожалению, распространенные ошибки. О них пишут в разных справочниках,

о них говорят в лекциях о культуре речи, но они все еще существуют. Почему? Как с ними бороться?

Говорят, что есть элементарные ошибки, и они не могут привлекать наше внимание в силу своей очевидности.

Но дело в том, говорил тонкий знаток русского языка Сергей Иванович Ожегов, что классифицируют ошибки знатоки.

А те, кто ошибаются, не знают об этом:

они просто так говорят. Значит, отмечать надо ошибку всякую и особенно широко распространенную, если она продолжает оставаться ошибкой, т. е. противоречит живым законам языка.

Наша общая культура речи определяется речью самого широкого круга говорящих и пишущих, и она в своей основе должна быть единой: в этом ее подлинная демократичность.

Вы вошли в магазин «Овощи — фрукты»... Вы торопитесь. Надо поскорее занять у кассы очередь. И вдруг вы задумались — как спросить: *кто последний* или *кто крайний*? Сколько об этом уже сказано в различных справочниках, в популярных книгах о культуре нашей речи, в радиопередаче «В мире слов»... А ошибка живет! Вот сейчас проверим реакцию очереди.

«Кто последний?» — говорите вы быстро. Солидная, строгая женщина, стоящая в конце очереди, смотрит на вас осуждающе.

«Кто крайний?» — произносите вы.

Теперь другая женщина говорит: «Ну как же можно не понимать: у очереди два края. Вот стою и слушаю — *край-*

ний, крайний... Какой вам нужен край? Тот, что у кассы, или хвост?».

«*Последний* — это остальной, за ним ничего нет и не будет,— парирует строгая женщина,— *последний раз, последний кусок*. Так люди говорят, так нам, детям, старшие говорили».

«Кто в хвосте?» — находитесь вы, и слышите в ответ добродушное и благожелательное: «Я, да я».

Последний — «остальной (за которым нет ничего)», но ведь это одно из значений данного слова. Другое значение — «конечный в ряду». Однако пословицы и поговорки так закрепили значение «остальной», особенно в южных диалектах, что держат слово *последний* в своем кругу.

Как же следует говорить: *кто последний* или *кто крайний*?

Пока продвигается очередь в кассу, вы идете вдоль прилавков и выбираете расфасованные овощи и фрукты. И слышите, кто-то говорит с похвалой: «Вот хорошо, все заранее свесили...»

Свесили — что? с чего? *Свесили* — с полки гирлянду лука, а овощи — *взвесили*, определили вес (*взвесить* — от *весить*, *вес*): *взвесить* на весах — лук *взвесили*. *Свесить* — от *повесить* — висеть в воздухе, *свесить* с полки — *вишу*, *свишу*... *висит*, *свесит*: лук *висит*, лук *свесил* зеленые стрелки. Разные действия и разные глаголы?

«Сегодня хорошая картофель. И огурчики есть, и помидорчики,— вступает в разговор „строгая женщина“.— Я вчера 5 килограмм апельсин купила». А вы про себя отмечаете: картофель — мужского рода (*хороший картофель*), картошка — женского (разговорная форма). Огурчики, помидорчики — так говорят на юге, но это не только диалектная, но и просторечная, «вежливая» форма вместо *огурцы*, *помидоры*. Зачем в данной ситуации ласкательные, уменьшительные формы?

«Да что же он не отходит, копается? — опять говорит кто-то.— *Плётит, плётит*, и никак не *заплётит*. А теперь *получил сдачи* и не отходит!»

Плётит? Плётит — заплётит — оплатит — оплачивает... — все от *плата*.

А вот подумаем, как правильно: *получил сдачи* или *сдачу*? *Получил* — что? — *сдачу* (винительный падеж), *не*

получил — чего? — *сдачи* (родительный падеж при глаголе в отрицательной форме), *получил* — сколько? — *3 рубля сдачи*. Правильны ли все эти рассуждения?

Но покупки сделаны, деньги уплачены, сдача получена...

«Женщина, женщина! я к вам обращаюсь, — это «строгая женщина» окликнула вас. — Может, надо говорить *последний*, не знаю... Внука спрашиваю (в первый класс ходит), а он говорит: — Мы этого не проходили... А почему не проходят? Им-то надо знать: как правильно?»

Конечно, надо. Моя собеседница задумалась и не заметила, как обронила кошелек. А вы его заметили, когда хозяйка кошелька была уже далеко. Что же делать, как ее остановить? Тоже кричать: «Женщина!» Нет, вы не можете. Не то слово. Вы просто догоняете, и запыхавшись: «Пожалуйста, вот вы уронили, ваш кошелек...»

А как в самом деле обратиться к незнакомому человеку в магазине, в троллейбусе, метро, на улице, в театре? Как? *Товарищ, гражданин, гражданка, женщина, девушка, молодой человек?*.. Писатель Владимир Солоухин предлагает *сударь, сударыня*.

А пока вы обращаетесь: «Пожалуйста, не скажете ли...» И думаете, как еще можно было сказать?

Проверим наши сомнения и раскроем страницу 160.

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Безотходный (безотходная технология, безотходная система водоснабжения, безотходное производство и т. и.).

Слово *безотходный*, как и многие другие появившиеся в современном языке образования с приставкой *без-* (*бес-*), создано на основе сочетания имени с этой приставкой по очень продуктивной модели, возможность которой в настоящее время необыкновенно возрастает. Причиной тому яв-

ляются не внутриязыковые, а социальные процессы. Язык только точно фиксирует, что происходит в современной науке и технике.

Постоянные поиски путей совершенствования методов производства, забота об экономичности их, экологические проблемы (загрязнение окружающей среды и др.) приводят к появлению более современных и экономичных технологий, систем, способов. Совершенствование их в самом общем виде заключается в отказе от некоторых привычных атрибутов производства. Средствами языка это воплощается в словах-прилагательных с приставкой *без-* (*бес-*): *беспазовые* машины, *беспористые* детали, *беззубцовый* статор, *бессточное* водоснабжение, *бездоменная* металлургия, *безнапорный* трубопровод, *безвертенное* прядение и т. п.

Типичным представителем такой лексики является и прилагательное *безотходный* в значении «не дающий отходов, не имеющий отходов». Вот примеры из журнала «Наука в СССР» (1982, № 2): «В нашей стране разработаны научно-технические основы создания безотходной технологии почти для всех отраслей промышленности»; «...Лучшим решением проблемы является создание безотходного производства, и тем самым прекращение загрязнения окружающей среды»; «Возможности

создания безотходных металлообрабатывающих цехов открывает гидростатическая обработка материалов...»; «Разработка и внедрение... безотходной системы водоснабжения позволила в полной мере сочетать размещение сложнейшего производства в крупном городе с охраной его водных источников и атмосферы от загрязнений».

Среди новых слов, естественно, окажется много таких, которые самым непосредственным образом отражают современную жизнь во всех ее сферах — научные открытия советских ученых, новые совершенные механизмы, машины, транспортные средства и многое другое.

Иногда по таким словам можно «прочитать», где совершилось то или иное открытие, что представляет собой новое достижение техники. Этому способствует, с одной стороны, понятность структуры слова (языковеды говорят «прозрачность внутренней формы»), с другой — традиция называть аналогичные предметы, вещи, явления аналогичными по форме словами. Очень показательны в этом отношении слова, которыми называются вновь открытые горные породы.

Существует прекрасная традиция именовать новые минералы по месту их находке-

ния, по имени открывателя или в честь ученого. Основу таких слов составляет имя собственное; словообразующий суффикс *-ит* имеет в данном ряду слов специализированное значение «минерал»: *алтаит, аляскаит, анапаит, астраханит, байкалит; волуевит, воробьевит, ломоносовит* и т. п. Слово таким образом увековечивает труд ученых, изыскателей.

Приведем примеры новых названий горных пород.

Монголит. Название дано по месту открытия минерала. В газете «Правда» появилась заметка «Назвали „монголитом“»: «Советско-монгольская геологическая экспедиция открыла в районе южного Гоби новый минерал. Решено назвать его „монголит“». В настоящее время в мире известно около 2,5 тысячи природных минералов, и новые названия в этом перечне появляются не часто, — рассказывает руководитель экспедиции В. Коваленко. — Но самое трудное — выделить соединение в чистом виде, установить его химический состав» (Наука в СССР, 1982, № 1).

Ушковит. «Неделя» (1982, № 32) под рубрикой «Находка-82» опубликовала следующее сообщение: «Ушковит. В Ильменских горах впервые в мире были в начале века найдены девять минералов:

ильменит, вишневит, канкритит, эшинит, самарскит, ильменорутит, чевкинит, монацит, ишкулит. А недавно старший научный сотрудник лаборатории минералогии Ильменского государственного заповедника имени В. И. Ленина Уральского научного центра АН СССР Борис Валентинович Чесноков открыл новый минерал... Чесноков назвал его ушковит, в честь уральского натуралиста Сергея Львовича Ушкова».

Якутит. В 1982 году в газете «Правда» была опубликована информация «Назван якутитом»: «В реестр горных пород, открытых на земле, отныне будет внесен новый минерал якутит. Он назван по месту находки Иркутским ученым-геологом А. Коневым. Сибирских разведчиков недр давно привлекает горный массив, расположенный на границе Якутской АССР, Иркутской и Читинской областей.

Новая горная порода — черного цвета, она залегает на значительной площади под слоем рыхлых отложений. Специалисты считают, что якутит может служить комплексным сырьем для получения глинозема и калийных удобрений». Эта же информация затем была опубликована в журнале «Наука в СССР» (1982, № 2).

В. Д.

**Михаил
Васильевич
СВЕТЛАЕВ
1898—1959**

Известный лингвист и педагог Михаил Васильевич Светлаев родился 23 сентября 1898 года в Москве. Отец его рано овдовел и остался с несколькими детьми на руках. Только большое трудолюбие и тяга к знаниям позволили М. В. Светлаеву, старшему сыну в семье, получить высшее образование, единственному из братьев и сестер.

М. В. Светлаев окончил в 1921 году Военно-педагогический институт по отделению русского языка и литературы, а в 1923 году — филологический факультет Московского университета. Университетскими учителями М. В. Светлаева были Д. Н. Ушаков, М. И. Петерсон и другие крупные ученые.

М. В. Светлаев хорошо знал древние языки — старославянский, латынь, греческий, позднее самостоятельно изучил новогреческий; из живых языков знал немецкий и английский. Круг его научных интересов не ограничивался филологией. Он занимался историей, естественными науками (особенно ботаникой), прошел курс анатомии, любил живопись и сам рисовал.

Трудовая жизнь М. В. Светлаева началась рано: с 16 лет он давал уроки, был инструктором школ взрослых. Еще не закончив университета, М. В. Светлаев преподавал русский язык и литературу в разных школах и на рабфаке при Московском институте инженеров транспорта.

Стремление как можно более ясно и доходчиво изложить материал, интерес к исследованию языка привели М. В. Светлаева к составлению учебников русского языка и программ для школ и спе-

циальных учебных заведений. Составлением учебников он стал заниматься в 1929 году, когда под руководством Д. Н. Ушакова написал курс русского языка для заочной школы второй ступени (для взрослых).

Книги М. В. Светлаева приобрели широкую известность. Так, «Грамматика» (учебник для школ взрослых), написанная в соавторстве с А. М. Земским и С. Е. Крючковым под редакцией Д. Н. Ушакова, выдержала 14 изданий; «Сборник упражнений по синтаксису и пунктуации» (для 6 и 7-го классов семилетней и средней школы), составленный с С. Е. Крючковым, издавался 19 раз.

Учебник для педагогических училищ «Русский язык», написанный в соавторстве с А. М. Земским и С. Е. Крючковым под редакцией В. В. Виноградова (сначала выходил под названием «Грамматика русского языка»), завоевал популярность среди учителей средних школ, учащихся педагогических вузов и абитуриентов университетов как наиболее полное и общедоступное изложение грамматики русского языка.

М. В. Светлаев постоянно трудился над совершенствованием этого учебника. Начиная с третьего издания (1950 г.) он ввел в книгу главу о лексикологии, дал общую характеристику таких важнейших понятий, как «слово», «словообразование» и «формообразование», а также обширные сведения по словообразованию отдельных частей речи. В 1980 году вышло в свет 9-е (исправленное и дополненное) издание этой книги. М. В. Светлаеву принадлежат в ней общие, вступительные главы в разделе «Слово, словообразование и формообразование», главы об именах существительных, наречиях, служебных словах и простом предложении. В своей трактовке словообразования М. В. Светлаев следовал взглядам В. В. Виноградова, который в начале 50-х годов опубликовал целую серию работ в этой области языкознания, что способствовало появлению широкого интереса к словообразованию и выделению его в специальную лингвистическую дисциплину.

*

Книги М. В. Светлаева по русскому языку знакомы каждому учителю-словеснику, они пользуются большой известностью не только в нашей стране, но и за рубежом. Всю жизнь Михаил Васильевич отдал делу народного образования, воспитанию молодежи. С 1934 года он — доцент кафедры русского языка Всесоюзной академии социалистического земледелия, а в 1936—1940 годах — заведующий кафедрой. Во время войны, находясь в эвакуации в Новосибирске, он работал в Институте усовершенствования учителей.

Еще в годы войны возвратившись в Москву, М. В. Светлаев начал преподавать в полиграфическом институте, где около 10 лет (с 1942 по 1951 год) вел различные лингвистические дисциплины: введение в языкознание, историческую грамматику русского языка, синтаксис русского языка. В последние годы жизни М. В. Светлаев руководил кафедрой русского языка в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

В 1955 году тяжелая болезнь прервала непосредственную преподавательскую деятельность М. В. Светлаева, но он не прекращал свои научные исследования и занятия методикой русского языка. В эти годы ученый сосредоточил внимание на новом разделе методики — преподавании русского языка нерусским (особенно иностранным) учащимся. Будучи прикованным к постели, он продолжал готовить статьи, редактировать учебники.

Учебно-методические труды М. В. Светлаева высоко оценил академик В. В. Виноградов, который писал так: «Методическая тщательность, простое, ясное и систематическое изложение, свежесть иллюстраций (из сочинений русских классиков), практическая целесообразность расположения материала, высокий научный уровень авторских знаний, стремление сблизить школьную грамматику с новыми достижениями лингвистики — вот те качества, которые были жизненно присущи учебно-методическим трудам М. В. Светлаева...».

Е. А. ЗЕМСКАЯ

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Прошу разъяснить, в каких случаях местоимения *вы, вас, вам, ваши* пишутся с прописной буквы?»

Д. Н. Лазарев, Киев

Личные местоимения *Вы, Вас, Вам* и притяжательное *Ваши* пишутся с прописной буквы, когда обращение на «вы» к какому-либо лицу свидетельствует о большой вежливости. Такое правописание мы употребляем, когда обращаемся к незнакомому или малознакомому адресату, к равному и старшему (по возрасту, положению) человеку, при подчеркнуто вежливом отношении к нему.

ОВЛАДЕНИЕ речью на неродном языке — процесс сложный. Не секрет, что на чужом языке легче научиться читать, писать и понимать речь других, чем научиться правильно говорить. Речевые навыки вырабатываются одновременно с изучением языка как системы лексических и грамматических средств. При этом образуется совершенно новая речевая система, которая накладывается на ранее сложившуюся систему родного языка. Практические навыки достигаются лишь через определенное время и при значительных усилиях. Поэтому часто, особенно на первых порах, у обучающегося появляется желание передать свою мысль на родном языке. Человек вначале мысленно проговаривает нужную фразу на своем родном языке и лишь затем начинает искать средства для передачи ее на другом. Здесь и происходит первое столкновение двух различных языковых систем — родной и неродной, при этом приходится преодолевать стереотип мышления и «говорения» на родном языке.

Отклонение от литературных норм одного языка под влиянием другого, встречающееся в речи людей, в современной лингвистике именуется интерференцией.

Владение современным русским литературным языком для гражданина нашей многонациональной страны — один

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ

О КУЛЬТУРЕ И НОРМАХ УСТНОЙ РЕЧИ

из показателей его культуры и образованности. Русский язык, ставший «всесоюзным переводчиком», служит средством общения людей различных национальностей. Чтобы добиться точности выражения своих мыслей, нужно знать возможности русского языка и уметь правильно использовать их.

Не всегда, к сожалению, мы слышим правильную русскую речь. В чем причины нарушения литературных норм в русской речи нерусских? Прежде всего, в условиях двуязычия говорящий испытывает на себе влияние родного языка. Именно этот фактор является важнейшим препятствием при овладении русским языком. Интерференция в русской речи нерусских встречается очень часто и становится главной причиной отклонений от литературных норм. Усвоенный с детства родной язык бессознательно управляет и русской речью нерусских.

Это естественно. Ведь до изучения какого-либо языка материнский является единственным средством общения, формирования и выражения мыслей, хранения, накопления и передачи общественного опыта. Он настолько прочно укрепился в сознании, что не воспринимается носителем как система лексико-грамматических средств. Говоря на родном языке, человек думает только о том, что сказать и не задумывается над тем, как сказать. Слова, грамматические формы и синтаксические конструкции при этом используются им произвольно, свободно.

Интерференция наблюдается на всех уровнях языка — фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Но отклонения от норм русского литературного языка бывают различными у представителей разных национальностей. Русская речь жителей каждой национальной республики имеет специфический характер. Русская речь литовца отличается от русской речи грузина, речь казаха — от речи украинца и так далее, хотя и в той, и в другой наблюдаются нарушения литературных норм. Акцент в русской речи нерусских зависит от того, какой конкретно язык оказывает на нее влияние. Поэтому мы говорим о так называемом «национальном акценте», под которым подразумеваем не только особенности произношения, но и некоторые своеобразные черты, проявляющиеся в лексике, морфологии и синтаксисе.

В устной речи заметнее всего фонетическая интерференция. Своеобразное произношение русских слов нерусскими объясняется тем, что в родном и русском языках зачастую не совпадает состав звуков; различается и собственно произношение гласных и согласных, то есть качество звуков. Так, отсутствие звука *ы* в литовском и некоторых других языках является причиной неверного произношения многих русских слов, например: *мил*о вместо

мыло, был вместо *был* и других. Такое произношение не только «режет» слух, но порой искажает смысл высказывания.

Влияние родного языка заметно и в области словообразования. Это выражается в неточном использовании русских приставок, суффиксов. Сюда же относятся и индивидуальные новообразования: создание новых слов по имеющимся моделям. Причем слова эти построены с формальной точки зрения правильно и значение их понятно (ср.: *вахтерка* вместо *вахтер*, *продаватель* вместо *продавец*, *фантастик* вместо *фантаст*). Как видим, такие новообразования, появляющиеся в речи нерусских, объяснимы, но являются отклонением от литературной нормы языка.

Лексика и морфология также испытывают на себе влияние родного языка. Известно, что семантические (смысловые) оттенки слов в различных языках не всегда совпадают — появляются условия для неправильного словоупотребления: *читать арию* вместо *исполнять*, *сказать звук* вместо *произнести*, *безумный человек* вместо *глупый*, *необразованный* и т. д. Очень много нарушений приходится на долю слов, имеющих широкое употребление в русской речи вообще и в повседневной жизни учащихся в частности, например: *учить*, *учиться*, *выучить*, *изучить*, *научить* — *научить стихотворение* вместо *выучить*, *учить природу* вместо *изучать*. Подобные нарушения объясняются тем, что изучающие русский язык недостаточно четко различают семантические оттенки данных слов.

Общезвестно, что одним из необходимых условий овладения русским языком является усвоение его падежной системы. Здесь обучающиеся сталкиваются с определенными трудностями, которые объясняются типологическими расхождениями русского и национальных языков. Эти расхождения в системе именных частей речи также становятся причиной нарушения литературной нормы (*после революция* вместо *после революции*, *любить человеку* вместо *любить человека*).

Другая распространенная ошибка — отсутствие согласования в определительных словосочетаниях. Нарушение синтаксической связи слов характерно, например для русской речи таджиков. В таджикском языке, в отличие от русского, нет категории рода. Поэтому стоит только таджику ослабить контроль над своей русской речью, как в ней сразу же появляются неверно согласованные определительные конструкции (*любимый книга*, *мой сестра*, *яркий солнце*).

О наличии синтаксической интерференции свидетельствует нарушение правил построения простых и сложных предложений.

В русском языке члены предложения не имеют строго закреплённого за ними места, и в зависимости от цели высказывания по-

рядок их следования может меняться. Порядок слов в русском языке используют, как правило, для того, чтобы выделить актуальную часть высказывания. Акцентируя внимание на этой наиболее важной части сообщения, говорящий переносит ее в конец предложения.

В других языках (например, тюркских) порядок слов в предложении закреплён. Под влиянием родного языка в русской речи узбеков, туркмен, казахов и других народов появляются предложения, в которых нарушен смысловой акцент: *Наизусть задано на дом было текст выучить* вместо *На дом было задано выучить наизусть текст*; или: *Книга называется «Восьмикнижье», который там более 4-х тысяч строк* вместо *Книга, в которой более 4-х тысяч строк, называется «Восьмикнижье»*. Нерусские часто не ощущают разницы между правильно и неправильно построенными предложениями. Уверенные в том, что в русском языке относительно свободный порядок слов, они конструируют фразу без учета смыслового акцента.

Интерференция, или национальный акцент,—нежелательное явление. И оно преодолимо. Правильная методика, учет особенностей русского языка, сознательная опора на родной язык, стремление к совершенству позволяют всем изучающим русский язык избежать национального акцента, достичь высокого уровня культуры речи.

С. Д. КАСЫМОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Из какого языка заимствовано в русский язык слово *марал*?»

З. Ф. Суханов, Новосибирск

Слово *марáл* тюркского происхождения.

«С каким ударением надо произносить название притока Волги реки Суры?»

И. И. Каляда, Волгореченск

Название реки *Сура́* произносится с ударением на последнем слоге.

О первопечатниках-просветителях

Документация московских приказов XVI — XVII веков сохранила живой язык наших предков — богатый интонациями, подчас взволнованный, но всегда тесно связанный с повседневным бытом. Вот один из таких документов:

«Царю, государю, великому князю Федору Ивановичу всеа Руси бьет челом холоп твой выезжий из Литвы печатных книг переплетный мастер Анисимец Михайлов [т. е. Михайлович]. Вышел я, холоп твой, из Литвы на твою царскую милость в 94-м году и твое царское дело делаю у печатных дел. А дворишка, государь, у меня нет: маюся на печатном дворе и посяместа. Царь государь, пожалуй меня дворишком в Ругодивской слободе Ондреевским Валмеровым. Как по твоему государеву указу ругодивские и юрьевские немцы посланы с Москвы в Нижний на житье и в том дворишке жил безденежно подьячий Максим Марков, денег за то дворишко не платил. А ныне в том дворишке живет ругодивский немчин Индрик Торнор неведомо почему, а держит корчму, а приехал тот немчин из Нижнего без твоего царского указа. А печатных, государь, книг ученикам дьяк Ондрей Щелкалов дал двор немецкий Кляусов безденежно. Царь государь, пожалуй [меня] иноземцевым тем Ондреевским дворишком, чтоб меж дворы не волочился. Плачуся и челом бью».

В челобитной впервые встречается имя Анисима Михайлова Радишевского, впоследствии прославленного книгопечатника и

пушкарского мастера, автора первой русской научно-технической книги.

«Вышел я... из Литвы... в 94-м году», — пишет Анисим Михайлов, 7094 год «от сотворения мира» — это период от первого сентября 1585 года до 31 августа 1586 года. В послесловиях напечатанных им книг Анисим Михайлов называл себя «волыницем». На Волини, которая вплоть до Люблинской унии 1569 года подлежала юрисдикции Великого княжества Литовского, в ту пору была лишь одна типография. Находилась она в городе Остроге и руководил ею великий просветитель Иван Федоров. А значит, у нас появляется возможность утверждать, что Анисим Михайлов Радишевский был учеником знаменитого русского и украинского первопечатника.

Анисим, видимо, родился на Волини в начале 60-х годов XVI века. Он был смышленым мальчиком, и его взяли учиться в Острожскую Академию. Современники именовали это учебное заведение «стриязычным лицеем», ибо в нем «благородные искусства» изучались на славянском, греческом и латинском языках. Иван Федоров напечатал для этой школы «Азбуку» (1578 г.) с параллельными славянскими и греческими текстами.

Затем были годы учебы в типографии. Переплетными работами здесь ведал сын Ивана Федорова — Иван Иванович, которого по профессии отца именовали «Друкаревичем». Анисим Михайлов, видимо, изучил и основы типографского дела. Вне всякого сомнения, он участвовал в работе над наиболее прославленным изданием Острожской типографии — «Библией» (1580—1581).

5 декабря 1583 года Иван Федоров умер. Острожская типография продолжала работать. Но объем ее деятельности резко сократился. Известны лишь две небольшие брошюры — послания патриарха Иеремии, выпущенные здесь в 1584—1585 годах. Желая продолжать дело своего великого учителя, видевшего цель своей жизни в том, чтобы «духовная семена по вселенной разсевати», Анисим Михайлов решает уйти в Москву.

*

В конце 1587 года после длительного перерыва возобновляется деятельность Московского печатного двора. 20 декабря 1587 года ученик Ивана Федорова Андроник Тимофеев Невежа начинает печатать «Триодь постную». В работе над этой книгой, возможно, принимал участие и Анисим Михайлов. Трудился он в качестве переплетчика. Большинство книг в ту пору выходило из типографии непереплетенными — «в листах». Но отдельные экземпляры, предназначенные для царя и митрополита, для крупнейших монастырей, переплетали на самом Печатном дворе.

Анисим Михайлов сразу хорошо зарекомендовал себя. Имя его было известно царю, что и позволило мастеру обратиться с челобитной, которая нами приведена полностью. 19 сентября 1588 года «по государеву указу бояре приговорили тот Ондриевский двор Волкера дати печатных книг переплетному мастеру Онисиму Михайлову». Отныне мастер имел свой дом. Где точно находилась Ругодивская слобода, в которой жили переселенные из Нарвы (Ругодива) и Юрьева ливонцы, мы не знаем. Возможно, неподалеку от Рождественского монастыря. Здесь Анисим Михайлов прожил 30 лет. В переписной книге московских дворов 1620 года мы находим следующую запись: «Идучи из Кисельного переуллка, на леве, в тушике... двор колокольника Онисима Рудашевского. Вдоль 10 сажень, попереk 7 сажень».

Почему Анисим назван «колокольником», мы еще узнаем. Пока же отметим, что в Кисельных переулках, существующих по сей день, жили мастера, варившие «поминальный кисель».

Шли годы. Андроник Тимофеев Невежа, выпустивший более 10 книг, в 1602 году умер. С 1603 года его мастерской руководит сын — Иван Андроников Невежин. А в 1605 году начинает работать новая «печатная изба». 29 июня 1606 года она выпускает в свет первую книгу — большое напрестольное Четвероевангелие, в послесловии которого читаем: «Сия же богоприятная и душеправительная книга, рекомое Евангелие... мастерством многогрешного Анисима Михайлова сына Радишевского, волинца, и прочих, любезно трудившихся».

Четвероевангелие 1606 года — во всех отношениях прекрасная книга. Член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров характеризовал его так: «Гравюры, заставки, инициалы, шрифт — все может быть в Евангелии 1606 года оценено только такими словами, как «драгоценно», «изящно». Плоскостные узорчья всего убранства книги доведены до высшей степени мастерства. В оформлении этого издания нет ничего религиозного; его приходится воспринимать не как книгу для чтения, а как альбом, предназначенный для рассматривания» (Сидоров А. А. История оформления русской книги. М., 1964).

Особенно прекрасны четыре гравюры-фронτισписа, изображающие легендарных авторов книги — евангелистов Матфея, Марка, Луку и Иоанна. Затейливое декоративное обрамление гравюр свидетельствует о том, что Анисим Михайлов Радишевский был знаком с западноевропейской архитектурой своего времени; в обрамлении проглядывают порталы и башни многоэтажных зданий.

Послесловие Четвероевангелия 1606 года, автором которого мы склонны считать Анисима Михайлова, — это традиционный панегирик. Адресат — царь Василий Иванович Шуйский. О нем идет

речь, как о «крепком хранителе и поборнике» веры, как о властителе «великих государств на востоце и на сивере сущих, и иных многих стран государя и обладателя». Подобно киевскому князю Владимиру, царь Василий Иванович преуспел «в духовных добродетелях» и решил даровать «всем верующим... царская сокровища словесного любомудрия». Для этого и было устроено «в... царском дому... божественнаго писания печатных книг дело».

Напыщенный язык послесловия далек от живой народной речи, превосходным образцом которой служит челобитная Анисима Михайлова.

1 января 1607 года Анисим Михайлов Радишевский начал, а 25 апреля 1610 года закончил печатание второго своего издания «Очи Церковныя». Это — очень большая книга, в ней 2532 страницы. Поэтому и работал над ней Анисим Михайлов долго — более трех лет.

В послесловии книги читаем: «Сущия же богоприятныя и душесправительныя книги, нарицаемыя Уставы, сиречь Очи Церковныя, напечаташеся мною, многогрешна и непотребнаго раба, книжнаго печатнаго дела мастера Анисима Михайлова сына Радошевскаго и прочих любезно трудившихся в богоспасаемом граде Москве». (Читателя не должно смущать различное написание имени: «Радишевский», «Радошевский», «Рудашевский». В ту пору это было делом обычным.)

Послесловие отвечает нравам эпохи: оно пронизано самоуничижительными нотками. Анисим Михайлов обращается с просьбой к читателям простить ему ошибки и опечатки и исправить их: «молим убо вы, мы грубии и немощнии, паче и ненаказании, и раболепно поклонение до лица земнаго умиленно сотворяем: яко хотяще сию святую книгу прочитати или переписывати, и аще, за немощь прегрешений моих или мне повинующихся делателей недоумением, укратися или приложися или отменися, милостиви нам будите и незазориви ума нашего немощи и недоумению...»

Анисим Михайлов был человеком гордым и самолюбивым, он превосходно знал себе цену, но таков уж был литературный стиль эпохи.

С Уставом 1610 года впоследствии вышла неприятность. Составлявший его монах Троице-Сергиева монастыря Логин попал в немилость. Труды его были признаны еретическими. В 1633 году патриарх Филарет Никитич разослал по всем епархиям грамоты, в которых приказал «книги уставы печатаные, которые печатаны при государе царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руспи во 118-м году, собрав, прислать к Москве, для того, что те уставы печатал вор бражник Троецкого Сергиева монастыря крылошанин

чернец Логин без благословения брата его государева святейшаго Ермогена патриарха Московского... и многие в тех уставах статьи напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданию самовольством». Книги было приказано сжечь. Решение это, однако, в полной мере выполнено не было: даже в настоящее время известны, по крайней мере, 33 экземпляра книги.

Анисим Михайлов больше ничего не печатал. Время в ту пору было трудное, «смутное». В годы польско-шведской интервенции Московский печатный двор был сожжен. Иван Андроников Невежин погиб. А другой мастер — Никита Федоров Фофанов, начавший работать в 1609 году, уехал в Нижний Новгород и здесь организовал новую типографию. Анисим Михайлов поступил иначе. Он вспомнил о своей другой профессии, которой его обучил Иван Федоров. Первопечатник превосходно знал литейное дело, был пушечным мастером.

*

После изгнания захватчиков из Москвы Анисим Радишевский начинает трудиться на Пушечном дворе, льет пушки и колокола. Поэтому-то и назван он «колокольником» в переписной книге московских дворов 1620 года.

В том же 1620 году он закончил труд, призванный подытожить развитие военно-технической мысли как в России, так и за рубежом. Напечатана книга в ту пору не была. Она распространялась в списках, из которых до наших дней дошли два. Один из них находится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, второй — в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР. Был еще один список, который хранился в Оружейной палате. В 1775 году его отыскал здесь писатель и журналист Василий Григорьевич Рубан (1742—1795). В ту пору он был секретарем всесильного Г. А. Потемкина. «Я из сенатских взят к нему секретарей, правителем его был письменных идей», — так Рубан определял круг своих обязанностей. Понимая значение памятника для истории русской культуры, он убеждает Потемкина в необходимости издать его.

Труд Анисима Михайлова увидел свет в 1777—1781 годах — через 130 лет после того, как был написан. Рубан дал ему такое название: «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государственование царей и великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Федоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым».

1607 год здесь указан по той причине, что именно тогда переводчики Посольского приказа Михаил Юрьев и Иван Фомин пере-

вели на русский язык труд немецкого инженера Леонгарда Фроппергера «Воинская книга», вышедший во Франкфурте-на-Майне в 1566—1573 годах. Перевод впоследствии был использован Анисимом Михайловым, обогатившим его собственными наблюдениями и опытом.

В предисловии списка, опубликованного В. Г. Рубаном, указывалось: «Написал сию Воинскую книгу к царскому величеству его государский холод, многогрешный Анисим Михайлов в великом богоспасаемом и царствующем граде Москве в лето 7129 сентября в 26 день» (т. е. 26 сентября 1621 г.). Фамильного прозвища автора здесь, как мы видим, нет. Историки русской науки, русского воинского искусства много и обстоятельно писали об «Уставе ратных, пушечных и других дел». Советский ученый Т. Райнов приватизировал эту книгу большую главу своего труда «Наука в России XI—XVII веков» (М.—Л., 1949). Но никто и никогда не отождествлял Анисима Михайлова, автора «Устава», с книгопечатником Анисимом Михайловым Радвишевским. Сделали это впервые в 50-х годах текущего столетия А. П. Лебедевская и Л. П. Теплов. Гипотеза их блестяще подтвердилась, когда в Ленинградском отделении Института истории был найден новый список «Устава». Имя автора здесь указано так: «непотребный и многогрешный Анисим Михайлов сын Родомешевский».

Многие исследователи называют «Устав ратных, пушечных и других дел» первой русской научно-технической книгой. И это не случайно. Тематика книги далеко выходит за пределы военного знания. Анисим Михайлов сообщает читателю сведения по математике, механике, физике, химии, металлургии... Он формулирует свое отношение к науке вообще, к просвещению и образованию.

Наука, разум играют большую роль во всех сферах человеческой деятельности и, конечно же, в военном деле. «Подобает искати с великой совестью,— пишет Анисим Михайлов,— таково их смысла разума, а не силою телеси своего ко врагом приходит... Ко всякому действу устроить им мастерством искусным...» Человек просвещенный, по его мнению, должен распространять знания среди окружающих: «Неученые люди подле ученых учнут учиться и вымкати, и в таких делах вознесет один другого».

Анисим Михайлов резко протестует против системы рабничества, бытовавшей в ту пору во многих странах. Армия, по его мнению, должна формироваться из коренных жителей: «... туземный мещанин или посаженный... не только за единово себя, но и жену и дети свои и жилье и бытие хочет заступити и защитити, а чужеземец... на то не смотрит, что ни делается, лишь бы ему деньги взяти да с своим уйти».

К сожалению, по сей день не изучены лингвистические аспекты «Устава», сыгравшего значительную роль в становлении русской научно-технической лексики. Анисим Михайлов считает своим долгом всюду и везде толковать иностранные термины, переводя их на язык, доступный читателю. «Перпендикуляр,— объясняет он,— именуется вес свинчатой и прямая мера и черта». Иначе говоря, перпендикуляром к горизонтальной черте является натянутая свинцовым грузом нить. Приведем еще несколько примеров: «по латыне корпус, а по-русски основание»; «цыркуль, а по-русски кружало»; «диаметра именуется доля или мера вышины или ширины». Особенно тщательно и подробно толкуются в «Уставе» химические термины: «глорит именуется текучая сера, а перепущенная селитра и сера горячая тоже»; «олеум бенедиктум, то именуется святое масло»; «сулфур, сера горячая живая, цветом сера»; «аква фортис, водка крепкая или золоторазводная», «нетроллиум — нефть». В общей сложности в «Уставе» перечислено до 50 химических веществ.

Объяснены и некоторые ботанические термины. Например: «волкрут, трава медвежье ухо»; «газвлпиц, трава подлесник, растет и в огородах».

Дано представление о мерах длины и веса. «Верста,— утверждает Анисим Михайлов,— держит в себе 125 двойных шагов, а шаг по полсажени или по 5 ступней». «Рядовая ступня» — это «пол 3 единого большово перста ширина есть». С русскими мерами длины Анисим Михайлов сопоставляет иностранные — волосскую, или итальянскую, милю, немецкую, испанскую, угорскую.

Язык «Устава» прост, конкретен и понятен. Здесь мы не найдем той витиеватости стиля, которая характерна для послесловий печатных книг Анисима Михайлова Радищевского. Описания изобилуют многими житейскими подробностями. Рассказывая, например, об устройстве Пушечного двора, Анисим Михайлов советует «устроить у ворот сводным строением, и на тех воротех устроить житейскую палату... и в ней жити голове, кому телеги и всякое подъемное и извозное дело приказано, и надзирати ему над сторожами, над вороты в замыкание ночном и в бережение дневном, чтоб и в день не просто отворено стояло». Речь идет о сохранении государственной тайны, за чем на Пушечном дворе строго следили. Для этого же Анисим Михайлов советует «у хором мастеровых людей двери и окна... устроить во двор, а не на улицу».

А вот еще одна бытовая деталь. На Пушечном дворе, как в любом русском доме, держали кошек. Потому и советуется в «Уставе»: «во всякой двери устроить дыры кошкам ходити».

Что делал Анисим Михайлов Радишевский в 20-х годах XVII века? Об этом мы можем судить по наградным записям, сохранившимся в документации дворцовых приказов. 10 ноября 1622 года царь Михаил Федорович дал «государева жалованья пушкарских дел мастеру Анисиму Радосhevскому восемь аршин камки адамашки лазоревой». Пожаловали его «за путимское колодезное и тайничное дело». Речь идет о «крепостном строителстве в Путивле — на южной «украинне» Русского государства.

15 июня 1623 года старец Цотап отнес «к государыне и великей старице иноке Марфе Ивановне... 4 аршина сукна лундышу вишневого, цена по шестидесят алтын аршин». «А пожаловала,— сообщается далее,— государыня тем сукном книжного печатного дела мастера Онисима за то, что он делал в Рубцове пруды».

Для нас важно, что Анисим Михайлов назван «книжного печатного дела мастером», хотя он уже более 12 лет ничего не печатал. Марфа Ивановна, мать царя Михаила Федоровича, жила в подмосковном селе Рубцове — в районе нынешней Преображенской площади. По селу протекала речка Рыбинка, впадающая в Язу. На этой речке Анисим Михайлов и устроил систему прудов, которые существовали еще в начале XIX века. Берега их были обложены белым камнем. В прудах водилась рыба небывалой величины.

Автор этих строк в свое время нашел в Центральном государственном архиве древних актов документы, рассказывающие еще об одном сооружении Анисима Михайлова. 27 мая 1625 года «по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу» было дано государево жалованье «Анисиму Родышевскому десять аршин камки адамашки зеленой, мелкотравной, цена по двадцать по одному алтыну по четыре деньги аршин, пять аршин тафты вишицейки двоеличной, цена по двадцать по одному алтыну по четыре деньга, четыре аршина сукна лундышу гвоздичного, цена по полутора рубли аршин». Жалованье, которое выплачивали дорогими заморскими тканями, было по-необычному щедрым. Повод для награды в расходной книге указан лаконично: «А пожаловал государь ево за колодезное за колуское дело».

Неужели же за рытье колодца следовало столь щедрое «жалованье?» Дело в том, что колодец был необычным. Речь шла о сложном гидротехническом сооружении, призванном повысить обороноспособность Калуги, обеспечить снабжение ее водой во время многомесячной осады.

Узнать подробности о калужском колодце помог счастливый случай. Как-то в Центральном государственном архиве древних ак-

тов я знакомился с описью дел Пушкарского приказа, составленной в 1646 году. Это был черновик, написанный на оборотной стороне каких-то перечеркнутых старых документов. Поначалу я не обратил на это внимания. Но тут среди перечеркнутых строк мелькнуло знакомое имя. Это был пересказ переписки 1640 года с калужским воеводой Федором Игнатьевым. Повод для переписки был таков: «В Калуге де в городе колодезь, что делал Онисим Радишевский завалился, а пных де колодезей и тайников в Колуге, и колодезников де в Колуге нет же. Того колодезя зделать некому».

В переписке содержались сведения о колодце. Например, такие: «А глубина де тому колодезю до воды 35 сажен. А делано в стены. А на новый струб надобно лесу 1960 бревен 10 сажен в отрубе 6 вершков». В XVII веке сажень была равна 216 см. Легко подсчитать, что глубина колодца составляла 75 м. Для сравнения укажем, что высота колокольни Ивана Великого с куполом и крестом — 81 м.

*

Дату смерти Анисима Михайлова Радишевского можно приблизительно установить по «кормовым описям» и «сметным спискам» Пушкарского приказа. В «кормовой росписи» 1627 года упомянут «мастер пушкарских дел» Анисим Радишевский. В «Росписи, что на Москве и в городех всяких людей, которых ведают в Пушкарском приказе», отосланной в Разрядный приказ 8 декабря 1629 года, названа должность, которую занимал Анисим Михайлов — «пушкарских дел мастер». В следующих аналогичных «росписях» этой должности уже нет. Таким образом у нас появляется возможность утверждать, что Анисим Михайлов Радишевский скончался в 1630 году.

Разносторонне образованный и талантливый человек, типограф, автор первой русской научно-технической книги, один из виднейших представителей русской культуры XVI—XVII веков — таким был Анисим Михайлов Радишевский.

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ПОРУЧНЫХ ЗАПИСЕЙ

С давних времен у восточных славян деловые отношения — заключение различных подрядов, сдача откупов, наем на работу и т. д. — оформлялись посредством поручных записей. *Поручная записка* представляла собой трехсторонний договор между человеком, за которого *поручались*, представителями власти и *поручителями*, бравшими на себя материальную ответственность в случае невыполнения обязательств теми, за кого ручались. Составлялись эти документы по строгим образцам в зависимости от характера тех имущественных, денежных и иных отношений, которые получали в них оформление. Лежащая в основе записи общепринятая схема документа предопределила наличие в поручных записях большой группы постоянных лексико-фразеологических элементов, повторяющихся из документа в документ. Среди них прежде всего выделяются слова, связанные с оформлением *поручительства*: *ручать*, *выручить*, *поручиться*, *поручка*, *поручный*, *поручик* (*поручник*).

Процесс *ручательства* обозначался глаголами *ручать*, *выручить*, *поручиться*. В текстах поручных записей мы встречаем эти слова в форме прошедшего времени: «Миня Ивана ручали и руку приложили», «Козловец Горасим Жуков ручал Васпля Полдикова», «поручилисе есмя по галичанине по Федоре Емельянове», «вы-

ручили есми у дьячка у Микиты Иванова беглово салдата Ондрюшку Ондреева».

В значении «ручательство, обязательство в чем-нибудь, подтверждение чему-либо» применялось слово *порука*, прослеживаемое по памятникам письменности с XIII века. *Порука* входило в состав устойчивого выражения «стать за поруками (порукою)»: «Стать ему за нашею порукою на государевой службе на Москве». В современном русском языке основное значение этого слова не изменилось. В известном стихотворении К. Симонова «Чтобы никогда не думала» читаем:

Чтобы никогда не думала,
Что ты связан с ней порукою,
Чтоб нет-нет да вдруг и дунуло
Неожиданной разлукою.

В наши дни в качестве юридического термина наряду с порукой используется *поручительство*. В этом отношении интересен пример из письма А. М. Горького 1898 года: «Что такое порука и каковы обязательства, принимаемые на себя поручителем — спроси у Александра Ивановича Ланина, а также спроси его, не возьмет ли он поручительство на себя?» (М. Горький. Письмо Е. П. Пешковой, 1898, т. 28).

Человека, поручившегося за кого-нибудь, называли *поручник* (*поручик*): «А кои из нас паручиков будет в лицах на том государева пеня». В современном русском языке в этом значении употребляется *поручитель*, а *поручник* (*поручик*) отмечается как устаревшее.

Если обязательства, оговоренные в поручной записи, нарушались, поручители подвергались тому или иному наказанию. Меры наказания также определялись документом. С этим связано употребление в поручных таких слов, как *пеня*, *прогоны*, *протори*.

Термин *пеня* восходит к латинскому роена «наказание» (А. Преображенский. Этимологический словарь). В словаре В. И. Даля за словом закреплено более конкретное значение — «денежное взыскание, штраф», в котором оно употребляется и в наших материалах. Отметим, что встречается оно в текстах поручных записей повсеместно в форме единственного числа: «и на нас на поручниках, которые из нас в лицах, будет пеня, а пеню, что государь укажет».

Оплата расходов за проезд определялась в поручных записях термином *прогоны*: «и на нас на поручниках пеня государя царя и великого князя Михаила Федоровича, а пеню, что государь ука-

жет, и прогоны от Москвы по место и назад до Москвы», «а хто из нас порущиков в лицах, на том пеня и прогоны».

Идержки, что несли поручители за нарушение обязательств, взятых на себя лицом, за которое они поручились, именовались *протори*, или *убытки*. С течением времени слово *убытки* вытеснило *протори* из широкого употребления, и уже в «Словаре 1847 года» оно отмечено как устаревшее.

В поручных записях встречается немало устойчивых выражений, таких, как *руку приложить*, *имяны писаны*, *отписаться в чье-либо место*. Возникновение их связано с обязательным обрядом подписи документа, так называемыми «приложениями рук». Например, чтобы избежать повторения имен и фамилий поручителей, число которых иногда бывало весьма значительно, использовалось выражение *имяны писаны*: «К сей поручной записи вместо поручиков, которые в сей записи имяны писаны по их велению Жабенского погоста Рожественской поп Иванице Сергеев руку приложил». Часто поручители не владели грамотой, поэтому за них подписывались другие лица, отсюда выражение *отписаться в чье-либо место*. Интересно заметить, что обычай *приложения руки* к какой-нибудь официальной бумаге сохранялся довольно долго, а следовательно, употреблялось и выражение *руку приложить*. Вспомним у Н. В. Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «К сему прошению руку приложил дворянин миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочхун».

Итак, общепринятый образец, по которому составлялись данные документы, предопределил наличие в словарном составе поручных записей постоянных лексико-фразеологических элементов. Вместе с тем писались эти бумаги по самым различным поводам, начиная от сдачи в аренду участка земли и кончая розысками беглых крестьян. Разнообразное содержание записей получало под пером писца конкретное лексическое выражение. Так, поручные записи, связанные с подрядами на сооружение или отделку церквей, жилых или хозяйственных помещений, устройство печей, поставку кирпича для строительства, дают представление о терминологии плотницкого и печного дела, о существовавшей в то время системе измерения. Например: «На́нел он Лука у него Ивана дворовой земли ево под хоромное строения длиннику шесть сажен, а поперечнику пят сажен».

Поручные на крестьян изобилуют терминологией, связанной с обозначениями земельных угодий, видами работ и повинностей, выполняемых крестьянами: «Тому Третьяку в деревне Орефине в нашне в полуторе четвертаке жити и та ему пашня пахати и двор строити... и государево тягло ему тянути и монастырские подати ему всякие давати». Встретились слова *пошлина*, *подать*, *оброк*.

Очень широко представлено в поручных записях пришедшее из народного языка слово *тягло*. В выражении *тянуть тягло* оно означало «определенную повинность». Чаще же *тяглом* называли «землю, обрабатываемую тяглыми людьми, платившими подать государству» (ср.: *тяглое место*): «Жити ему Игнатью на тяглом месте» и «жить нам.. на государевом тегле». Использовалось в поручных записях слово *тяглец* — «обложенный тяглом». В значении «часть чего-то, участок земли» выступало слово *жеребий*: «стати нам Переславльском уезде за старыми своими помещики и вотчиники в старых своих жеребях». Для обозначения «имущества» повсеместно использовалось древнерусское слово *живот*. Многообразны составные термины: *отъезжий торг*, *откупной срок*, *ходячий торг*, *отъезжая пашня*, *откупные деньги*, причем определения конкретизировали значение родового слова: *откупной срок* — срок выкуна чего-либо, *отъезжий торг* — торговля с развозом по всему государству и право на это.

Земельные участки разных владельцев назывались *пустошью* (незаселенная земля), *кулигой* (участок, не вошедший в тягловый надел), *запольем*, *повытьем*, *отъезжими пашнями*, *пашенной землей*. Размеры участков определялись *четвертью плуга*, *полуплугом*, *осмаком* (восьмой частью плуга). Мерами количества служили *четверть*, *четь*, *получетверик*, *получетверть*, *полутреть*.

Широко представлена в поручных записях административно-юридическая терминология: *царь*, *стольник*, *воевода*, *пристав*, *голова*, *целовальник*; терминология воинского дела. Здесь и исконно русские слова: *полк*, *стрелец*, *пушкарь*, *затинщик* (воинская профессия, мастер, изготавливающий затинные орудия — длинное старинное крепостное ружье), *обозничий*, — и заимствованные из других языков — *подпрапорщик*, *сержант*, *драгун*, *капрал*, *полковник*, *маеор* (майор), *солдат*. Поручные записи — еще одно свидетельство освоения русским языком XVII столетия этих заимствований.

Группа слов в поручных записях отражает государственные и общественные нормы поведения человека того времени. В ней наиболее полно представлена народно-разговорная речь: «выручили есми у пристава у тулскава пушкаря у Павла Власова вдову Кунавку в том что си за нашею порукою впред ворожбою не ворожит и никаким воровством не вороват».

В значении всего «злого, недоброго» употреблялось слово *дурно*, в смысле «ущерб, вред» — *изгбня*: «или Московского их монастырского подворья какую изгбню строитель безвинно учинит». В значении «вред» выступало также слово *шкота*. К рассмотренным словам в общем плане примыкает *моччание*. Срезневский толкует его как «медленность, задержка». В поручных: «п тому городовому делу учиним какое моччание».

Кражу называли *татбой*, *сносом*, иногда *татиной рухлядью*.

Часто встречаются в поручных записях ныне забытые слова *огурство*, *огурчик*, *огуряться*. «...нам поручником ни в чем не огуряться». В. И. Даль толкует значение этого слова как «отделываться, отнынивать, бегать дела». Отсюда и *огурство*, сравним: «а хто из нас... приходит за своим огурством», и *огурчик* — «праздный шатун, упрямый лентяй, неслух»: «да им же старостам и целовальником огурщика учит». Отметим *убытчить* — «вводить в наклад, в пропачку расходы, напрасные издержки» (В. И. Даль): «И ему Июде за нашею порукою где ни будучи Тихвина монастыря крестьян и посадских людей их убытчить и волочить». Слово *кучить* значило «промышлять вином и пивом». Забытые нами, эти слова широко употреблялись в народно-разговорном языке XVII века, и, соответственно, в той или иной степени отразились в деловых бумагах своего времени.

Поручные записи содержат интересный материал для наблюдения над словарем народно-разговорного языка XVII столетия. С другой стороны, повторяющиеся из документа в документ, предопределенные общей схемой поручной записи, лексико-фразеологические средства дают представление о состоянии русского языка в ту историческую эпоху, когда развитие внутригосударственных связей в значительной степени выражалось в письменном деловом общении, в дальнейшем развитии делопроизводства и в расширении применения правовой документации.

И. Б. ТОКМАЧЕВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *опричина*? Каково его происхождение?»

А. М. Кузина, Москва

Слово *опричина* было образовано с помощью суффикса *-ина* от *опричьныи* — «особый». Оно имеет несколько значений: система чрезвычайных мер, осуществленных царем Иваном Грозным для разгрома боярско-княжеской оппозиции и укрепления самодержавия; часть государственных территорий, находившихся в непосредственном управлении царя и служивших ему опорой в насаждении этих мер; специальные войска этого времени; в древней Руси — земельный надел вдове князя.

Вспомним известные есенинские строки:

Я теперь скупее стал
 в желаньях,
 Жизнь моя? иль ты
 приснилась мне?
 Слово я весенней гулкой
 ранью
 Проскакал на розовом коне.
 «Не жалею, не зову,
 не плачу...»

Лирический настрой этих стихов, пронзительность чувств, высказанных поэтом, противоречат употреблению в них слов со сниженной окраской. И тем не менее народно-разговорное слово *рань* не только не нарушает гармонию стиха, но и приобретает в сочетании с яркими и выразительными эпитетами удивительную поэтичность.

Между тем примерно до середины XIX века слово *рань* еще не было известно литературному языку. Оно отсутствует в Словаре церковнославянского и русского языка Академии наук 1847 года. В то же время *рань* широко употреблялось в народных говорах. Составители Опыта областного великорусского словаря (1852) указывают на употребление слова в Псковской губернии. В. И. Даль также включил его в «Толковый словарь живого великорусского языка» (*Кто в этуку рань встает, и петухи еще не пели!*).

Наличие слова *рань* в народных говорах во второй по-

УТРЕННЯЯ РАНЬ

ловине XIX — начале XX века и довольно широкое распространение его там подтверждается материалами из Московской (*Какую рань встают!*), Владимирской (*Таку рань яблоки зшь!*), Костромской (*Куды ты экую рань пойдешь?!*), Псковской и Смоленской губерний. Несколько позже оно было записано также в Северо-Двинском крае и на Кубани (*Экую рань поднялись!*). Заметим, что записи не очень многочисленны и принадлежат только известным, квалифицированным собирателям и диалектологам, таким, как В. И. Чернышев, И. К. Копаневич, В. А. Водарский, М. Романов и другие. Их немногочисленность объясняется не столько тем, что слово к этому времени вошло в литературный язык, сколько тем, что оно не является названием вещи или предмета (слова такого рода, как правило, редко обращали на себя внимание собирателей-любителей). Кроме слова *рань* в говорах в том же значении «очень раннее утро» известны и другие слова. В словаре Даля отмечены: *ра́нок* (южп.), *ра́нье* (ряз., орл.), *ранина́* (пск.), прилагательные: *ра́нничный*, *ра́нишний* — «утренний», глагол *ране́ть* — «светать, наставать дню» (*Пора вставать, уже ранеет* — пск., твер.).

По материалам Словарной картотеки ИРЯ АН СССР (Ленинград) и показаниям словарей, во второй половине XIX века слово *рань* начинает употребляться в художественной литературе. Оно встречается, как правило, у писателей, обращавшихся к народной жизни и охотно поэтому воспроизводивших народно-разговорную речь (Мельников-Печерский, Помяловский, Н. Успенский, С. Максимов, Мамин-Сибиряк и др.). Обычно *рань* встречается в сочетаниях: *какая, этакая рань*; *в какую, этакую рань* и т. п. со значением «очень раннее утро»: «Эку рань тебя, старую, нелегкая подняла» (С. Максимов. Лесная глушь); «Куда такую рань наклеялся, дорогой деверек? — спрашивал Мыльников, здороваясь (Мамин-Сибиряк. Золото). Самые контексты (обычно это передача речи героев) позволяют предполагать, что слово еще не вполне освободилось от областной окраски. Например, у Н. Успенского в рассказе «Старуха» народно-разговорный контекст, наличие слов, отражающих диалектное произношение (*разя*), подтверждают эту мысль: «— Вот рапо-ранешенько встаю я; слышу, вторые петухи... Хват, Петрушки нет... Разя на задворке? да зачем? незачем бы ему туда: еще рапь какая».

Исключение в этой общей картине представляет употребление слова *рань* в романе И. С. Тургенева «Новь», где оно используется в авторской речи: «По круглым нижним краям протянутых тучек шла с востока бледная алость, и оттуда же тянуло первым холодком утренней рани» (1877). Поэтический строй описания утреннего пейзажа исключает возможность употребления в нем народно-разговорного слова.

Здесь мы встречаемся с явлением, уже подмеченным учеными. Известно, что слова такого словообразовательного типа, как *рань*, охотно используются писателями: с одной стороны, «употребление безаффиксных существительных придает художественному произведению черты разговорности, народности», с другой, — эти существительные облюбованы писателями, так как они «экспрессивно окрашены как поэтизмы» (Лопатин В. В. «Синь, упавшая в реку». — Русская речь, № 3, 1970). Академик В. В. Виноградов, имея в виду этот тип словообразования, сказал, что слова такого рода употребляются «лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы» (Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947).

Думается, что слово *рань* в тургеневском тексте имеет функцию именно слова поэтического. Тем более, что в приведенном тексте оно выступает в паре со словом *алость*, которое использовалось писателями для создания поэтического колорита. Наблюдаем это, например, у Ф. Сологуба: «Вечереющее небо сипело, — разливался над миром синий покой, умиряя розовую алость заревого заката» (Сологуб Ф. Творимая легенда, гл. XXV, т. XVIII, 1914). Или у С. Есенина: «Есть тоска веселая в алостях зари» («Выткался на озере алый свет зари...»). Таким образом, тот поэтический контекст, в котором слово употреблено Тургеневым, снимал с него разговорный оттенок, нейтрализовал его в этом отношении и открывал ему дорогу в литературный язык. Слово *рань* начинает широко употребляться в нем. Однако еще А. Преображенский в Этимологическом словаре русского языка сопровождает *рань* пометой «московское» (1914).

Другим не менее важным фактором, способствующим вхождению слова в литературный язык, является отсутствие литературного слова с тем же значением. Наряду с несколькими словами и словосочетаниями наречного значения, выражающими попятнее «очень рано утром» (спозаранку, спозаранок, раным-рано, раным-ранешенько; чуть свет, чем свет; ни свет, ни заря), имеющими разговорную окраску, в литературном языке отсутствовало существительное с соответствующим значением. Между прочим, вначале в литературном языке употреблялись экспрессивные выражения *в какую, экую рань*, являющиеся синонимичными уже многочисленным паречным выражениям, сочетаниям и словам-парениям. Только позже слово получает более свободную сочетаемость и возможность употребления с широким кругом слов. Главную роль в этом сыграло использование слова писателями и поэтами. Так, в современной русской поэзии встречаем такие сочетания, как *в предутренней рани* (Сурков. Толпы людей без конца и числа), *в предутреннюю рань* (Щипачев. Тебе издалека); *в предрассветную рань* (Светлов. Сон), *по утренней рани* (Сурков. Кубанская ка-

зачья), *зимней ранью* (С. Васильев. Портрет партизана), *по весенней рани* (Замятин. Варшава) и др.

Таким образом, если в говорах это слово было известно, главным образом, в сочетаниях *какая, экая рань, в какую, в экую рань*, то в литературном русском языке оно употребляется не только в разговорных сочетаниях, но и более свободно, в других контекстах, в связи с другими словами, в особенности, в языке поэзии. Подтверждением этому и являются есенинские строки, приведенные в самом начале.

Происходит заметное усвоение литературным языком и народных выражений со словом *рань*: передвижение их в разговорный стиль речи. Все это получает отражение в словарях: если «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1939) слово *рань* сопровождает пометой *просторечное* и указанием на преимущественное употребление его в выражениях *такая (этакая) рань* и т. п., то уже «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949) изменяет стилистическую квалификацию слова на *разговорную*. Такую стилистическую оценку подтверждает и малый академический словарь.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно пишется и произносится 3-е лицо множественного числа от глаголов *курлыкать, мурлыкать, кудахтать?*»

В. Миролюбова, Скрунда

Глагол *курлыкать* и некоторые другие глаголы (например: *кудахтать, мурлыкать, полоскать, плескать*) при спряжении могут образовывать две формы — литературную (*курлычу, курлычет, курлычут; кудахчу, кудахчет, кудахчут; мурлычу, мурлычет, мурлычут; полощу, полощет, полощут; плещу, плещет, плещут*) и разговорно-просторечную (*курлыкают, кудахтают, мурлыкают, полоскают, плескают*). Эти глаголы относятся к первому спряжению, поэтому в окончании 3-го лица множественного числа следует писать и произносить *-ут*.

ГАРМОНИЯ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Народная лирика — одно из самых удивительных явлений словесно-музыкального искусства. Изустная песня волнует нас выразительностью формы, красотой движения интонаций, сочетанием слов и напевных созвучий. Широко известны народные песни: «Выйду ль я на реченьку», «Ой, мороз, мороз», «Вдоль по улице метелица метет», «Ох, черноброва, черноглаза», «Не одна во поле дороженька пролегала», «За горами, за долами» и др. Они донесли до нас живые чувства и мысли народа.

Лирическая народная песня отличается глубиной смысла и неподдельной человечностью. Ее извечные жизненные темы — любовь, разлука, робкие девичьи надежды на счастье, судьба человека. Повествование в ней ведется чаще всего от первого лица. Это усиливает момент сопереживания, придает песне черты особой душевной теплоты и искренности. Тут тайное становится явным, известное, обыденное — поэтически значительным.

В фольклорной лирике воспевается красота простая и одновременно величественная, земная и возвышенная. Все очарование народной песни создается исключительно высокой степенью лиризма ее сюжетной ситуации. И этому служат различные изобразительные приемы и средства: своеобразие построения текста, самобытная лексика и тропы.

Чувство красоты и меры, столь присущее народным певцам, выражено прежде всего в лексике. По словарю изустной песни нетрудно представить себе быт народа, его обычаи и верования, мечты и думы, интересы и связи, окружающую природу с ее лесами, полями, реками, животным миром. И все это многообразное лексическое богатство собрано на основе единого песенного принципа.

В песне слово соединено с напевом. Оно несет в себе не только смысловую нагрузку, но и «творит» мелодию, выступая в качестве структурного материала, из которого рождается музыка; оно — источник ее. Вместе с тем песенное слово не свободно само по себе: характер его, положение в строке и форма обусловлены общим интонационно-музыкальным рисунком текста.

Слово в народной лирической песне находится в постоянном движении, оно растягивается, колеблется и тонет в волнах мелодии. Часто звучит не *река*, а *ре-е-чень-ка-а*, не *трава*, а *тра-а-авуш-ка-а*, не *заросли*, а *по-о-за-ара-ста-а-али-и* (*стежки-дорожки*) и т. д. Такие уменьшительные и ласкательные удлинения в лексике передают настроение человека, отношение его к природе, жизни и тем самым придают песне напевно-музыкальный характер.

Отбор лексики определяется также содержанием изложения. А поскольку протяжная народная песня почти всегда грустна и задумчива, само движение ее интонации исключает обычно из текста всякие короткие, взрывные речения и согласуется с другими — плавными, напевными. Народно-лирическое произведение — это неторопливое, певучее раздумье певца о своей личной судьбе или о судьбе знакомых ему людей, очень схожей с его собственной:

Ах, не одна-то, не одна.

Эх! во поле дороженька, эх, одна пролегал!

Ах, зарастала та дорожка,
Эх! ельничком да березничком, эх, горьким,
частым осинничком!

Ах, что нельзя-то, нельзя,
Эх, к любушке, сударушке, эх, нельзя в гости
ехать молодцу.

Ах, ты прости, прощай,
Эх! мил сердечный друг.

Не одна во поле дороженька пролегалa

Слово в народной песне кажется легким, но не легковесным, изящным, но не манерным; ему всегда свойственны мягкость и теплота: *березонька, соколик, кручинушка, жавороночек, солнышко, зорюшка, касаточка, миленький, родненький* и т. п.

Народные певцы поверяли количество слов в песенной строке музыкальным напевом. Если в нее каким-либо образом попадало лишнее слово или слог, они опускали их при пении, и, наоборот, когда такого слога недоставало в тексте, свободное место заполнялось удлинненными гласными звуками или добавочными частицами: ой, ай, эх, как, ох и т. д. Вставочные частицы и слоги придавали строке черты стройной согласованности и естественности, стих становился легким и соразмерным. Иногда такие частицы занимали целые строки, усиливая эмоциональный склад песни:

Ах! Под сосною, под зеленою
Спать положите вы меня.
Ай, люли, люли, ай, люли, люли,
Спать положите вы меня.

Калинка

В народной лирической песне наблюдается свободное перемещение ударений в словах. Например:

Ты летí, летí, соко́л, высоко́ и далеко́,
И высо́ко и далёко на родиму́ сторону...

Собрание русских народных песен
с их голосами ... Н. Львова и И. Прача,
СПб., 1790

Такое перемещение происходит в результате взаимодействия слова и напева (слово дает мелодию, а мелодия влияет на форму слова), а также по законам звуковой красоты, определяющей благозвучие народной песни. На это явление указывал еще А. Х. Востоков в своем «Опыте о русском стихосложении» (СПб., 1817): «Вольность сия нередко еще благоприятствует непринужденному выражению и языку чувств».

Соотношение красоты и меры учитывается и при построении фразы. Внешне она порой представляется нестрогой, даже несколько рыхлой: тут и различные словесные и речевые повторы, и инверсионное расположение слов, и частое употребление обращений с прикрепленными к ним личными местоимениями и междометиями:

Э-э-эй!

Ох, черноброва, черноглаза,

Ой, черноброва, черноглаза,

Расхорошая была,

Ой, хороша была.

Всего высушила,

Ой, всего высушила.

Э-э-эй!

Ох, без мороза, без пурги

Всего вызнобила,

Ой, всего вызнобила...

Ох, черноброва, черноглаза...

Но рыхлость эта видимая, кажущаяся. Ее можно почувствовать лишь при чтении. Когда же слово соединяется с воющим голосом, всякое впечатление о нестройном изложении темы в народной песне исчезает и складывается другое — с четкой организации песенного синтаксиса. Л. П. Толстой в беседе с А. М. Горьким как-то заметил, что русский человек порою «не знает, что он поет, -- ох, да-ой, да-эй -- а выходит настоящая песня, прямо из души, как у птицы».

Народный стих, органически связанный с интонационной стороной говора, по природе своей очень напевен и живет только в музыке; вне ее он как бы разлагивается. Известный исследователь былин прошлого века А. Ф. Гильфердинг в работе «Онежские былины» высказал мысль о том, что метр стиха русской песни непонятен без пения. «...Словами причетов не скажешь, а в голосе, где что берется; и складнее и жалобнее», — говорили воители (женщины-запевалы в погребальном хоре) Е. В. Барсову (Причитания северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872).

Действительно, «в голосе», то есть в соединении слова с напевной интонацией, становятся естественными все многочисленные образные уточнения, пояснения и повторы, которыми так изобилует народно-песенное предложение. Они просто необходимы в фольклорном лирическом тексте; без них песня не может состояться. И объясняется это тем, что событийная капва ее сама по себе крайне безыскусна. Часто она держится на одном-единственном мотиве, который почти не поддается пересказу.

Возьмем, например широко бытующую песню «Ой, мороз, мороз». Фабула ее весьма проста: лирический герой, удалой и благодушный, мысленно обращается к морозу с просьбой не морозить его, оставить в живых; ведь дома его поджидает ласковая жена-красавица, жена ревнивая. Внешнего события здесь как будто бы нет; оно все в будущем, в воображении певца-извозчика, где-то за строками сюжетной ситуации. А нам думается, что оно уже состоялось и, конечно, закончилось так, как об этом попросил герой песни. Ни условности изложения, ни бедности заключенного в нем содержания в данном случае не ощущается, поскольку текст богат расцвечен образно-психологическими штрихами и подробностями, которые кажутся маловыразительными в языке прозаической речи, но которые обретают чрезвычайную экспрессивность в несенном исполнении:

Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня,
Моего коня,
Моего коня
Белогривого.
У меня жена,
Ой, ревнивая...

Народная лирическая песня является изливанием души поющего. Она насыщена чувствами, эмоциями. Поэтому главную роль в пей играет деталь внутренняя, психологическая, но отнюдь не внешняя, событийная.

Давно уже подмечено, что песенная строка не должна быть перегружена словами. Цель здесь состоит именно в том, чтобы очень лаконично передать взволнованное душевное состояние певца, его самые сокровенные желания и думы. А это возможно лишь в том случае, если слова ложатся в стих точно, образно и непринужденно, не притесняя друг друга и создавая внутри фразы мягкую, лиричную атмосферу.

Подобная стихотворная среда рождается лексико-синтаксическими повторами. С их помощью раскрываются оттенки изображаемого чувства. Слово или фраза, повторяясь, удерживает внимание певца на ведущем мотиве, благодаря чему мотив с нарастанием переходит из строки в строку. Чаще всего в этой связи повторяется слово опорное. Оно постоянно меняется, варьируется, принимает то одну, то другую форму, чутко подлаживаясь под напевный склад народно-песенной речи:

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя!
С кем я ноченьку,
С кем осеннюю,
С кем тоскливую
Коротать буду?

Ноченька

Суть настоящего явления характеризуется тем, что событийная нить в народном лирическом тексте распутывается не сразу. Поющий подступает к теме как бы издалека, раздумчиво задерживаясь на разных образных деталях и нередко повторяя при этом одни и те же слова и фразы. Он ведет себя так, словно стыдливо переживает и радость, и горе, о котором поется в песне. Благодаря этому несложное песенное действие обрывает многочисленными украшающими штрихами, условными обращениями, строфическими припевами, и все содержание его значительно расширяется, становится информационно полным и эмоционально насыщенным. Вот строки из старой русской песни «Ах, вы ветры, ветры буйные», записанной еще в XVIII веке М. Д. Чулковым:

Ах, вы ветры, ветры буйные,
Вы буйны ветры осенние,
Потяните вы с ету сторону,
С ету сторону, со восточную,
Отнесите вы к другу весточку,
Что перадостную весть, печальную.
Как вчор-то мне, младешинке,
Мне мало спалось, много виделось,
Не хорош та мне сон привиделся,
Уж кабы у меня, у младешинки,
На правой руке на мизинчике,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая ярославская,
Подареньица друга милова,
Свет дороднова доброва молодца.

Здесь говорится о беде, которую почувствовала своим чутким сердцем девушка. Но прежде чем сообщить об этом, героиня обращается к ветру буйному, рассказывает ему о себе: она молодая-мо-

лодешенька, у нее красивая русая коса, на руке ее золотой перстень... Эти и другие детали, наращаясь одна к одной, наполняют песню каким-то неизъяснимым грустным обаянием. Эмоциональность приведенных строк настолько велика, что драматизм ситуации на какое-то время как бы приглушается; слушателей завораживает уже не только сама история, а и то, как и какими словами о ней поется.

Эмоционально-образный склад песни формируется тропами. Тропы песенные относятся к числу одних из древних в поэзии. Их краски почерпнуты певцами из мира природы. С помощью тропов внешние предметы и явления введены в круг интересов человека. Они наделены родственными ему чертами, приспособлены к его внутренней жизни. Это создает в песне атмосферу таинственности, привлекательности, усиливает и сгущает ее лирические признаки.

Прекрасное открывается здесь в форме эпитета, наращается добавочными оттенками посредством метафоры и сравнения, делается иносказательно-загадочным благодаря аллегории и символу. И в каждом конкретном случае оно гармонично согласуется с мерой.

Эпитеты пришли в народную лирику преимущественно из нейтрального словаря: *небо синее, дуб высокий, травушка-муравушка зелененькая*. Этими определениями подчеркиваются одновременно и естественность, и возвышенность черт, присущих природным предметам и явлениям. Например, определение в сочетании *небо синее* указывает на характерный цвет неба, но в то же время оно «намекает» в тексте и на светлые моменты жизни: *синее* — значит чистое, ясное, не запятнанное житейской невзгодой настроение героя (в отличие, скажем, от неба темного, предвещающего беду). Эпитеты высокопарные, вычурные, как правило, не встречаются в народной лирической песне: они показались бы здесь неточными, лишними. По-видимому, фольклорные певцы полагали, что только простые определения способны показать мир с неожиданной, художественно значимой стороны: *девица красная, заря-зоришка алая, поле-полюшко чистое*.

Тот же принцип соблюдается и при выборе песенных сравнений и метафор (последние обычно понимаются как скрытые сравнения). Расширение границ прекрасного тут происходит путем прикрепления характерных, природных признаков одного предмета к другому (на основе сходства или контраста их значений). А так как все эти предметы и явления соотносятся с внутренней жизнью человека, то они тесно сближаются с понятием олицетворения, персонификации. Внешним, неодушевленным предметам здесь часто приписываются свойства и действия живых существ:

«все кусточки, все листочки призадумавшись стоят», «рябину кудрявую вода попляла» и др.

Известная условность изложения, которую обыкновенно создают аллегория и символ, также не нарушает общего лексико-синтаксического и образного настроения песенной лирики. Изустная песня и в этом случае сохраняет свои традиционные художественные черты: краткость текста, ясность сюжетной ситуации, чистоту языка, близость темы к народной жизни, к народным запросам и интересам; например:

Отлетела лебедь белая
Что от стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Что ко стаду гусей серых.

Народная лирическая песня — творение высокопоэтическое. В ее образах и мотивах запечатлена живая душа народа, одинаково прекрасная и в радости и в горе своем. Это и находит выражение в той особой стилизованной манере, которая постоянно удерживает песенный мир в извечных границах красоты и меры.

П. И. НЕЖЕНЕЦ

Рисунок С. Гаерлихсой

Без запевалы и песня не поется
Соловья песнями не кормят, сам умсет
петь, а есть хочет
Крой да песни пой: пить станешь,
наплачешься
Хорошо песни петь пообедавши

Когда пир, тогда и песни
Из песни слова не выкинешь, а из
места гостя не высадишь
Вся свадьба песни не стоит
Старая песня на новый лад
Беседа дорогу коротает, песня работу

МНОГИЕ фольклорные выражения являются типичными образчиками разговорной речи. Вот почему писатели охотно и часто вводят их в ткань повествования, чтобы придать ему оттенок естественности и непринужденности. Устойчивое сравнение *тише воды, ниже травы* — не исключение. Вот как употребляют его современные писатели:

«Несколько дней Дарья ходила тише воды, ниже травы, по вечерам раньше всех ложилась спать...» (Шолохов. Тихий Дон); «Другой бы на его месте после такой истории знаешь как повел себя? Тише воды, ниже травы. А этот такая поперечина — за все взыск» (Абрамов. Деревянные кони); «И стань она, Дарья, в положение Симы, живущей в чужой деревне, без родни и защиты, с малолетним влученком на руках — тоже была бы тише воды, ниже травы?» (Распутин. Прощание с Матёрой).

Здесь фразеологизм не подчеркивает фольклорности: она глубоко затушевана естественной «разговорностью» самих ситуаций. Именно разговорно-поговорочный характер этого выражения наводит некоторых исследователей на мысль о том, что речевая неконтролируемая стихия исковеркала его и затемнила исконный смысл. Писатель Б. Н. Тимофеев в книге «Правильно ли мы говорим?» (Л., 1963) весьма категорично зачисляет оборот *тише воды, ниже травы* в разряд «неправильных» речений:

«Так произносят эту поговорку все. В таком виде она нередко попадает в художественную литературу... А между тем подлинная народ-

ТИШЕ
ВОДЫ,
НИЖЕ
ТРАВЫ

ная поговорка звучит несколько иначе: „Тише травы, ниже воды“. Казалось бы, что „от перестановки слагаемых сумма не меняется“. Ан, нет! Язык, повторяю, не математика...

В чем же дело? Разберемся...

Трава — не обязательно низкая. Бывает трава и в рост человека, так что быть „ниже травы“ очень просто. Но и высокая трава издает даже при сильном ветре едва слышный шелест, и поэтому быть „тише травы“ — трудно. (Что трава связана с понятием „тишины“ видно из поговорки-выражения „Слышно, как трава растет“.)

Перейдем к „воде“. Вода — не обязательно тихая: порой небольшой бурливый поток шумит весьма громко. Потому быть „тише воды“ — нетрудно. А вот быть „ниже воды“ — невозможно (не рискуя захлебнуться!).

Вот обо всем этом и говорит мудрая народная поговорка: „Тише травы, ниже воды“, которую почти все произносят неправильно».

Может быть, действительно, современные писатели — даже такие знатоки народного слова, как М. Шолохов, Ф. Абрамов и В. Распутин — неверно, вслед за миллионами своих читателей, употребляют это фольклорное выражение? Ведь логика Б. Н. Тимофеева на первый взгляд кажется убедительной.

Но именно — на первый взгляд. Ибо стоит внимательно вдуматься в эту логику и — главное — обратиться к языковым фактам, как «неправильное» снова делается правильным.

Прежде всего — надо выяснить, встречается ли та форма поговорки, которую Б. Н. Тимофеев считает исконной, в каких-нибудь источниках. В сущности, это проблема не только «формальная», но и хронологическая.

Показательно, что уже в литературе XVIII века этот оборот употребляется именно в привычной нам форме и в том же значении «робкий, скромный, незаметный»: «Девке надо быть тише воды, ниже травы; а есть ли она хоть пикнет передо мною, так я ей виски остучу» (Плавильщиков, Мельник и сбитенщик...).

Выражение *тише воды, ниже травы* активно употреблялось в литературе XIX века: «Отдайте мне только Марфу Васильевну, и я буду тише воды, ниже травы, буду слушаться...» (Гончаров. Обрыв); «В иное время у Марка Данилыча работники — буян на буяне, а теперь от первого до последнего тише воды, ниже травы...» (Мельников-Печерский. На горах). Встречался в этот период и его синтаксический вариант — *ниже травы, тише воды*: «Послушать его — он ниже травы, тише воды. Но в его рассказах то и дело попадаются вещицы, от которых так и хочется подпрыгнуть...» (Тургенев. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского).

Словари русского языка также давно уже фиксируют оборот о воде и траве в привычной для нас форме, причем — с учетом отраженного литературой синтаксического варьирования, но без «правильного» варьанта, за который ратует Б. Н. Тимофеев. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим *Тише воды, ниже травы, Будь ниже травы, тише воды*. Видимо, этот оборот в таком виде существует издревле: на это указывает его наличие в белорусском и украинском языках — белор. *цішэй вады, ніжэй травы*, укр. *ті́хше (тихі́ше) води, ніжче траві* или *ті́хший воді, ніжчий траві*.

Как видим, ни один источник не подтверждает якобы «правильную» исходную форму нашего оборота — «тише травы, ниже воды». Это, видимо, лишь смелая реконструкция писателя, основанная на так называемом «здравом смысле».

Обращение к фольклору показывает алогичность такого здравого смысла. Автор книги «Правильно ли мы говорим?» излишне осовременил мотивировку и форму оборота, не обратив внимания на давно сложившуюся в устном народном творчестве символику воды и травы.

В русском фольклоре вода и трава нередко выступают в «паре». Вот несколько пословиц, в которых они неразрывны: *Зелена трава — не далека (не глубоко) вода; Пока травка подрастет, воды много утечет; Быль — трава, небыль — вода; Быль, что трава, небыль, что вода*.

Вода — трава создают один ритмический рисунок, даже в какой-то мере — по канонам народной поэзии — являются рифмой. Тем не менее, главным связующим звеном здесь оказывается все-таки семантика. Явно «оправданный» характер имеет сопряжение воды и травы в двух последних пословицах: «зеленость» травы в основном зависит от ее близости к водному источнику. Не случайно поговорка с *воды да с травы* на Дону приобрела даже звучание «юридической формулы», не перестав от этого быть элементом устно-поэтического творчества. Подчеркивая свое бескорыстие на службе московскому царю, пишет в книге «Древнерусская литература и фольклор» (Л., 1974) известная исследовательница древнерусской литературы и фольклора В. П. Адрианова-Перетц, «казаки противопоставляют себя московскому боярству и помещному дворянству: те служат „с вотчин и с поместий“, а казаки „ни с вотчин, ни с поместий, с воды да с травы“, т. е. они на необжитых степных пространствах ловят рыбу в реках и пасут скот на никому не принадлежащей „траве“. Иногда эта юридическая формула подается сокращенно, без первой, звучащей укоризной части: „служим за траву и воду“ или „с травы и воды“».

В пословицах трава сопоставляется с былью, а вода — с небылью. Кратко и точно эту символику расшифровывает В. И. Даль в замечаниях за скобкой в своем словаре: *Быль, что трава* (ноги оплетает), *небыль, что вода* (сбегает).

В этом комментарии — и некоторое объяснение смутившего Б. Н. Тимофеева качества травы: она оплетает ноги, а потому — «ниже». Ниже — как правило, хотя, разумеется, травы могут быть и в рост человека. Речь ведь идет не о травах вообще, а о символике, «метричности» травы в фольклоре. А здесь она — именно «ниже», поскольку и оплетает ноги, и приминается конскими копытами, и стелется, когда усталый сказочный герой припадает к матушке-земле. Не случайно даже лист в сказке о Сивке-бурке — вещиц Каурке становится перед травой во весь рост при произнесении традиционного выражения *Стань передо мной, как лист перед травой!* Ср. сиб. *как лист с травой живут* «дружно, в полном согласии». И здесь, хотя трава как будто выступает в роли «повелительницы» листа, он оказывается выше ее по росту. «Низкое положение» травы объясняется и тем, что ее легко — в отличие от деревьев в лесу — гнет и прижимает к земле ветер. Об этом напоминает украинское устойчивое сравнение *гнеться як трава від вітру*, которое характеризует человека, пришибленного невзгодами. На ту же «зависимость» травы от непогоды намекает и старинная русская пословица *Солдатская голова, как под дождичком трава*.

Символическую логику этих выражений, где трава — мерило чего-либо невысокого, необходимо понимать не «вообще», а в сопоставлении травы с лесом, лесным деревом. Это ярко выражено сравнением *как травинка перед лесом* — о ком-либо смирном, тихом, покладистом. Лес в сказках — в противоположность траве — выступает мерой чего-то высокого. С эпитетом *стоячий* (то есть негнувшийся и нестелющийся, подобно траве) слово *лес* входит в другой фольклорный оборот, по структуре полностью соответствующий поговорке о воде и траве — *выше лесу стоячего, ниже облака ходячего*.

Вот одна из типичных сказок об Иване-богатыре, крестьянском сыне, где это сравнение является своего рода «землемерным» термином: «Тогда Иван крестьянский сын... садится на доброго коня и бьет его по крутым бедрам, и тот конь осержается, от земли подымается выше леса стоячего, что пониже облака ходячего, доли и горы между ног пускает, великие реки хвостом устилает, из ушей своих выпускает густой дым, а из ноздрей кидает пламя великое» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева). В русской литературе прошлого века этот фольклорный оборот приобрел и переносное значение — *считать себя превыше облака ходячего*,

выше леса стоячего значило быть запосынным и высокомерным, чрезмерно высоко себя оценивать.

Итак, почему именно трава в нашем выражении стала мерилем «нижнаты», ясно. Теперь остается выяснить, насколько логично сопряжение воды с тихим и кротким нравом. Б. Н. Тимофеев несомненно прав, утверждая, что «вода — не обязательно тихая».

Но фольклорные данные убедительно опровергают этот принцип в тех случаях, когда речь идет о характеристике внешне смирного человека. Вот два восточнославянских сравнения: белор. *ціці, як вада* и укр. *тихий як глибока вода*. Они перекликаются с укр. *тиха вода*, болг. *тиха вода*, сербохорв. *тиха (мирна) вода* «человек, который притворяется кротким, смирным, но в действительности может совершить что-либо плохое».

Все эти славянские выражения — осколок древних, широко распространенных у всех славян пословиц: русск. *Тихая вода берега подмывает*, *Тихие воды глубоки*; укр. *Тиха вода береги ломить, а бистра тамує* (сдерживает), *Тиха вода береги лугає, а бистра йде тій перейде*, *Тихая вода греблю (плотину) рве*; польск. *Cicha woda brzęt podrywa (rwie)*; чеш. *Tichá voda břehy podrývá (ryje, podmilá)*, *prudká před běží*; болг. *Тихата вода бряг рони*, *Тихата вода по-дълбоко копає*; сербохорв. *Тиха вода брег подједа*. Подобные пословицы есть у многих европейских народов: нем. *Stille Wasser sind tief* (Тихие воды глубоки), англ. *Still waters have deep bottoms* (У тихих вод глубокое дно), датск. *Stille vande have dybe grunde* (У тихих вод глубокое дно), франц. *Il n'est pire eau que l'eau qui dort* (Нет хуже той воды, которая спит) и под. Они хорошо отражают символику воды в народном поэтическом творчестве: вода — и тихое, спокойное, безмятежно гладкое зеркало, но в то же время — и глубокая, разрушительная, ослепляющая стихия.

*

Поговорка *тише воды, ниже травы* отражает лишь первое представление о воде. Тем не менее мы видим, что такая символика не только логически оправдана, но и освящена древней фольклорной традицией, прочно связавшей воду с эпитетом *тихий*, а траву — с эпитетом *низкий*. В «правильности» этой связи сомневаться не приходится уже и потому, что ни писатели-классики, ни современные художники слова ее не разрывают, но бережно хранят.

В. М. МОКШЕНКО

В русской народной речи немало слов, имеющих символическое значение. Символами называют предметы или действия, условно обозначающие какие-либо образы, понятия, идеи.

Один из таких символов — ткань и изделия из нее, характеризующиеся ровной, гладкой поверхностью. Так, разостланный холст символизирует дорогу. Не случайно мы до сих пор используем метафорическое словосочетание *полотно дороги*.

Словари дают слову *скатерть* бесстрастное определение «изделие из ткани особой выработки, которым покрывают стол». Но этим прозаическим значением понятие «скатерть» не исчерпывается: в речевом творчестве народа *скатерть* — поэтический символ дороги. Этот символический образ лег в основу поговорки *Дорога что скатерть: садись да кагись!*

Не просто было нашим далеким предкам пускаться в путь-дорогу: труднопроходимые леса, болота, холмы и буераки представляли собой сложные препятствия, особенно зимой и в распутицу.

Не случайно, встретившись на дороге, приветствовали друг друга общепринятыми пожеланиями: *Путь-дорожка!*, *Путем-дорогой!*, *Мир по дороге!* А если человека хотели предупредить, что не следует идти или ехать куда-либо, ему говорили: *Не дорога*,

Не случаен обычай присесть перед дорогой, чтобы передохнуть после непростых и долгих сборов, лишний раз перебрать в воображении трудности предстоящего пути.

И другой обычай: проводить уходящего или отъезжающего словами *скатертью дорога*, пожелав ему этим напутствием счастливого пути, например: «Путь вам чистый, дорога скатертью!» (Мельников-Печерский. В лесах).

Нужно сказать, что в современной речи выражение *скатертью дорога* употребляется и в ироническом смысле «убирайся вон, иди, куда угодно, никто не будет удерживать», например: «— Если вы не согласитесь со мной, я буду вынужден уехать.— Ну и уезжай, скатертью дорога! — заорал он» (Тевселеян. Гранит не плавится); «— Ну, чего ты киснешь? В киноартисты, что ли, собрался? Коли она, эта твоя (знакомая), настоящая, так ее это не испугает, а коли испугает,— значит, дура, и катись она тогда к чертям собачьим. Скатертью дорога, настоящую найдешь,— утешал Мересьев» (Полевой. Повесть о настоящем человеке).

Подобное ироническое переосмысление слов и словосочетаний не является чем-то редким, исключительным: например, в народной речи иронически используется пожелание *Добрый путь*. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит такое речение: «Добрый путь, да к нам больше не будь!»

Скатерть — участница старинного русского предсвадебного обычая: перед тем, как ехать к венцу, невеста тянет скатерть, покрывающую стол. Этот обряд имеет глубокое символическое значение: невеста с помощью описанного магического действия выражает желание, чтобы ее сестры вслед за ней вышли замуж. Следовательно, потянуть скатерть символически означает «потянуть за собой сестер в дорогу», причем, дорога понимается здесь не буквально, а в метафорическом смысле — «путь к замужеству».

А. Н. Афанасьев в работе «Поэтические воззрения славян на природу» приводит облизкое по смыслу обрядовое действие: «...сваха прежде, нежели отправиться на переговоры с родителями невесты, берется за угол стола и сдвигает его с места с таким приговором: «сдвину я столечницу, сдвину я сердечную» (т. е. подвину и невесту к замужеству)».

*

Символом дороги в русском фольклоре выступает также платок. Общеизвестен восходящий к глубокой древности обычай махать кому-либо при расставании платком. Это символический жест, означающий пожелание счастливого пути. Ну, а если платка не окажется, можно просто помахать рукой.

Символическое значение платка отражено также в святочном гаданье: кто вынет платок, тому предстоит дальняя дорога.

Известна старинная примета: кто из молодой четы — жених или невеста — вступит во время венчания прежде на разостланный плат, тот и будет властвовать в доме.

Интересно, что аналогичный обряд сохранился до наших дней. Вот описание брачной церемонии в одном из дворцов бракосочетания на Украине: «Зазвучит свадебный марш, и, следуя нашему украинскому обычаю, жених с невестой вступят на расшитый цветами белоснежный рушник» (Комсомольская правда, 12 янв. 1983).

В этих обрядах платок и рушник — символы символов, то есть символы, получившие дальнейшее переносное отвлеченное значение. Путь развития этой символики таков: платок (или рушник) — дорога — жизненный путь.

В. Н. ВАКУРОВ

Рисунок С. Гавриловой

Ночь как день, дорога что скатерть,
садись да катись!

Одному ехать, и дорога долга

Не бойся дороги, были б кони здоровы

Вешний путь не дорога, а пьяного
речь не беседа

Красна дорога ездоками, а обед

пирогам

Дороги к избе не приставишь

Хорошо в дорожке пирожок с горошком

Слушайся добрых людей, на путь

наведут

Кто мотает, в том пути не бывает

И глазаст, и ротаст, а пути в нем нет

Худой жених сватается, доброму путь
кажет

«Послания» Ивана Грозного (Андрею Курбскому, в Кирилло-Белозерский монастырь, английской королеве Елизавете, польскому королю Стефану Баторию и др.) известны как выдающиеся памятники русской публицистики. Почти все они носят острый полемический характер. В этих письмах русский царь постоянно подчеркивал международное значение русского государства, а также правоту своей антибоярской деятельности. При этом Иван Грозный зачастую переходил от возвышенного стиля к низкому — разговорно-просторечному, широко использовал иронию и даже явную насмешку. Не составляет исключения и послание московского государя литовскому князю Полубенскому, опубликованное в книге «Послания Ивана Грозного» (М. — Л., 1951).

Адресат Грозного Александр Полубенский, литовский князь русского происхождения, не был из числа перебежчиков, хотя был явным противником Грозного уже потому, что состоял в родстве с князем Андреем Курбским, помогал ему в письменных сношениях с Москвой. В частности, Полубенский в грамоте московским служилым людям Шаблякину и Огибалову вымогал от них «тетради», оставленные Курбским в России, угрожая задержать в польско-литовском плену их родственников.

В послании Ивана Грозного к Полубенскому читаем: «...Литовские люди в ту пашу отчину, в Лифляндскую землю, вступившись, тебя учипили тут гетманом. И ты многие неподобные дела поделал еси: не имея храбрства, взял еси искрадом (обманом.— В. Б.) нашия вотчины Пскова пригородок Изборск...»

Этот «пригородок» на самом деле был неприступной крепостью с высоченными каменными стенами, а захватил эту крепость в 1569 году Александр Полубенский «в сопровождении 800 поляков и 3 русских перебежчиков»: подъехал к воротам Изборска и закричал привратнику: «Открывай! Я иду из опричнины». Ворота были немедленно открыты, поляки хозяйничали в Изборске две недели. Случай этот описан и в книге немца-опричника Генриха Штадена «О Москве Ивана Грозного» (Л., 1925).

В послании Полубенскому царь Иван, в частности, писал: «Мы, великий государь... дворянину думному и князю Олександру Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то все дудино племя!)...» А. М. Панченко, известный специалист по древнерусской литературе, автор статьи «„Дудино племя“ в послании Ивана Грозного князю Полубенскому», рассматривая этот фрагмент, соглашается с мнением Я. С. Лурье, который отмечал: «Это место грамоты не совсем понятно. Царь, назвав Полубенского „дудой“... перечисляет, очевидно, дальше названия сходных музыкальных инструментов... „Пищаль“, действительно, представляет собой музыкальный инструмент типа свирели... Другие названия, приводимые царем, в литературе не встречаются» (цит. по изданию: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976).

А. М. Панченко пишет, что «вполне в духе Ивана Грозного было осмеять своего противника, представить его в обличье скомороха». «Однако,— продолжает автор,— не все слова в анализируемом фрагменте можно связать со скоморошеством... „Нефирь“ (или „нефыр“) означает „негодный, непотребный“. По-видимому, Иван Грозный имел в виду не только музыкальные инструменты».

В этом фрагменте из послания Грозного, обращает на себя внимание двойная аналогия между русским словом «нефирь» и арабскими словами «нафир» и «нафир». При этом интересно взглянуть в психологию Ивана IV, в хитросплетения его парадоксального ума. Никто, кроме Грозного-писателя, не мог закончить серьезную грамоту, почти половина которой занята обоснованием прав автора на Лифляндию с привлечением доводов чуть ли не с времён Адама, таким вот посвящением-адресом: «...великого княжества Литовского дворянину доброму князю Олександру Ивановичу Полубенскому, дуде, вицеренту Литовския земли блюдящие рыцарства Ливонсково розганеново старосте Вольмерскому, блазну (дудке,

вице-регенту бродячей Литовской земли и разогнанного Ливонского рыцарства старосте Вольмерскому, шуту)».

Любопытен и факт, установленный А. М. Панченко в уже цитированной статье: оказывается, Грозный, назвав Полубенского бранно *дудою*, *пищалью*, *самарой*, *разладой* и *нефирем* («то все дудино племя!»), вспомнил при этом мирские имена... правнуков московского боярина Ивана Родионовича Квашни, руководившего Коломенским полком на Куликовом поле. Правнуки эти (Василий Дуда Родионович Квашнин, Иван Пищаль Родионович Квашнин и др.) жили за сто лет до рождения Ивана Васильевича Грозного. Известно, что московский владыка был равнодушен к генеалогии, но не вел ли он картотеки прозвищ и мирских имен, которая была бы полезной ему в его многотрудной публицистической деятельности?

Действительно, вроде бы не к месту вспомнил Грозный давно умерших Квашниных, обозвав с помощью их имен не имевшего к ним никакого отношения Полубенского. Ан, нет! Было, оказывается, отношение, поскольку некоторые из потомков Квашниных («дудино племя») бежали от Грозного за рубеж, в Швецию и Литву, и, возможно, помогали князю Полубенскому захватить Изборск. А возможность так легко превращалась в действительность в глазах неуравновешенного правителя.

И все же — что такое *нефирь*? Смысл этого слова наверняка был известен Грозному. Однако в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского этого слова нет. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово отмечено в форме *нефырь* «негодный, непотребный». Удивительно, но такое слово и сейчас живет в арабском языке (в форме *nāfir*, с ударением тоже на первом слоге) и означает оно «дурной, скверный, мерзкий; злой, зловредный; отвратительный (о запахе)». Можно было бы пройти и мимо этой аналогии, счесть ее за случайность. Но, во-первых, почему бы этому арабскому слову не проникнуть через тюркское посредство в разговорный русский язык XVI века? «Турецко-русский словарь» (М., 1977) при слове *nafir* (с пометой: заимствовано из арабского) отмечает значения «трус; пугливый; брезгливый», соотносимые в чем-то со значениями «дурной, мерзкий».

Во-вторых, в послании Грозного слово это (с отрицательным оттенком, судя по ругательному смыслу письма) имеет и другое значение — какой-то музыкальный инструмент. Скорее всего, это *труба*, поскольку с арабским корнем *нфр* связано слово *нафър* — с ударением на втором слоге, которое означало и означает: «горн; сигнальный рог; труба, в которую дуют». *Нафър* употребляется также в значении «сигнал тревоги, сбора для битвы», ибо звук

нафйра-трубы резок и пугающ, то есть неприятен, что вполне согласуется со значением корня *нфр*; один из глаголов от этого корня (*анфара*) означает «пугать, испугивать». Слово *нафйр* могло проникнуть в русский язык, как и слово *нафйр*, через посредство турецкого языка. В указанном турецко-русском словаре гурецкий арабизм *nefir* имеет и значение «труба». Такие же значения слова *nefir* отмечены и в толковом словаре старых османских слов («Османлыдыка тюркче сёзлюк»), перензданном в Анкаре в 1971 году. Проникнуть в русский язык оба значения слова могли через речь бродяг-скоморохов.

Почему не сохранилось слово *нефйр* в значении «труба»? Возможно, потому, что слово «сгорело» вместе с реальией — музыкальным инструментом. Ведь во время гоений на скоморохов после Смутного времени «дуды и пищали» на телегах свозили за Москву-реку и там сжигали.

Ну, а стоит ли вспоминать без следа сгоревшее слово? Думаю, что в истории языка должны отмечаться факты, когда уходит из употребления не слова-однозначки, но широко распространенные слова. Ведь слово *нефй(ы)рь* в значении «негодник» было живым с эпохи Грозного до времен Дали (возможно, оно и сейчас живет в каком-то говоре?). Что касается *нефйр* в значении «труба», то Грозный, применив его в послании к ливонцу русским происхождением Полубелскому, подтвердил тем самым широкую известность слова в XVI веке не только в народе, среди скоморохов, но и среди правящего сословия, раз оно могло использоваться в качестве прозвища.

В. М. БОРИСОВ
Рисунк Б. Захарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как пужно рассматривать в предложении сочетание слов *как ни говори*?»

Ю. А. Дьякова, Волоколамск

Устойчивое сочетание *как ни говори* в значении «не смотря ни на что», «вопреки ожиданиям» в предложении выступает в значении вводного слова и на письме выделяется запятыми: *В клубе, как ни говори, было очень интересно.*

Выражение *Шемякин суд* употребляется в значении «несправедливый, продажный». Разные авторы сообщают, что оно связано с русской сатирической повестью XVII века «Суд Шемякин». В основе повести лежит сюжет о судебной тяжбе двух братьев. Повесть обличает неправый суд, рассказывая о судье-взяточнике по прозвищу Шемяка.

Начиная с Н. М. Карамзина, образ неправедного судьи Шемяки возводится как к прототипу к галицкому князю Дмитрию Шемяке (1420—1453), который вел борьбу за московский престол с великим князем Василием. Из этого следует, что выражение *Шемякин суд* непосредственно восходит к деятельности Дмитрия Шемяки. Н. М. Карамзин в «Истории государства российского» характеризует Шемяку следующим образом: «Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность Москвитян к Василию, и в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о *суде Шемякине...*». Далее следует ссылка на известный в русском летописании «Хронограф» (XVI век), в котором записано: «отъ сего убо времени въ Велицѣй Руси на всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ».

Как пример беззаконных (в глазах современников) действий Дмитрия Шемяки укажем на следующий эпизод: захватив город Устюг, Шемяка «привел добрых людей к присяге, кто же из них не хотел изменить великому князю Василию, тех бросал в реку

Сухону, навязавши камень на шею» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен).

Что же касается повести о Шемякине суде, то в ней литературный герой судья Шемяка представлен как хитрый обманщик, способный повернуть дело в любую сторону, исходя из своей выгоды. Однако судья Шемяка просто нечестный человек, жизни он (в отличие от князя) никого не лишал. Почему же в таком случае судья из повести назван *Шемякой*? И что означает слово *шемяка*?

Исходя, по-видимому, из того, что князь Дмитрий Шемяка привязывал людям камень на шею, некоторые исследователи (например, М. Benson) предлагают такую этимологию: *Шемяка* — это тот, кто мнет шею (другому).

Параллелей с подобным толкованием к слову *шемяка* очень мало. Известны *кожемяка*, *рожемяка*. А обильны отглагольные существительные типа *кусака*, *гуляка*. В этих словах суффикс один. Разное же его написание зависит от мягкости или твердости предшествующего согласного (после мягкого — *яка*, после твердого — *ака*). К этому ряду слов относятся: *войка*, *забияка*, *кривляка*, *зевака*, *ломака*, *марака*, *писака* и другие. Возможно, что сюда относятся и *шемяка*. Все эти слова имеют отрицательный оттенок.

*

Шемяка обычное в XV—XVII веках имя и прозвище. Например, известны: Тимофей Шемяка Григорьев сын; Шемяка, холоп; Василий Шемяка, сын владельца солеварни; Шемяка Сысуев, крестьянин; Шемяка Захарьев, боярский сын (см.: Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского Археологического общества, т. VI, СПб., 1903). Известны также: Долгово-Сабуров Иван Шемяка, городской приказчик; князь Александр Андреевич Шаховской Шемяка; князь Дмитрий Давыдович Гагарин Шемяка; Бохов Шемяка (см.: Веселовский С. Б. Ономастикон). Люди эти (от холопов до князей) к князю Дмитрию Галицкому отношения не имели. Галицкий князь Дмитрий Шемяка не является родоначальником широко распространенного в те времена имени *Шемяка*. Князь Дмитрий сам получил свое прозвище *Шемяка* и является родоначальником лишь своих потомков, которые прозывались *Шемячичи* (например, сын Дмитрия — Иван Шемячич).

Как видим, фамилия *Шемякин* может и не иметь отношения ни к князю Дмитрию Шемяке, ни к словам *мать шею*.

Князь Дмитрий Галицкий известен в русской истории главным образом тем, что безосновательно претендовал на московский

престол, возглавил разорительную и отвратительную в глазах современников смуту, названную *Шемякиной смутой*. В ходе этой смуты он проявил жестокость, лицемерие, коварство. Н. М. Карамзин писал: «Сей лицемер плакал будто от умиления»; «сие вероломство изумило бояр»; «Шемяка не переставал коварствовать...»

Много договоров пришлось заключить московскому князю Василию с галицкими князьями. «Когда... Шемяка... нарушил свой договор с Василием, последний отдал дело на суд духовенства. Духовный собор... обратился к нарушителю договора с грозным посланием... Галицкие князья встречены были в Москве, как чужие и как похитители чужого, ...окруженные недоверием и недоброжелательством» (Ключевский В. О. Курс русской истории).

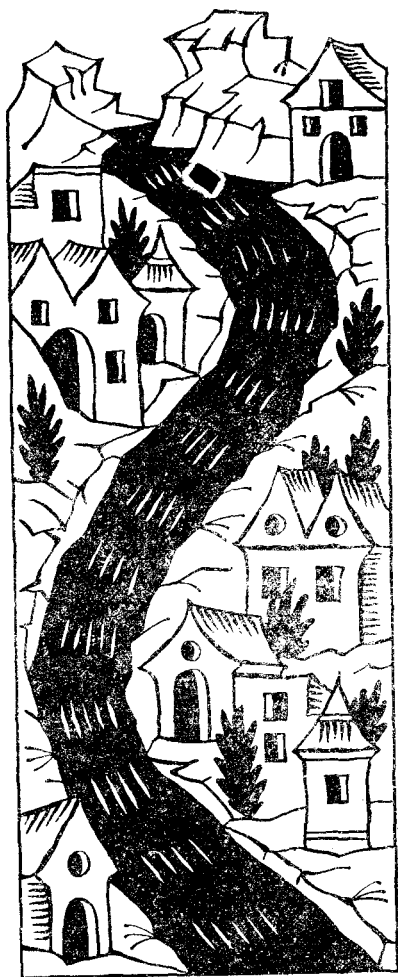
Таким образом, князь Димитрий Галицкий предстал перед современниками как вызывающий отвращение разоритель Руси, коварный и нечестный в отношениях с московским князем. В этой связи вспомним глагол *шамить* «загрязнять, разорять» от существительного *шам* «сор, дрянь» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). Отглагольным существительным от *шамить* будет *шамьяка*, *шемяка*. Переход звука *а* в *е* закономерен так же, как в словах *шалопай-шелопай*, *шалопут-шелопут*, как в имени *Шаршава-Шершава*. Колебание *а* — *е* в рассматриваемых словах связано с безударностью гласных.

Таким образом, слово *шамьяка* / *шемяка* представляется как обозначение того, кто «загрязняет, дрянит, пакостит, разоряет, плутует, обманывает». Таким и был князь Димитрий Шемяка. Литературный судья Шемяка не разоритель — он плут. И этого достаточно для его «родства» с князем Шемякой и его прозвищем. Судья назван Шемякой в соответствии с характером его «деятельности» и, видимо, по традиции (с XV века), согласно которой *Шемякой* называли всякого нечестного судью.

И последнее. Слово *плут* имеет еще одно значение — «хитрец, лукавец». По-видимому, именно в этом смягченном варианте применялось прозвище и имя *Шемяка* к многочисленным (от холопов до князей) русским людям XV—XVII веков, не вызывая их протеста. Впоследствии это слово было забыто, и в настоящее время прозвище *Шемяка* оставило по себе память лишь в фамилиях *Шемякин*, *Шамякин*...

В. В. МИРОТВОРЦЕВ

Рисунок С. Гавриловой

Грехов ручей

В нескольких километрах на юго-запад от Углича расположена живописная лесная местность, по которой протекает Грехов ручей, впадающий в Волгу. Эта территория полюбилась человеку с глубокой древности. В первые века нашей эры здесь проживали меряне, в начале II тысячелетия на побережье Грехова ручья пришли славяне. Наиболее древние их памятники здесь — захоронения раннехристианского типа на курганном кладбище и следы жилищ. С незапамятных времен до конца XIX века около Грехова ручья устраивались так называемые *русавы* — девичьи увеселения, традициями связанные с язычеством. Неудивительно поэтому, что местность возле Грехова ручья овеяна разными легендами.

По одной из них, у Грехова ручья близ дороги из Углича в Колязин монастырь таились разбойники, грабившие проезжих, за что ручей якобы и получил свое название. Скорее всего, в основе этой легенды лежит факт разграбления Углича и его окрестностей польско-литовскими интервентами в начале XVII века.

Другая легенда связана с «убиением» в Угличе в 1591 году последнего сына Ивана Грозного — царевича Дмитрия. Как известно, этот малолетний царевич с матерью и ее родственниками, боярами Нагими,

при царе Федоре по настоянию его шурина Бориса Годунова был сослан в Углич и, по одной из версий, здесь зарезан приспешниками Годунова. Легенда повествует, что, когда убийцы царевича Битяговский, Волохов, Качалов и Третьяков, сделав свое черное дело, помчались на лошадях прочь из Углича — к Москве, то возле Грехова ручья, тогда Греховым еще не называвшегося, внезапно ослепли и были настигнуты и уничтожены угличанами. За грех убийства царевича Дмитрия и за грех самовольной расправы угличан над беглецами ручей якобы и стали именовать *Греховым*. Это предание даже отражено в виде фрески на одной из стен построенной в XVII веке угличской церкви царевича Дмитрия «на крови», хотя находится в противоречии с материалами следственного дела о гибели царевича Дмитрия. Судя по показаниям разных лиц, имеющимся в этом деле, все явные приспешники Бориса Годунова были убиты разгневанной толпой не у Грехова ручья, а в угличском кремле. Тем не менее искаженное отражение реальных событий в легенде предполагать можно. Не исключено, что какие-то агенты Бориса Годунова из москвичей, плохо знавшие углические окрестности, вскопав на лошадях, помчались из Углича в Москву с донесением, но заблудились и были пойманы. Дело в том, что в XVI веке из угличского кремля в Москву ездили по Нереславской или Сулоцкой дороге, а неместный человек вполне мог по ошибке взять смежное направление.

Однако как ни занимательны изложенные легенды, они название Грехова ручья объясняют неправильно.

Во-первых, существовавший в XV—XVII веках за Греховым ручьем Никольский монастырь назван Грехозаручным уже в грамоте великого князя Василия Ивановича угличскому Покровскому монастырю 1534 года (Княжне и царские грамоты Ярославской губернии. Ярославль. 1881). *Грехозаручный* — упрощенное прилагательного *Грехозаручейный*, а оно — производное от *Грехов за ручьем*. Значит, можно предполагать, что наименование *Грехов ручей* существовало задолго до «убийства» царевича Дмитрия в 1591 году. Во-вторых, в еще более ранней грамоте (вторая половина XV века) угличского князя Андрея угличскому Покровскому монастырю одна из позднее исчезнувших деревень возле упомянутого Никольского монастыря называется *Грехово* (Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси. М., 1964). Это допускает догадку, что наименование Грехова ручья как-то связано с деревней Грехово и возникло до XVI века, то есть вовсе не по тем причинам, на которые указывают легенды. В-третьих, если в соответствии с ними считать, что Грехов ручей стали звать *Греховым* за грехи, совершенные возле него, то лингвистически необъяснимо, как при этом возникло наименование *Грехов*.

Ведь оно,— скорее всего, притяжательное прилагательное от собственного имени человека *Грех*. Это имя и подобные ему *Брех*, *Грибан*, *Зверь*, *Крик*, *Морозко*, *Сипяга* и т. п. были обычны на Руси до второй половины XVII века (см.: Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974).

В таком случае можно допустить, что *Грехов* указывает на то, что местность по течению Грехова ручья когда-то принадлежала кому-то по имени Грех. И это вполне согласуется с тем, что одна из деревень XV века возле Грехова ручья именовалась *Грехово*. Согласуется это и с тем, что некоторые другие ручьи, впадающие в Волгу в Угличе или около него, явно названы притяжательными прилагательными: *Игорев ручей* (возле деревни Баскачи), *Селиванов ручей* (от искаженного *Сильван*, возле бывшей слободы Рыбаки), *Попрошаев ручей* (у села Прилуки), *Титов ручей* (там же).

Н. Д. РУСИНОВ

Горький

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает выражение *голова садовая*?»

А. Валеев, Саратов

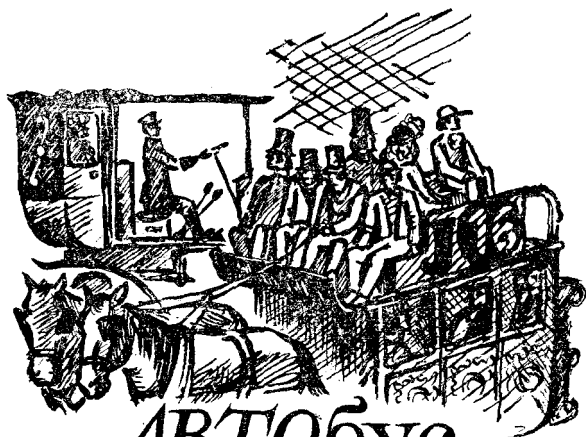
Голова садовая — просторечное выражение, говорится о несообразительном, нерасторопном, неловком человеке, о разине.

«Что означает выражение *белены объелся*?»

С. Н. Сухарева, Ленинград

Просторечное выражение *белены объелся* означает «обезумел, безумствует» и связано с симптомами отравления беленой.

АВТОБУС и его родственники

Первые платные общественные пассажирские экипажи, проезжавшие в определенное время по постоянному маршруту, появились в Париже в третьей четверти XVII века. Они назывались *carrosses a sing sous* — «кареты за пять су». В начале XIX века подобные кареты получили распространение во многих странах Европы, за ними закрепилось название *voiture de diligence*, *carrosse de diligence* «скорый экипаж». Впоследствии первое слово отпало и сохранилось только *дилижанс*, вошедшее во многие языки.

С такими экипажами русские познакомились во время заграничных походов 1813—1814 годов. Один из офицеров, побывавший тогда в Париже, писал в 1819 году: «Для поездки же в дальнейшие места (т. е. за пределы ближайших пригородов Парижа.— А. Ш.) установлены Дилижансы (*Diligences*), почтовые кареты или коляски».

Первый русский дилижанс отправился из Петербурга в Москву 1 сентября 1820 года. О поездке в таком экипаже Пушкин писал жене 8 декабря 1831 года: «Собирался я выехать в зимнем дилижансе...». В письме к жене от 22 сентября 1832 года Пушкин использовал и другое французское название «поспешного дилижанса» — *велосифер* (*velocifere*) «скоровоз».

В России слово *дилижанс* было на короткое время перенесено и на первые пассажирские пароходы, совершавшие регулярные рейсы: «...встретили идущую из Франкфурта водяную дилижансу» (Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники). Применительно к междугороднему средству сообщения дилижансы дожили, несмотря на широкое развитие железных дорог, до первой мировой войны: в 1913 году, например, дилижанс еще курсировал между Житомиром и Киевом.

В 1820-х годах городские пассажирские экипажи получили новое название — *омнибус* (во французском языке зафиксировано с 1828 года; в русском с 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка). Грамматически *омнибус* — это дательный падеж множественного числа определительного латинского местоимения *omnis* — весь. *Voiture omnibus* означает «экипаж для всех», «всеобщий» (так же, как в случае с дилижансом, первое слово *voiture* для краткости было отброшено).

П. П. Свиньин, много поездивший по городам Северной Америки, писал в 1814—1815 годах об общественных экипажах: «Города содержат между собою беспрестанное сообщение помощью *все-народных карет*» (Опыт живописного путешествия по Северной Америке). По существу автор говорит об омнибусах, но дает это словосочетание в переводе на русский язык. Одним из первых русских писателей, кто писал об омнибусах, был А. И. Тургенев: «Журнал „Фигаро“ предлагает нынешним тринадцати кандидатам нанять для сих разъездов один омнибус...»

Социальная сущность этого вида городского транспорта в России отражена во многих произведениях:

Омнибус,
Как арбуз,
Весь набит до верха...

Мятлев.
Петергофский праздник, 1841

...Гвардейца-молодца мчит узкая пролетка,
Линейку подает желающим лихач,
Плетется омнибус на паре тощих клыч.

Вейнберг.
Печально я брожу по Невскому
проспекту..., 1858

Не случайно в народе городские омнибусы назывались *собачьими лазаретами*.

Конные омнибусы с развитием крупных капиталистических городов получили широкое распространение и просуществовали до начала XX века, когда они начали вытесняться новым транспорт-

ным средством — автомобилем. Сначала в омнибусы «запрягали» механическую тягу, например локомотивы, а с развитием автомобиля появилась возможность и омнибус сделать самоходным, снабдив его мотором.

На основе *АВТО*мобиля и *омниБУСА* было образовано новое название пассажирского транспорта — *автоб́ус* (в первое время ударение, как и в слове *омниб́ус*, падало па второй слог). *Auto* — греческий префикс «сам», а «-bus» — часть латинского падежного окончания, не имеющая смыслового значения. Во французском языке слово *автобус* (*autobus*) впервые зафиксировано под 1907 годом, хотя предложено оно было раньше: «Уже в 1902 г. вопрос тяги па омнибусах был поставлен на очередь. (Ж. Обер) вошел с запросом в муниципалитет о предоставлении ему права эксплуатировать в Париже несколько линий при помощи автомобильных омнибусов, названных им автобусами», — писал журнал «Мотор» в 1914 году.

Наряду с *автобус*, которое быстро стало интернациональным словом, в некоторых языках существуют его характерные синонимы: нем. — *Kraftomnibus* (механический омнибус), италянск. — *autoomnibus* (автоомнибус). В английском языке сохранилась в качестве названия автобуса лишь вторая половина слова *omnibus* — *bus*. В. Маяковский часто употреблял этот англинизм «для колорита» в своих произведениях об Америке:

...в авто,
обгоняя «бусы»,
ко дворцам
неслись бриллиантицы.

Порядочный гражданин, 1923

В русском языке первые самоходные пассажирские экипажи носили двойное название: *омнибус-автомобиль*, *омнибус-мотор*, *автомобильный омнибус*: «В Берлине впервые стал курсировать... автомобиль-омнибус для доставки пассажиров с вокзалов в одну из лучших гостиниц» (Циклист, 1899, № 50); «Во Франции... пассажирское движение омнибусов-автомобилей практикуется в гораздо больших размерах, чем в Англии» (Автомобиль, 1904, № 21). В просторечии же еще долго бытовало привычное название — *омнибус*. Летом 1908 года Л. Д. Блок сообщила мужу: «...по дороге двое грузин напали на омнибус и убили чиновника». В 1924 году Маяковский писал: «Из омнибуса вразвалку сошел...» (Тамара и Демон). Дожило это слово и до наших дней: «Одна западногерманская фирма разработала омнибус, вмещающий 378 пассажиров с багажом» (Неделя, 1980, № 45).

В России в широкий языковой оборот слово *автобус* стало входить с 1907 года, когда был открыт первый в стране пассажирский автомобильный маршрут. «Петербургский листок» (12 ноября 1907 года) писал: «К двенадцати часам дня к Александровскому саду, против Вознесенского проспекта, приехал автомобиль-омнибус или, как их теперь называют, автобус». И далее, описывая открытие маршрута, автор с явным удовольствием использует только новое слово: «Около стоянки автобуса толпилась масса публики, жаждавшей попасть в него... Появление автобуса на улице возбудило большой интерес, и масса проходившей публики останавливалась на тротуаре и с любопытством провожала автобус».

Об автобусах в 1910-е годы писали журналы «Автомобиль» и «Мотор».

В те же годы *автобус* «вошел» и в художественную литературу. О нем писал в 1913 году А. Н. Толстой: «...мимо сетчатых радиаторов дрожащих от напряжения автобусов сновали двухколесные тачки и велосипеды». Несколько позже — В. Я. Брюсов:

Толпа, экипажи,

Трамваи, авто, автобусы и санки...

И голые юноши стынут над лентой Фонтанки.

Вторая симфония, 1915

Вторая основа слова *автобус*, опорный компонент *-бус*, в настоящее время является довольно продуктивной. Теперь *-бус* встречается не только в названиях видов общественного транспорта. Значение этой основы стало шире: *-бус* — это вообще фургон, емкость для перевозки чего-либо, например: *библиобус* — «Огромной популярностью пользуются автобиблиотеки — библиобусы» (Правда, 1972, 6 окт.).

Признаком для образования *-бусов* является тип двигателя: ветряной — «В принципе ничего невозможного в создании *ветробусов*, ветромобилей и ветропоездов нет» (Изобретатель и рационализатор, 1978, № 8); гироскопический (с использованием энергии маховика) — «В конце 40-х годов в Швейцарии фирма «Эрликон» построила... *гиробус*...» (Изобретатель и рационализатор, 1972, № 4); паровой — «...главное достоинство *паробуса* состояло... в том, что он практически не давал вредных выбросов»; ракетный — для доставки пассажиров с Земли в космические колонии будет применяться «небольшой пассажирский *ракетобус*» (Техника-молодежи, 1979, № 11).

Самым старым в этом ряду следует считать название, связанное с применением электрического двигателя, — *электробус* (франц. *electrobus*, 1923 г.): «Особое внимание уделяется электробусам и троллейбусам..., получившим довольно широкое распространение в

Англии, Франции, Германии и других странах» (Коммунальное дело, 1931, № 8). В 1930-е годы видовой термин *электробус* (электрический автобус) в свою очередь дал производные: *аккубус* и *троллейбус*, подчеркивающие способ получения электропитания.

Сегодня электроэнергию для питания двигателя автомобиля можно получать от аккумуляторов или от солнечных батарей. Это возможно в результате химической реакции соединения водорода и кислорода. На данном принципе уже работают электромобили, получившие несколько необычное название: «...такую мысль вызывает знакомство с первым *водородным электробусом*, появившимся в эти весенние дни на улицах столицы» (Правда, 1982, 16 апр.).

Специализация пассажирских экипажей также дала повод для создания новых названий. Крупный пассажирский самолет, воздушный автобус, получил название *аэробус* (франц. *aerobus*): «Широкая эксплуатация аэробусов и самолетов-гигантов начнется не раньше второй половины или конца семидесятых годов» (Книжное обозрение, 1978, 18 авг.). Сегодня советский воздушный корабль-аэробус ИЛ-86 уже совершает регулярные рейсы.

Аэробусами называют ныне не только воздушные лайнеры, но и вагонетки канатной дороги: «С апреля 1975 года в Манштейме работает канатная дорога., по которой курсируют со скоростью 40 километров в час восемь аэробусов» (Наука и жизнь, 1976, № 1). В свою очередь слово *аэробус* послужило основанием для образования новых названий летающих пассажирских аппаратов будущего: *астробус* — межпланетный автобус и *космобус* — космический автобус (Комсомольская правда, 1967, 18 июня).

Можно назвать и ряд других *-бусов*, относящихся к разряду окказионализмов: *северобус* (для перевозки рабочих в условиях Крайнего Севера), *трамбус* (автобус вагонного типа), *сатиробус* (сатирический раздел в журнале «Крокодил») и др. О высокой продуктивности и распространенности этой модели свидетельствует такой факт. Несколько лет назад в частном разговоре мне довелось услышать слово *метробус*. Заинтересовавшись неологизмом, я попросил назвать источник. Оказалось, что это трансформированный в разговорной речи «подземный электробус» — вагон метро на пневмоколесах от городских автобусов.

В современных словарях зафиксированы единичные случаи наиболее распространенных *-бусов*. Время безусловно внесет свою поправку в труды лексикографов.

А. Н. ШУСТОВ

Рисунок Б. Комарова

О глаголе ЗНАТЬ и частице ЗНАЙ

И. К. Мызенкова (Свердловск) интересуется: «Связаны ли между собой глагол *знать* и частица *знай*, выступающая в таких сочетаниях, как *знай пишет, знай читает* и т. п.».

Знай в русском языке употребляется прежде всего как форма повелительного наклонения от глагола *знать*. Например: «Я не увижусь пред тобою; Ни твой привет, ни твой укор Не властны над моей душой. *Знай*: мы чужие с этих пор» (Лермонтов. К*); «*Знай*, этот пламень с юных дней. Таяся, жил в груди моей...» (Мцыри).

Эта форма также часто встречается в составе фразеологизмов, в пословицах, поговорках, крылатых выражениях: *знай свое место; знай наших; так и знай* (ср. *запомни*); *знай край, да не падай; знай всяк сверчок свой шесток* и т. п.

В диалектной речи *знай* употребляется и как личная форма настоящего («Далечо ли вы пошли?» — спрашивает бабка. — «Я, бабушко, и сам куды *не знай*»), из чего следует, что частица *знай* морфологически может возводиться не только к форме повелительного, но и изъявительного наклонения (ср. связь между формой настоящего *чай* в составе фразеологического выражения *я чай* — из *я чаю* «думаю, предполагаю» — и частицей *чай* «ведь, все-таки»).

В отмеченном употреблении, однако, несмотря на то, что речь идет о его относительном многообразии, значения, свойственные глаголу *знать*, в целом не видоизменяются.

Значение *знай* как частицы существенно отличается от отмечаемых в словарях значений глагола *знать*, оно не связано ни с одним из них. Частица *знай* указывает на то, что действие продолжается осуществляться, несмотря на наличие каких-либо помех, противоположных процессов, препятствующих обстоятельствам.

Так, предложение *А он знай убегает* мы поймем как обозначение того, что бегущий не останавливается, продолжает убегать, несмотря на то, что ему, может быть, кричали «Стой! Подожди!» или же, несмотря на то, что в данной ситуации бежать уже не имело смысла.

Были ли когда-либо связаны между собой значения глагола и указанное значение частицы?

Ответ на этот вопрос проще всего было бы поискать в этимологических словарях русского языка, однако они не отмечают каких-либо особых значений глагола *знать*, с которыми можно было бы связывать значение частицы *знай*.

Смысловую связь между частицей *знай* и глаголом *знать* мы можем попытаться объяснить и без непосредственной помощи этимологии — на основе анализа значений, употребления и сочетаемости других, в каком-либо отношении сходных с обсуждаемыми глаголов и частиц.

Возможности объяснения этой связи значительно расширятся, если мы обратимся к данным не только русского, но и некоторых других языков. В русском языке, как и в других языках, глагол *знать* относится к группе глаголов, обозначающих результат мыслительной (духовной) деятельности человека или приобретение знаний в процессе такой деятельности.

Лингвистами давно замечено: значения, связанные с характеристикой процессов из области духовной деятельности человека, возникают обычно путем переосмысления значений слов, используемых для обозначения конкретных физических действий.

Не следует поэтому удивляться морфологическому сходству и «родству» значений в русском языке таких слов, как *понимать* и *поймать*, во французском — *prendre* — «брать, взять» и *comprendre* — «понимать», в немецком — *greifen* — «взять, схватить, поймать; браться, взяться за что-либо» и *begreifen* — «понимать» и т. д.

Отмеченные значения довольно часто совмещаются в одном слове. Например, латинский глагол *comprēhendēre* имеет значения и «схватить, поймать, держать», и «понимать, постигать».

Глаголы *принимать*, *спитывать*, *улавливать*, *ухватывать*, *ловить*, *хватать*, *схватывать* (на лету) также, кроме того, что назы-

вают конкретные физические процессы, выражают значение «приобретать знания путем восприятия чего-либо органами чувств и разумом» (см.: Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981).

Итак, есть основания полагать: в основе современных значений глагола *знать* также лежит обозначение какого-либо конкретного процесса. Поскольку частица *знай* связана с характеристикой действия, протекающего на глазах у говорящего (т. е. конкретного действия), в ее употреблении может быть как-то отражено это прежнее значение.

Иными словами, можно думать, что современные значения глагола *знать* возникли на основе примерно тех же значений, к которым восходит значение близко стоящего к нему глагола *понимать* («взять, брать», «хватать» и др.). К тому же соотношение глагола *знать* с частицей *знай*, по-видимому, не случайно напоминает соотношение сходной с ней по употреблению приглагольной частицы *возьми* (а он *возьми и скажи*) и глагола *взять*, с конкретным содержанием которого (или его синонимов) в русском и других языках связано значение глагола *понимать*.

Интересно, что в исторических словарях русского языка глагол *знать* зафиксирован в значениях, которые подтверждают предполагаемую его очень близкую смысловую связь с глаголами видовой пары *понять* — *понимать* или каким-либо из их синонимов. Например, в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. 1) читаем: «Имѣ же нѣсть знати [не понять, не определить] соуществу различьства, ни сана»; «От множества праха не знати [не отличить, не распознать] ни конника, ни пѣшцы»; «И есть мѣсто то *знать* [различить] на камени том и до днешняго дни»; «Тѣ так и *знают* [понимают и, или исполняют] свою службу, в которую кто уряжен»; «Про все тѣ люди *знают* [признают, понимают] (ср. диал.-просторечное *понимать старших* — «слушаться, уважать старших») архимандрита...»

Заметим, что глагол *знать*, в отличие от глагола *понимать*, обозначает не процесс получения знания, а только постоянный его результат. Поэтому первичным «конкретно-физическим» своим значением он имел, очевидно, не значение «хватать, брать», а значение «держатъ, удерживать, не отпускать» или «держаться, удерживаться», — вероятно, с добавочным оттенком уступительности: «удерживать или удерживаться, несмотря на что-либо». Сравним у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове»: «Ш уй с к и й: ...Об этом обо всем Мы помолчим до времени. Пуш к и н: Вестимо, *Знай про себя*». Здесь *знай про себя* можно сопоставить с выражениями *держи про себя (при себе)*; *держи в тайне*; *сдерживайся, не говори никому*; *воздержись от разглашения*.

Глагольное слово, превращаясь в частицу или во вспомогательный глагол и вступая в довольно разнообразные сочетания с другими словами, утрачивает знаменательную часть своего значения и начинает выражать только самый общий смысл, заключенный в содержании этого слова.

Так, частица *давай*, хотя и не отошла по смыслу от глагола *давать*, во фразах *давай неси*, *давай поднимай* выражает только значение побудительности. Соответственно, глагол *взяться* в сочетаниях *взялся помогать*, *взялся сделать* выражает лишь абстрактное значение приступа к действию, которое дополнительно осложняется здесь таким же абстрактным оттенком указания на наличие впредь постоянной связи субъекта с действием, выраженным инфинитивом.

Путем подобных смысловых преобразований из форм повелительного наклонения возникли частицы *пусть* (из *пусти*) и *пускай*. В сочетании с формами других глаголов такие повелительные формы на основе значения конкретного физического действия («сделать так, чтобы не иметь или не держать в руках что-либо») развили значение «разрешать» (делать так, чтобы не сдерживать кого-либо в чем-либо, не препятствовать кому-либо в чем-либо): *пусть войдет*, *пусть говорит*, *пускай берет* и т. д.

Наша догадка относительно того, что глагол *знать* когда-то мог иметь значение «держат, удерживать, не отпускать» или «удерживаться», подтверждается особенностями употребления слова *знай* как частицы.

В этой роли слово *знай* встречается или в сочетании с формой повелительного наклонения другого глагола, или с формой глагола в настоящем (реже — в прошедшем) времени и несовершенном виде.

В первом случае вместе с выражением побудительности обозначается и едва заметное указание на то, чтобы субъект побуждения продолжал осуществлять то же действие, которое осуществлял до обращения к нему собеседника. Иными словами, слушающий побуждается к тому, чтобы удерживать процесс в прежнем состоянии.

«— Намокнем! — испугалась Тania.— От такого дождя намокнешь! *Иди знай!* Теперь не зима: высохнешь!» (Сергеев-Ценский. Верховод); «— *Знай помалкивай* лучше! — приказала Наташа.— Кто велел поскорей от бабушки домой идти? Я и блинов ничуть не покушала» (Платонов. Июльская гроза); «Карлыч встрепнулся: — А чего горевать — раз нечего надевать? *Знай переодевайся!*» (Костыря. Российский тракт).

Во втором случае частица указывает как бы на «середину» процесса, обозначает его продолжение, что также легко связать

с прежним (предполагаемым) значением глагола *знать* — «удерживать, не отпускать» или «удерживаться».

Сравните: «*Знай реу* [продолжаю рвать]!.. Когда тут откуда-то возмись,— оса!.. Другая!.. Третья!..» (Сергеев-Ценский. Сливы, вишни, черешни); «В наше время, бывало, все потихоньку да умненько, чтоб не заметил никто, а нынче он *знай себе твердит* [продолжает твердить]: пострадать хочу» (Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности); «Они [строения] стояли в стороне от ухоженных домов и напоминали своей заброшенностью деревушку, в одночасье оставленную жителями. А она *знай стоит* [продолжает стоять] наперекор отпущенным ей срокам» (Залевский. На легких ветрах).

Итак, употребление *знай* как частицы не находит объяснения ни в одном из отмечаемых обычно в словарях значений глагола *знать*. Некоторая необычность для нас сочетаний *знай лежит*, *знай читает* связана с тем, что глагол *знать* утратил способность называть конкретное физическое действие. Из этого следует, что частица *знай* теперь является всего лишь омонимом формы повелительного наклонения *знай*. В словарях русского языка поэтому она должна толковаться в отдельной словарной статье.

Н. А. ЛУЦЕНКО
Донецк

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Что означают слова *пелетон* и *сюрпляс*?

С. Т. Котенко
Томск

Пелетон. Слово пришло из Франции — родины велоспорта. Во французском языке *peloton*, помимо значений «клубок», «ком», «кавалерийский взвод», «звено», в последнее время развило новое, спортивное значение «лидирующая группа (в велосипедном спорте)». Именно в этом значении слово заимствовано русским языком (в огласовке: *пелетон*), а также польским, чешским и другими языками. Поскольку слово появилось в языке недавно, оно не подверглось пока словарной фиксации.

В многокилометровых шоссе-гонках велосипедисты вырабатывают определенную тактику, которая сообразуется с правилами соревнований, возможностями товарищей по команде, силами противников, условиями трассы и т. п. Впереди велокаравана движется пелетон. Спортсмен, находящийся в пелетоне, имеет преимущество: на финишном участке пути ему легче бороться за победу, поскольку не нужно выбираться из середины или хвоста основной группы, чтобы обеспечить себе свободу действий. Из пелетона то и дело вырываются лидеры. Иногда несколько гонщиков пытаются уйти в отрыв, для чего нужно проявить высокое техническое мастерство, огромное желание и смелость. Нередко лидеров снова «поглощает» пелетон. Как правило, гонщики стремятся попасть в головную группу уже в начале дистанции, так как у велосипедистов, оказавшихся позади, значительно меньше обзор, а возможность попасть в число лидеров минимальная.

Приведем несколько газетных иллюстраций нового слова. «В эфир на всех языках летит: «Ушел в отрыв № 93. Он в трех минутах впереди пелетона» (Советский спорт, 14 мая 1980); «И все-таки пелетон догнал уставших беглецов на выезде из города» (там же, 7 июня 1980); «Трасса изобилвала подъемами и спусками, и около трех десятков гонщиков отстали от пелетона, практически выбыв из борьбы» (там же, 11 сент. 1980); «Рывок латвийского велосипедиста А. Александрова был поистине великолепен. Скоро разрыв между ним и пелетоном достиг около трех минут... Пелетон стал приближаться к нему уже перед самым Судакком. Однако смельчак выстоял, финишировал первым» (там же, 19 окт. 1982).

Приживаясь на повой почве, слово начинает активно функционировать, как бы обрастая новыми оттенками смысла. Ср., например: «А сзади уже вовсю шумел шиномонтаж пелетона» (Советский спорт, 6 окт. 1982) или: «Попытки уйти в отрыв были, но пелетон так или иначе оказывался сильнее» (там же).

Сюрплас. В последние годы в репортажах о велогонках можно встретить и слово *сюрплас* (от французского *sur place*, буквально «на месте»), что означает «стояние на месте». В гонках на треке этот тактический прием весьма популярен.

Известно, что в борьбе равных по силам противников именно тактическое мастерство нередко приносит успех. Соревнующиеся прибегают к различным тонкостям и ловушкам с целью поставить соперника в проигрышное положение. Сюрплас является одним из многих тактических вариантов, которые должен уметь выполнять трековый гонщик. Спортсмены внезапно останавливаются, балансируя в седле. Они провоцируют друг друга на атаку (потеря време-

ни здесь значения не имеет, поскольку идет борьба за место, а не за секунды), сорвавшийся первым с места обычно проигрывает.

Обратимся за разъяснениями к книге В. Капитонова и А. Юсина «И снова спиц мельканье...» (М., 1978): «В Токио сошлись два выдающихся мастера сюрпласа. Характер на характер. Техника на технику. Выдержка на выдержку... Кто победил в заезде? Трантен. Почему он победил? А потому, что у него крепче оказались нервы и надежней техника педаляжа. Петтенелла выдержал 21 минуту 57 секунд сюрпласа — стояние на месте, а Трантен на сотую долю секунды больше — и этой сотой хватило для победы в заезде. Я, например, наблюдая за сюрпласом будущих медалистов Олимпиады, подумал вот о чем: спринтерская гонка — основа основ всех соревнований велосипедистов на треке».

Спортивный термин *сюрплас* не является пока достаточно освоенным литературным языком. Об этом свидетельствует и то, что слово появляется в кавычках как иностранное вкрапление. Приведем несколько примеров его употребления в репортажах из газеты «Советский спорт»: «Романцов сразу же после первого круга стал как вкопанный на вираже — «сюрплас». Копылов вызов принял и, поставив колесо поперек движения, устроился рядом с соперником. Казалось, этот древний трековой прием не доставляет ему никаких хлопот. Соперники простояли около 14 минут, и в конце концов Романцов дрогнул — нарушил правила «сюрпласа»... Копылов без труда обогнал своего соперника» (27 апр. 1980); «Юный Николай Ковш, подустав после долгих «сюрпласов», ничего не смог противопоставить затяжным атакам Алексея Сорокина» (22 окт. 1982).

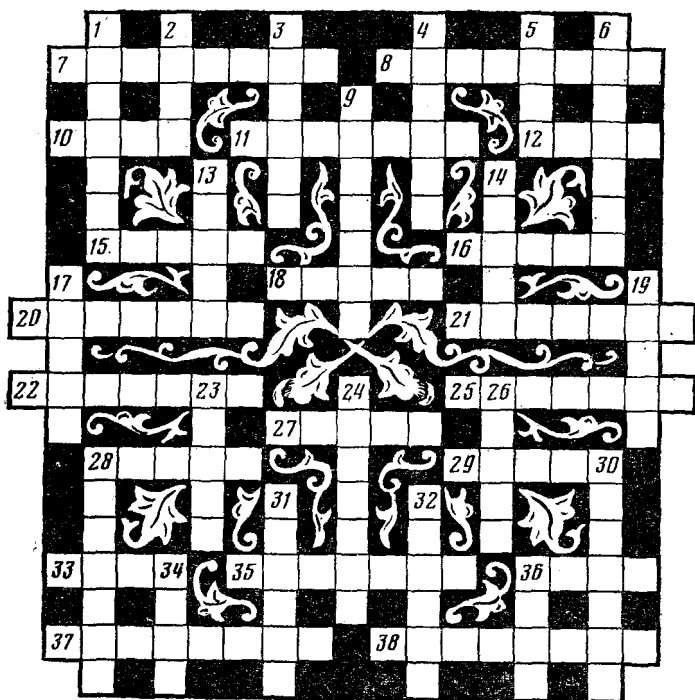
Как видим, французская предложно-надежная форма (*sur place*) принимает в русском языке облик существительного мужского рода на твердый согласный (*сюрплас*) и, подчиняясь законам русской грамматики, изменяется по числам и падежам.

А. С. АВАКОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. В старину на Руси — короткая теплая кофта без рукавов. 8. Рыцарь, любимый герой Дон-Кихота. 10. Герой романа В. Каверина «Откры-

тая книга». 11. Охотник из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 12. Басня И. А. Крылова. 15. Чародей, колдун у древних славян. 16. Французский писа-

тель, по известному роману которого написаны оперы Обером, Массне, Пуччини. 18. Герой поэмы Гомера «Илиада». 20. Первый сборник стихов Т. Г. Шевченко. 21. Автор романа «Екатерина Воронина». 22. Стихотворение на одну рифму. 24. Основоположник восточнославянского книгопечатания. 27. В древнегреческой мифологии — одна из девяти муз, покровительница поэзии. 28. Французский писатель, автор романа «История Жюль Блаза». 29. Русская народная песня. 33. Герой романа Г. Флобера «Воспитание чувств». 35. В старину на Руси — военнотружущий особого постоянного войска. 36. Рассказ И. А. Бунина. 37. Рассказ А. П. Чехова. 38. Автор романа «Порт-Артур».

По вертикали: 1. Герой рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре». 2. Персонаж романа

Л. Н. Толстого «Война и мир». 3. Стих или строфа, пришед, в определенном порядке повторяющиеся в стихотворении. 4. Загадка, в которой загаданное слово делится на несколько частей, каждая из которых представляет собой отдельное слово. 5. Повесть М. Горького. 6. Русская народная сказка. 9. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 13. Слуга Обломова. 14. Род наплечников в торжественной одежде московских князей и царей. 17. Басня И. А. Крылова. 19. Роман И. Стаднюка. 23. Советский поэт, автор поэмы «Суд памяти». 24. Герой романа Г. Николаевой «Битва в пути». 26. Герой романа К. Федина «Братья». 28. Советский поэт. 30. Советский писатель. 31. Рассказ И. А. Бунина. 32. Роман Э. Хемингуэя. 34. Роман Ж. Санд. 36. Военный из частей легкой кавалерии XVIII—XIX вв.

ЕЛЯШ, ВОЛЧОНОК, МОЧАЛО...

Древнерусские имена

Личные имена наших древних предков были разнообразны. По своему строению они были простыми, одноосновными (*Мал, Зуй*) и сложными, двухосновными образованиями (*Ярослав, Творимир*). И те и другие находились в процессе постоянного взаимодействия. Сложные имена подвергались сокращению, которое выражалось в усечении одной из основ (от *Ярослав* — *Яр*, от *Творимир* — *Мир*), в таком виде они уравнивались с простыми, могли приобретать многочисленные суффиксы (*Ярец, Мирко, Малюк, Зуёк* и т. д.).

По сфере употребления древнерусские имена делились на внутрисемейные, домашние (*Малява, Хорошуха, Миляй*) и внесемейные, под которыми человек становился известным за пределами семейного круга, а иной раз и за пределами своего села или города (*Кузнец, Мельник, Круподёр, Столет, Троежен*).

1. ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ИМЕНА

Домашние имена были тесно связаны с биологической природой человека. Они отражали внешние особенности малыша или характер его поведения (*Крепыш, Плакса*), чувства родителей (*Ждан, Любим, Услава*), порядок появления детей на свет (*Первой, Первенец, Второй, Третьяк, Четвертак, Пятко, Шестак*), время рождения (*Весняк* — родился весной, *Зима* — родился зимой, *Суморок* — родился в сумерках).

Многие внутрисемейные имена образованы от слов, казалось бы, с некрасивым значением: *Везобраз, Горе, Грязной, Досада, Дурной, Забота, Захвораи, Мертвой*. Их давали «от сглаза», а также

Русские имена имеют многовековую и богатую историю. Хронологически в ней можно выделить три периода.

Первый период — дохристианский, когда использовались самобытные имена, созданные в древнерусском языке. Эти имена раскрывают богатство народного языка, показывают широту фантазии, наблюдательность и сметливость русского человека.

Второй, очень длительный период в истории русских имен наступил после введения христианства, вместе с которым вошли

в практику календарные имена. Они названы так потому, что в течение всего времени существования их давали по церковным календарям, в которых имена распределялись по всем дням года.

Третий этап развития русских имен начался после Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы начинаем публикацию статей об именах, существовавших на Руси с древнейших времен, об изменениях, которые происходили в их составе на протяжении веков, а также о новых именах советской эпохи.

чтобы обмануть «злые силы», которые якобы хотели похитить дитя. По той же причине детей называли именами, образованными от слов, обозначающих малоценные предметы: *Труха*, *Мочало*, *Горшок*, *Ошмётки*, *Чурбан* («злые силы» не обратят внимания на такие «ненужные вещи»), именами с отрицанием: *Некрас*, *Неустрой*, *Нехорошко*, *Нерат* и даже *Ненаш* (пусть тот, кто хочет похитить ребенка, знает, что это не наш ребенок: сначала найдите, мол, того, у кого его забрать).

Масса внутрисемейных имен была связана с названиями животных, птиц, насекомых, растений. Очевидно, древние люди, стоявшие близко к природе, считали себя тесно связанными с ней. Таковы имена *Блоха*, *Горностай*, *Гусь*, *Жаба*, *Комар*, *Конь*, *Лиса*, *Соболь*, *Соловей*, *Щука*, а также *Берёза*, *Горох*, *Дуб*, *Клен*, *Клюква*, *Крапива*, *Репка*, *Слива*, *Ягода*, давшие основы многим русским фамилиям. Как показывают наблюдения, многие из имен не были случайными словами. Такие имена, как *Волк*, *Медведь*, давали в качестве охранных: чтобы не съел волк, не задрал медведь. Люди очень верили в магическую силу слова: ведь волк не станет есть своего — *Волка*. Охранными были и *Буря*, *Гроза*, чтобы ребенок не погиб от гнева стихии. Многие имена были образованы от названий пищи: *Блин*, *Борщ*, *Богвинья*, *Брага*, *Каша*, *Крупа*, *Сало* и т. д. В некоторых семьях складывались своеобразные традиции именовать тематически близкими именами: *Пирог* *Оладыни*, *Мочало* *Лыков*, *Ягныш* *Баранов сын Овцын*, *Скворец* *Соловьев*, *Сом* *Лихёв* и т. п.

В семье детей нередко звали ласкательными формами имен:

Десятик, Пенашка, Волчонок, Осмуня. Вследствие этого складывались своеобразные «гнезда» имен. Так, от имени *Медведь* известны формы *Медведик, Медведко*, от *Бык* — *Бычок, Бычко, Бычонок, Бычура, Быча, Бычутка*, от *Второй* — *Вторак, Вторуша, Вторуня*. Многие из таких ласкательных форм сохранились в составе современных фамилий: *Комаров* и *Комариков, Котов, Котиков* и *Котков, Найдёнов* и *Найдёнков*, но от нейтральных форм имен фамилий значительно больше. Очевидно, взрослых людей звали «взрослыми» именами: *Кот, Медведь, Волк* (а не *Котик, Медведик, Волчок* или *Волчонок*).

Внутрисемейные имена наших предков-славян, принадлежавших к разным племенам, не образовывались каждый раз заново. Уже в древнерусский период они были традиционными словами, употреблявшимися в специальной сфере. Одинаковые и очень похожие имена до сих пор встречаются у южных, западных и восточных славян, несмотря на то, что позднейшая их история сложилась по-разному и они испытали воздействие иных языков, культур и религий. Это позволяет сделать предположение, что древние славянские имена были образованы не в каждом из славянских языков, а еще раньше — в общеславянский период. Особой древностью отличаются двухосновные имена, которые могли использоваться и как внутрисемейные, и как внесемейные, потому что многие из них были достаточно выразительными и не обладали такой распространенностью, как одноосновные внутрисемейные имена.

Сделать подсчеты употребительности древнерусских внутрисемейных имен из-за фрагментарности сохранившихся записей трудно. Тем не менее можно перечислить некоторые наиболее частотные из них. Особенно распространенными были *Воробей, Ждан, Жук, Заяц, Истома, Кривой, Любим, Первой, Посник, Пятой, Русин, Смирной, Томило, Третьяк, Ушак, Черной; Беляй, Бессон, Булгак, Бык, Вешняк, Второй, Добрыня, Долгой, Малыш, Толстой; Бажень, Баран, Белка, Белой* и другие (сравнительное сопоставление имен сделано А. В. Сусловой по словарям Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского).

Наблюдения показывают, что многие люди становились широко известными под своими домашними именами, такими как *Беляш, Ждан, Милый, Верецага, Третьяк, Бычок, Мороз*. Подтверждение этому находим в фамилиях *Беляшѳ, Жданов, Милеев, Верецагин, Третьяков, Бычков, Морозов*. Но число внутрисемейных имен было ограничено. Они повторялись во многих семьях и не всегда могли служить достаточным средством для различения людей в больших коллективах. За пределами семьи требовались пояснения: какой *Беляш*, кто такой *Ждан*, чей *Милый*, откуда *Верецага*, чьих *Третьяк*, каких *Бычок*? Ответами на эти вопросы явились

вторые, добавочные имена: *Беляш Красной, Ждан Живодёр, Милый Кузнец, Верецага Пустобай, Третьяк Заречных, Бычок Пьяных, Морозко Ширяев*. Вот эти слова, соотносящие человека с его родом и семьей и дающие ему определение по его моральным, физическим, деловым и прочим качествам, и составили вторую группу древнерусских имен.

II. ВНЕСЕМЕЙНЫЕ ИМЕНА

Многие внесемейные имена служили как бы общественной оценкой достоинств и недостатков человека. Среди них можно выделить имена, отражающие физические особенности и недостатки человека: *Беззуб, Безнос, Волосатой, Беспалой, Чубатой, Горбун, Однорук*; названия предметов труда и обихода: *Веревка, Голенщик, Иголка, Мыло, Соха, Телега* (хотя среди них, возможно, есть и «охранные»). Основная масса этих имен связана с обозначением профессий, должностей и т. п.: *Барышник, Кузнец, Солдат, Староста, Караул, Гулящий* (не при деле), *Лучший* (богатый). Некоторые отражают место происхождения: *Вологда, Калуга, Тула*.

Данная категория имен четко отделяется от первой. Действительно, было бы странно, если бы в семье кузнеца человека звали Кузнецом, а в семье горбатого — Горбатым. Эти именованья даны со стороны. И хотя человек, которого так называли, мог и сам себя так именовать при разговоре с посторонними, в семейном кругу подобные имена неуместны. В сохранившихся документальных записях на первом месте стоит, как правило, имя внутрисемейное: *Харя Лагирь*, холоп (XV в.), *Истома Черед* (XVI в.), *Нехорошка Кисель* (1600).

В коллективах взрослых людей ласкательные формы были неудобны. Если же говорить об эмоциональности имен, то и она была иной. Здесь чаще бывали не нежность и ласка, а всякого рода отрицательные эмоции, злые сравнения. Вспомним современные фамилии, образованные от этой категории имен: *Воложитин, Рукоусев, Кривоплясов, Растяпин, Тяпугин, Унылов* и т. п. Маловероятно, что лежащие в основах данных фамилий имена могли быть даны детям (за редким исключением «охранных» имен: *Растяпа*, чтобы был шустрым и расторопным).

Внесемейные имена, особенно прозвищного характера, составили самую новую и самую подвижную часть системы древнерусских именованний. Многие из них дали начало фамилиям: *Краснов, Кузнецов, Пустобаев* и др., некоторые способствовали пополнению состава внутрисемейных имен. Наконец, на их основе в последующие столетия развилась категория прозвищ. В древнерусский период внесемейные имена еще не были прозвищами, несмотря на свой об-

щественно-оценочный характер, поскольку служили для прямого и непосредственного именованья людей, а не для поддразнивания кого-либо.

Знакомясь с древнерусскими именами, читатель может задать вопрос: в какой мере эти имена могут служить сегодня для новых граждан нашей страны? Ответ может быть таким: очевидно, лишь в незначительной. За огромный период существования календарных имен у нас составилось свое представление о русских именах. Прежде всего, они обладают определенной формой и по смыслу не связаны с нарицательными словами нашего языка. Даже, наоборот, созвучие некоторых календарных имен со словами русского языка повредило в свое время их популярности: *Макрина* — созвучно слову *мокрая*, *Улита* — улитка, *Карп* — рыба, *Сазон* — рыба *сазан* и т. п. Но, может быть, основная причина не в созвучии с нарицательной лексикой вообще, а с мало приятными словами: *Акакий*, *Кастор* также не стали популярными. Новые имена советской эпохи как раз подтвердили стремление приблизить имена к нарицательным словам, но имеющим хорошее, положительное значение: *Правдина*, *Краснослав*.

Если посмотреть на древнерусские имена с этих позиций, то, возможно, среди них найдутся такие, которые поправятся и современным гражданам. Особенно можно рекомендовать двухосновные имена — мужские, оканчивающиеся на *-слав*: *Велислав*, *Воислав*, *Радислав*, *Ростислав*, *Светислав*, *Светослав*, *Святослав*, *Твердислав*, *Хранислав*, *Ярослав*; *-мир*: *Велимир*, *Дружмир*, *Звездомир*, *Красимир*, *Любомир*, *Правдомир*, *Светомир*, *Станмир*, *Хранимир*; *-люб*: *Добролюб*, *Дружелюб*, *Миролюб*; *-зар*: *Велизар*, *Лучезар*, *Светозар*, *Цветозар*; *-влад*: *Всевад*; *-волод*: *Всеволод*; и соответствующие женские — на *-слава*, *-мира*, *-люба*, *-зара*, *-влада*: *Велислава*, *Воислава* и т. д. Но, возможно, найдут своих носителей и некоторые древнерусские одноосновные имена.

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно писать и говорить — *воробушек* или *воробышек*?»

Л. Н. Тихонов, Москва

Слово *воробушек* употребляется в нейтральном стиле, *воробышек* имеет народный и разговорный оттенок.

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ РЕЧЬ»

В дни работы IX Международного съезда славистов в Киевском государственном пединституте им. А. М. Горького состоялась встреча студентов и преподавателей с главным редактором журнала «Русская речь», лауреатом Государственной премии СССР профессором В. В. Ивановым. Читатели журнала в выступлениях высказали свое мнение о проблематике журнала, заинтересованно говорили о взволновавших их статьях, поднятых журналом вопросах.

В центре обсуждения стали проблемы культуры русской речи, особенно важные в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия. Студенты приводили немало примеров, когда журнал «Русская речь» помогал им в непосредственной подготовке к занятиям, написанию курсовых и дипломных работ.

Отдельные статьи журнала выносились на обсуждение семинаров по русскому языку, при этом, отмечали участники встречи, журнал расширяет горизонты знания русского языка, помогает лучше овла-

деть им, знать его литературные нормы.

По мнению выступавших (проф. В. И. Кононенко, доц. Л. П. Иванова), в журнале удачно сочетаются принципы научного и популярного изложения. На его страницах формируется и совершенствуется публицистическая форма бесед о русском языке, тот стиль изложения, который позволяет донести до широкого читателя научные сведения. Привлекают внимание, в частности, материалы и сообщения, посвященные языку и стилю произведений В. И. Ленина. Большой интерес вызывает рубрика «Отечественные языковеды», знакомящая читателя с важнейшими достижениями русского и советского языкознания.

Студентка русского отделения Т. Кордун заинтересованно говорила о статьях журнала, посвященных распространению русского языка в мире. «Планета слушает русский», — так определила студентка главную мысль публикаций на эту тему. Полезными были бы, по ее мнению, публикации, в ко-

торых бы шире освещалось воздействие русского языка, русской культуры на развитие языков и культуру народов СССР и других стран.

Профессора М. А. Бридина, студента Ю. Пивоварова заинтересовала историческая и ономастическая проблематика в журнале. Публикации на эту тему конкретны по содержанию, отметили они, увлекательны по форме изложения. Часть статей носит характер небольших исследований и раскрывает лабораторию научного поиска.

В выступлении ст. научно-го сотрудника Н. Г. Озеровой был поставлен вопрос о расширении тематики статей, рассчитанных на повышение культуры русской речи нерусских. Такие публикации, очевидно, не могут учитывать особенности национально-русского дву-

язычия в каждой республике, их назначение — определить более типичное в русской речи нерусских и дать надлежащие рекомендации.

Во время встречи было высказано немало пожеланий относительно введения новых рубрик, системы подачи материалов, формы изложения. Отмечалось, в частности, что журнал помещает немало материалов по занимательной грамматике, однако возможности его привлечения значительно шире. Журнал мог бы больше популяризировать новую литературу по русскому языкознанию, в том числе ту, которая издается в союзных республиках.

В. В. Иванов ответил на многочисленные вопросы участников обсуждения.

В. И. ГОНЧАРОВ

Киев

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Склоняется ли название города Махачкала?»

М. Арчилова, Махачкала

Географические наименования, оканчивающиеся на -а, чаще встречаются в несклоняемом варианте в том случае, когда при них есть географический термин (река, город, поселок, деревня и т. п.), а при отсутствии географического термина — в склоняемом: *ехать в город Махачкала, послать в г. Махачкала, но написать в Махачкалу.*

Радийный. Это необычное слово является прилагательным от *радио*. Появилось оно в профессиональной речи работников радио и телевидения. Но это слово можно было увидеть в центральной печати, правда, в статье диктора телевидения И. Кириллова: «Пройдя конкурс, поступают к нам и коллеги со Всесоюзного радио. Например, семь лет назад у нас появились Д. Григорьева и О. Кулешова. Теперь их уже знают и приняли в ранг „своих“ дикторов многие телезрители. Но поначалу им тоже было нелегко: ведь специфика телевидения заметно отличается от радиийной, где главными выразительными средствами служат голос и интонация» (Правда, 1982, 25 июня).

Интересна судьба этого прилагательного. Оно образовано от слова, которое поначалу

само было частью составных образований (*радиотелеграф, радиоаппаратура, радиовецание* и т. п.) и фактически выполняло в таких составных словах функцию прилагательного. Ср.: *радиоспектакль* и *телевизионный спектакль, радиотеатр* и *телевизионный театр* и т. п.

Получив статус самостоятельного слова, *радио* встает в ряд несклоняемых имен существительных (*слушать по радио, работать на радио*). Такие существительные, как правило, не обладают способностью производить прилагательные (*мегр, пианино, ателье, кредо, коммюнике* и т. п.). Однако естественная потребность в них иногда преодолевает этот словообразовательный «тупик», и тогда (чаще всего в профессиональной речи) появляются недостающие прилагательные. Так, от слов *пальто, манго* и некоторых других прилагательные стали уже достаточно привычными: *пальтовая ткань, манговый сок*. Теперь мы узнали, что есть прилагательное и от *радио*. Интересно, приживется ли это слово в языке или так и останется на правах профессионализма в речи работников радио и телевидения?

В. Д.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—6; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1—3; 1982, №№ 1—2, 4, 5; 1983, №№ 2, 5.

Шудегов. Фамилия удмуртского происхождения, как показывает суффикс *-ег-*, характерный для пермской группы финноугорских языков, в настоящее время непродуктивный, но удерживаемый многими фамилиями (об этом писали: Серебrenников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963; Кривошекова-Гантман А. С. Фамилии как источник истории языка и его носителей.—Сб.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972; Архипов Г. А. Фамилии, образованные от удмуртских слов.—Сб.: Вопросы финноугроведения, вып. 6. Саранск, 1975).

Т. И. Тепляшина предложила основу *шуд* — «счастье» (пермск.). Фамилия встречается и в форме Шутегов (Пермь, 1972), но, возможно, это уже от другой основы.

Шуклин. Отчество от прозвища или нецерковного имени Шукля (записано в 1455 году в Муроме, в I-й половине XV века — в Переяславле). Основа имени неизвестна. Не исключена связь с глаголом *шукать* (см. Шукшин),

Шукшин. Возможная основа — северное слово *шукша*, обозначающее отходы при «чесании» льна или конопли на Пинеге в Архангельской области (картотека Г. Я. Симиной, Ленинград), но слово территориально ограничено, а имя известно гораздо шире. Можно привлечь глагол *шукать*, имеющий значения — «искать», «громко звать» и даже «шептать» (по В. И. Далю, сравни: *шушукать*). Образование формы *шукша* естественно: *кракать* — *кракша*, *крыть* — *крыша* и другие.

Шулепов. Основа фамилии — давно забытое русское слово *шулеп* — «левша». Фамилия известна в разных местностях (Арбайский р. Кировской области, Хомутовский р. Курской обл., в городах — Краснодар, Орел, Пермь, Рязань и мн. др.). Встречаются и Шулепины (в Липецке, Ярославле) — здесь в основе фамилии форма Шулепа.

Шульгин. Частая фамилия раннего происхождения, встречается почти повсеместно. Возникла как отчество («сын Шульги») из *шульга* — старинное русское слово, еще и сей-

час сохранившееся в некоторых говорах со значениями «левая рука» и «левша».

Шульгиных. Фамилия вторичного происхождения — из фамилии же: означала принадлежащего к семье *Шульгины* (см. предыдущ.), зафиксирована рано — в 1669 году, в документах по Верхотурью на Урале упомянут крестьянин И. Шульгиных (Шунков В. И. Очерки по истории Сибири. М.—Л., 1946). Как и другие фамилии на *-их*, *-ых*, *Шульгиных* встречается в Курской области, на Севере, Урале, в Сибири.

Шульженков. Фамилия также связана со словом *шульга* — «левша», но дальнейшее формообразование происходило не с помощью русского суффикса *-енок*-, а белорусского или украинского *-енко*-. *Шульженко*, что также обозначает «сын Шульги»; фонетическое изменение *г* → *ж* закономерно (ср.: *снег* — *снежный*, *салага* — *салажонок* и др.). Фамилия записана в Ельнинском районе Смоленской области, на юге Псковской, в Брянской, Смоленской областях.

Шульпин. Фамилия записана в Саратове (1982). Только предположительно можно привлечь одно из древних названий коршуна, ястреба — *шульпек* (на юге). Не исключено, что фамилия искажена из какой-либо иной, близкой по звучанию.

Шумаков. Фамилия широко распространена, встречена в нескольких десятках городов, но почти всюду редка (часто лишь в Курске). Можно было бы предположить основу *шумак* — «шумный», но такого личного или нарицательного имени не засвидетельствовано, да и сама немногочисленность носителей этой фамилии, по сравнению, например, с фами-

лиями *Шумилов*, *Шумилин*, побуждает обратиться к иному источнику. После разгрома и порабощения сербов турками множество сербских беженцев на протяжении XV—XVIII веков находили спасение в России. Не связана ли основа фамилии с сербским словом *шума* — «лес», а *шумак* — «лесной». Жителя лесистой территории центральной Сербии также называли — *шумак*. Не от них ли получила распространение эта фамилия в городах России? В Курском уезде, например, она записана еще в XVII веке.

Шумаркин. От глагола *шумаркать* — «кричать, говорить громко» (В. И. Даль указывает его с пометой «южн. восточи.»).

Шумбасов. Фамилия от мордовской основы *шумбаз* — «заяц» (мокшан.). Однако дальнейшее оформление происходило целиком на почве русского языка: мордовское прилагательное *шумбазонь*, производное от личного имени Шумбаз, для обозначения его сына, заменено русским — *шумбасов*, с оглушением звонкой согласной (*з* → *с*: Шумбас).

Шумилин, Шумилов. Фамилии распространены повсюду как одни из очень ранних. Это бывшие отчества от самых частых русских нецерковных мужских имен XVI—XVII веков, то есть периода становления русских фамилий, накануне их широкого распространения. В основе — глагол *шуметь*; *Шумило* — так называли шумного, крикливого ребенка. Суффикс *-ил(о)* образовывал «имя деятеля» (ср.: зубрила, громила, зубило, точило и т. д.), соответственно личные имена — Томило, Ярило. Отчества от них возникали в форме притяжательных прилагательных, образуемых суффик-

сом *-ов* или, если основа оканчивалась на *-а* (Шумила, Томила), суффиксом *-ин*. От уничижительной формы *Шумилка* — фамилия Шумилкины в селе Камынино (бывш. Чембарском уезде Пензенской губернии).

Шумихин. Отчество от редкого в прошлом русского нецерковного мужского имени Шумиха: 1498 г. — холоп Иванец Шумиха, 1505 г. — холоп Шумиха (Никонов В. А. География фамилий Поволжья. — Ономастика Поволжья, 4. Саратовск, 1976).

Шумяцкий. Фамилия образована из топонима, указывающего, откуда прибыл ее носитель. В Львовской области село Шумяч, на юге Смоленской области — село Шумячи.

Шунков. Фамилия передка в Сибири, но сибирские диалектологи упустили ее из виду, этимология остается неизвестной. Не помогут ли читатели найти слова *шунок*, *шунать*, которые еще, возможно, встречаются в говорах, и сообщить их значения?

Шуняев. Фамилия записана в деревне Вишневка Ржаксинского района Тамбовской области (1979). Очевидная основа — *шунять*, *шуняй*, происхождение ее загадочно.

Шупелов. Фамилия записана в Смоленске (1982). У В. И. Даля приведено псковское (и повгородское) слово *шопел* — «знахарь, колдун», смоленский глагол *шопить* — «знать, ведать», но все значения приведены со знаком вопроса. Найденная фамилия, может быть, побудит русистов Смоленского педагогического института заняться ее основой и спать в дальнейшем знак сомнения?

Шуплецов. Отчество от прозвища *шуплец*, основа которого могла быть связана с арха-

ичным диалектным словом *шупель* — «дребедень, не имеющий никакой ценности хлам», суффикс *-ец* указывал на лицо, занимавшееся этим хламом. Фамилия встречается в Кирове, Оренбурге.

Шурганкин. Фамилию записал в селе Высоково (юго-восточная часть г. Горького) И. Л. Мининзон. Несомненно, она — отчество от уничижительной формы Шурганка, указывающей, что существовало слово *шурган*.

Шуринов. Фамилия указывает на родство: *шурин* — родной брат жены. Едва ли возможно раскрыть конкретную ситуацию, в какой возникло именование. Фамилия была многочисленной в 1913 году в селе Мордово и смежных деревнях (крайний юго-восток Тамбовской области).

Шурыгин. Отчество от прозвища Шурыга из диалектного нарицательного *шурыга* — «непутевый, мошенник».

Шустов. Фамилия возникла от архаичного глагола *шустать*, имевшего различные значения: (укр. и польск.) «быстро сновать туда-сюда», «обжираться», «толочь зерно», «чистить ствол ружья» (по В. И. Далю). Существовало и прозвище, или имя, Шуст (в документах 1468 года упомянут Иван Шуст), отчество от которого закрепилось в фамилию.

Шустров. Отчество от наименования отца из нарицательного *шустрый* — «быстрый, резвый». Прилагательное *шустрый* образовано из основы глагола *шустать* (см. предыдущ.) старинным суффиксом *-р*, как *добрый*, *хитрый*, *мокрый*.

Шутов. Первоначально — отчество от именованного отца по его профессии: «сын шута». У русских в XVI—XVIII веках эта профессия (комический

актер, клоун, паяц) была широко распространена. Без шутов не обходилась ни одна ярмарка, аристократы имели крепостных шутов, цари — придворных шутов, среди которых были и такие известные, как, например, И. А. Бадакирев (при Петре I и Анне Ивановне). Наиболее смелые не только развлекали зрителей, а поднимались в своем искусстве до серьезных обличений. Позже слово *шут* приобрело отрицательный оттенок — «ломака, кривляка».

Шухардин. Фамилия записана в Перми (1972), указывает на существование слова *шухарда*, этимология которого пока неизвестна.

Шухмин. В основе — диалектное слово *шухма* — «ссора, драка».

Шухрин. В Северном Заволжье встречается слово *шохра*, так называют гнилой лес на болоте (*согра*, *шукра*, *шугра*), чередования *о — у* и *х — г — к* в говорах наблюдается нередко.

Шушарин. Фамилия бытует в Рязани, Ульяновске, Вологде, Кинешме, Краснодаре, Кемерове. Возможно, ошибочное написание или произношение — вместо *Шушерин*.

Шушенцев. Отчество — «сын шушенца» — от именования *шушенец* (по месту, из которого он прибыл). Известно крупное село Шушенское в Красноярском крае, ныне поселок. В 1858 году более сотни жителей, носящих эту фамилию, записаны в Ачитской волости Пермской губернии (в настоящее время на западе Свердловской области). Массовая миграция с Енисея в Приуралье неизвестна, поэтому происхождение фамилии остается загадкой.

Шушлэбин. Фамилия записана в Воронеже, Калининске, Калуге, Орле и многих городах. В основе, очевидно, диалектное (вятское, по В. И. Далю) слово *шушленень* — «лентяй, увалень, лежебока», с последующим грамматическим переосмыслением окончания слова.

Шушмин. Возможно, мордовское происхождение фамилии: мокшанское *шумма* — «бугор, пригорок».

Шушпанников, Шушпанов. В прошлом *шуппán* (слово, вероятно, мордовского происхождения) означало разновидность одежды, преимущественно длинной: *шуппáнныйк* — «изготовитель шушпанов». Эти фамилии сегодня чаще встречаются в Томске, Иркутске.

Шушунóв. В основе фамилии областное старинное слово *шущún* — название верхней женской одежды, преимущественно короткой (вроде кофты, телогрейки) или длинной (вроде рубахи, сарафана). В диалектах это слово жило еще и в нашем столетии, вспомните «Письмо матери» С. Есенина:

Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Шуяков, Шуянов. Отчества от именований отца по местности, из которой прибыл, или по уезду, к которому был причислен на службу (XVI—XVIII вв.); *шуйак*, *шуйан* — из города Шуя или с реки Шуя (их несколько в Европейской части страны); безусловно, ошибочно связывают их названия со словом *шуйа* — «левый», но в личном прозвище это не исключено.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

ОТКЛИКИ НА НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В № 3 нашего журнала за 1983 год была опубликована статья доктора филологических наук С. И. Коткова — «Предки-невидимки», в которой ученый рассказал о происхождении некоторых «загадочных» фамилий.

«С большим интересом прочитал статью С. И. Коткова «Предки-невидимки», — пишет Ю. А. Федосюк, автор известного словаря «Русские фамилии», — и с удовлетворением отметил, что толкование С. И. Котковым «загадочных» фамилий *Пустовалов, Невоструев, Волобуев* полностью совпадает с результатом моих изысканий; они в лаконичной форме приведены в моем словаре «Русские фамилии» (изд-во «Детская литература», 2-е издание. М., 1980).

Убедительный и скрупулезный этимологический анализ этих фамилий и их основ, сделанный столь маститым ученым, как Сергей Иванович Котков, отныне полностью зачеркивает их ошибочные и поверхностные толкования, которые можно было встретить не только в быту, но и в литературе».

Вместе с тем Ю. А. Федосюк

предлагает иное толкование фамилии *Хаустов — Фаустов*, то есть не как «имя немецкого происхождения», а как «календарное русское имя Фавст (из латинского *Faustus* — благополучный, счастливый), содержащееся во всех свяцах». «Несвойственное русской фонетике сочетание согласных *вст* в закрытом слоге, — пишет Ю. А. Федосюк, — заставило говорящих либо заменять губной согласный *в* родственным губным гласным *у* (непроизвольно возвращая звучание имени к его латинскому источнику), либо вовсе выбрасывать *в*, упрощая имя в *Фаст*. Именно от *Фаста* (Фавста) происходит название населенного пункта *Фастов* под Киевом, от *Фауста* (Фавста) — название *Фаустово* под Москвой (станция Московско-Рязанской ж. д.). Это же имя иногда превращалось в *Пауст* (мена *ф* на *п* присуща некоторым говорам украинского языка). В Молдавии, где немало украинских топонимов, есть селение *Паустов*, откуда, как полагают, происходит фамилия нашего замечательного прозаика К. Г. Паустовского».

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ СВОЙСТВЕННЫЙ КОМУ ИЛИ ДЛЯ КОГО?

Прилагательное *свойственный* употребляется в предложениях с типовым значением «предмет и его признак», например: «Полимерные материалы отличаются прочностью, красотой. Однако им свойственна электризуемость...» (Здоровье, 1981, № 1). Кроме прилагательного *свойственный*, в подобных конструкциях могут употребляться слова *присущий*, *характерный*, *типичный* (последние два в значении «свойственный кому-чему-л.»).

В предложениях с прилагательными *свойственный* и *присущий* предмет, носитель признака, обозначается формой дательного беспредложного, а слова *характерный* и *типичный* соединяются с формами родительного падежа с предлогом *для*: «Об этой встрече Верония не молчала, она говорила охотно, с *присущей* ей глубокой интонацией...» (Нагибин. Приезд); «Доброта, потребность в любви и дружбе, красоте, общении *свойственны* современной молодежи...» (Советская Россия, 1978, 23 ноября); «Примененные автором способы и формы словесной образности *типичны для* художественной прозы» (Русская речь, 1978, № 5); «*Для* русского, а затем и советского вокального творчества *характерно* богатство не только вокальной, но и инструментальной партии» (Советская культура, 1978, 21 ноября).

Семантической и структурной близостью приведенных конструкций объясняется ненормированное употребление в речи прилагательных *свойственный* и *присущий* в сочетании с существительными и местоимениями в родительном падеже с предлогом *для* и, наоборот, прилагательных *типичный* и *характерный* с формами

дательного беспредложного, например: «...подобные осадки и *несвойственны для мая* в Москве» (Известия, 1980, 13 мая); «Считаю, что внешние культура и собранность, *характерные* бальному танцу, неизбежно дисциплинируют и внутренне» (Советская Россия, 1981, 22 мая).

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее часто нарушает свою нормативную сочетаемость прилагательное *свойственный*. Об этом свидетельствуют как примеры письменной речи, так и многочисленные примеры речи устной. *Свойственный* встречается в соединении с формой *для+родительный* в любой позиции (в роли сказуемого, определения, обособленного члена), в любой своей форме (в полной и краткой, в простой форме сравнительной степени): «Он сыграл роль, *для него несвойственную*» (Кинопанорама, 1979, 27 янв.); «Борьба была *для нее свойственной, чем любовь*» (Алексин. Раздел имущества); «Чтобы рассеять неловкость, вызванную этим прощанием, лейтенант сказал с *несвойственной для него* словоохотливостью...» (Быков. Дожить до рассвета).

В книге К. С. Горбачевича «Нормы современного русского литературного языка» (М. 1981) *свойственный* употребляется и в сочетании с дательным и в сочетании с родительным, например: «...до сих пор встречается это *несвойственное литературному языку* ударение»; «Ударение *засу́ха* еще было *свойственно для поэзии* первых десятилетий XX в.».

Частое нарушение нормативной сочетаемости у прилагательного *свойственный*, возможно, объясняется тем, что оно отличается большей употребительностью в речи, чем остальные прилагательные связочного типа. Кроме того, *свойственный*, впрочем, как и *присущий*, меньше наполнено семантически, чем слова *типичный* и *характерный*. *Присущий* и *свойственный* выражают только идею отношения признака к его носителю, прилагательные же *типичный* и *характерный* употребляются и в других значениях.

Оценивая тенденцию нарушать свою сочетаемость у прилагательного *свойственный* в целом, следует отметить, что вполне вероятно в будущем закрепленность в конструкциях с данным прилагательным формы *для+родительный надеж*. Н. Ю. Шведова считает, что при нормативной оценке синтаксических новообразований следует учитывать два фактора: во-первых, массовую и регулярную воспроизводимость и, во-вторых, активное взаимодействие с другими звеньями системы языка. Определяющим фактором справедливо называется второй — системная обусловленность (Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966).

В словарях и справочниках по культуре речи сочетаемость прилагательного *свойственный* с формой *для+родительный* оценивает-

ся как ненормативная (см.: Словарь-справочник журналиста. Трудности русского языка. М., 1974; С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1975; Словарь-справочник «Управление в русском языке». М., 1981). Однако есть основания считать сочетаемость прилагательного *свойственный* с формой родительного падежа с предложением *для* перспективным вариантом нормы.

И. А. Елисеева

■ ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕДА

Развитие газетно-журнального дела вызвало к активной жизни слово *интервью*. Оно пришло к нам из английского языка (*interview*). «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и 4-томный «Словарь русского языка» АН СССР фиксируют в нем следующее лексическое значение: «Предназначенная для печати беседа какого-либо деятеля с корреспондентом по вопросу, имеющему общественный интерес. Газетная статья, излагающая содержание такой беседы». Обращаем внимание на то, что вторая часть толкования говорит не об отдельном, самостоятельном значении этого слова, а лишь о его смысловом оттенке.

Дальнейшее развитие и распространение средств массовой информации (радио, телевидение) окончательно закрепило *интервью* в качестве публицистического термина в интернациональном словарном фонде.

Однако вместо *интервью* можно употребить русское слово *беседа*, тем более, что оно реализуется для передачи смыслового содержания в толковании первого, но синонимические словари пока не включают их, очевидно, потому, что, как говорит во «Введении» к «Словарю синонимов русского языка» (Л., 1970) его главный редактор А. П. Евгеньева: «Нельзя рассматривать в качестве синонимов и те терминологические, узкоспециальные слова, которые употребляются только в какой-либо научной, технической, профессиональной области, не выходя за ее пределы...»

Интервью — слово узкоспециального журналистского употребления, по рассчитанного при этом на широкое, массовое его понимание. Обладая возможностью взаимозамещения, *интервью* и *беседа* все же сохраняют и свои смысловые особенности, так как обозначают далеко не идентичные явления.

Беседа между кем-либо предоставляет равные права ее участникам спрашивать и отвечать на вопросы, высказывать свое мнение. Другими словами, функции участников беседы одинаковы, равноправны. Кроме того, беседа может быть не только двухсторон-

ней, но и многосторонней, а интервью — акт всегда двухсторонний, даже если участвуют в нем несколько лиц.

Интервью строго разграничивает функции его участников: одна сторона только спрашивает, другая — только отвечает на вопросы. Собственно, полученные в таком общении ответы и составляют природу того, что мы называем *интервью*. Вот почему сложились и выражения *взять интервью*, *дать интервью*, то есть получить или дать ответы на вопросы. Недаром в прессе пользуются формулой «ответы на вопросы...», когда требуется в данном конкретном случае наиболее точно обозначить понятие: «Как у всякого жапра, есть у интервью свои железные и безотказные стереотипы. ...— Нашу беседу мы начнем с самого традиционного вопроса...» (Паперный. До новых встреч). Однако наши средства информации больше употребляют его для обозначения публицистического жапра, излагающего содержание выступления какого-либо деятеля перед журналистами.

Нужное иноязычное слово *интервью* не только обогащает наш лексикон, но и прочно входит в структуру русского языка, заняв подобающее ему место в словообразовательной и грамматической системе.

Интервью дало производные образования *интервьюер* — «журналист, получающий интервью у кого-либо», *интервьюировать* — «получать интервью у кого-либо», *интервьюироваться* — «давать интервью». Но эти словоформы в речи употребляются весьма редко, может быть, потому, что они трудны для произношения (в артикуляционном отношении). Не считая личные сведения исчерпывающими, тем не менее должен сказать, что почти за два десятилетия наблюдений я встретил в печати лишь один факт употребления глагола *интервьюировать*: «Впервые я интервьюировал его [Маршала Г. К. Жукова] еще в августе 1939 года в МНР, на реке Халхин-Гол, в районе боев с японскими империалистами» (Литер. газета, 1981, 18 ноября). А, например, еженедельник «Неделя» вообще избегает *интервью* и его производные. Систематически публикуя беседы с гостями редакции, неизменно подписывает их речевой формой «гостя расспрашивал такой-то» (называется фамилия журналиста).

Из грамматических качеств слова *интервью* практический интерес представляет главным образом его способность управлять формой не только творительного, но и дательного падежа, подчиненных ему существительных. Наиболее обычной в таком случае является форма творительного падежа с предлогом *с* такого существительного — *интервью с...*: «Еженедельник „Ньюсуик“ опубликовал интервью с А. Гарриманом» (Правда, 1981, 15 ноября). Форма дательного падежа подчиненного слова употребляется реже:

«Интервью министра внешней торговли корреспонденту „Известий“» (Известия, 1981, 21 ноября). Если конструкция типа *интервью с министром* всегда соотносительна с конструкцией типа *беседа с министром* (и сложилась, очевидно, по аналогии с ней), то сочетание типа *интервью корреспонденту* не имеет соотносительной конструкции со словом *беседа* и, таким образом, представляет собой проявление синтаксического свойства, присущего в сопоставлении *интервью — беседа* только первому из них.

В способностях управлять подчиненными словами разошлись и их однокоренные глагольные образования. Так, глагол *беседовать* непереходный и поэтому при нем существительное не может стоять в винительном падеже без предлога, а глагол *интервьюировать* — переходный, может управлять формой винительного падежа без предлога, выражать, таким образом, прямую направленность действия глагола на объект.

Не только лексико-семантические качества, но и вот эти особенности в грамматических значениях — способность существительного *интервью* управлять дательным, а глагола *интервьюировать* — винительным падежом — должны рассматриваться как элементы, которые указывают на своеобразие этих слов в русском языке.

Н. Ф. Шумилов

■ РУССКИЕ КАЛАЧИ

На страницах журнала «Русская речь» рассказывалось об истории так называемых «хлебных слов»: *буханке, булке, каравае, колобке* и древнейшем виде русского хлеба — *калаче*.

В статье В. Н. Вакурова «Калач» (Русская речь, 1981, № 1) рассматривалась история и употребление слова *калач*, хочется продолжить эту тему и рассказать о различных видах русских калачей.

*

Русь издавна славилась калачами. Различались калачи в зависимости от способа и места их приготовления: *тертый, смесной, толченый, крупитчатый, обварной, московский, муромский* и другие.

«Обварные калачи отличались особенною формою и тестом. Они имеют крутой и толстый животок и маленькую ручку и губку; очень круты тестом и сильно разбухают в чаю; чрезвычайно питательны на вкус; черствые весьма рассыпчаты. Такими калачами славится в особенности Тула» (Словарь русских народных говоров, Вып. 12. Л., 1977).

Калач смесной, крупитчатый — калачи из различных сортов муки. Первый выпекался из смеси пшеничной и ржаной, а второй — из белой пшеничной муки тонкого помола.

Пользовались популярностью так называемые *муромские калачи*, которые представляли собой особый вид тертых калачей на отрубях: «Покончив с чаем, принялся писарь за штофик кизлярки да за печеные яйца с тертым калачом на отрубях, известным под названием „муромского“» (Мельников-Печерский. В лесах). Представляется, что свое название этот калач получил по названию места своего изготовления.

Этот же признак лег в основу наименования другого вида калачей — *московского*: «Боже мой! Кабы заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом» (Письмо А. С. Пушкина Н. Н. Пушкиной от 11.VI.1834).

Словосочетания *смесной калач, толченый калач, крупитчатый калач, обварной калач* (получившие свое название по способу приготовления) постепенно выходят из употребления, так как калачи такого рода перестают выпекаться.

Иная судьба у словосочетания *тертый калач*. Составной термин *тертый калач* получает новое фразеологическое значение: «очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть, бывалый человек» (Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова). Видимо, это не случайно. По мнению большинства исследователей, *тертый калач* — это особый вид калачей. Прежде чем его приготовить, тесто долго трут и мнут, оно подвергается длительному процессу воздействия.

Кроме лингвистических факторов, способствовавших образованию фразеологизма *тертый калач*, существовали и собственно лингвистические. В словосочетании *тертый калач* прилагательное *тертый* образовано от глагола *тереть* с основным значением «водить взад и вперед по чему-нибудь, нажимая». Возвратная форма от этого глагола и производные от нее, кроме основного значения, имели в диалектах переносное: «много испытать, стать опытным»: *Он в людях понатерся* (см.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка). Терминологическое сочетание начинает испытывать влияние переносного значения глагола *тереться* (*потереться*). Это влияние еще более усиливается оттого, что, во-первых, в переносном значении (косвенным образом) показан процесс изготовления самого тертого калача: *не терт, не мят, не будет калач* (В. И. Даль), во-вторых, слово *калач* уже употреблялось в устойчивых нетерминологических сочетаниях. В словаре В. И. Даля мы находим большое количество пословиц и поговорок: *Краюхой заложу, калачем поверши; В Москве калачи, как огонь горячи; Хочешь быть калачи, так не сиди на печи.*

Таким образом, составной термин *тертый калач* становится основой для выражения фразеологического значения. *Тертый калач* с исчезновением своей реалии утрачивает в литературном языке свое первичное значение. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова сказано: «*Тертый калач* (разг.) — об опытном, выдавшем виды человеке».

Фразеологизм *тертый калач* продолжает функционировать в современном русском языке до настоящего времени: «Вот старика встретил по дороге, подвез. Старик бывалый, тертый калач» (Саянов. Небо и земля).

Т. А. Ускова
Саратов

■ ЧТО ТАКОЕ МОСКОВСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ?

О московском произношении обычно говорят тогда, когда имеют в виду звуковое оформление литературного русского языка.

Главнейшие черты литературного произношения сложились на основе московского говора еще в первой половине XVII века. Лингвисты считают, что это закономерный исторический процесс, так как обычно у большинства народов живым литературным языком становится диалект более употребительный, более связанный с письменностью, наукой, культурой, то есть диалект столичного города. В XV—XVII веках, в период зарождения общерусского национального языка, Москва была центром русского государства, центром национальной культурной жизни. Поэтому литературный русский язык формировался на основе московского наречия.

Языковые нормы, к которым относятся и орфоэпические, то есть произносительные, распространялись и на другие культурные центры Руси. Под влиянием различных диалектов возникали местные варианты литературного произношения.

В начале XVIII века столица Русского государства была перенесена в Петербург, но это не оказало заметного влияния на литературный язык, потому что к тому времени формирование его фонетико-морфологических черт было завершено. Кроме того, в новую столицу переселились прежде всего москвичи, которые перенесли с собой все особенности московского произношения.

С течением времени московское произношение в Петербурге претерпело отдельные изменения под влиянием орфографии, а также, возможно, за счет влияния севернорусских наречий. Возник так называемый «петербургский» орфоэпический вариант. Однако основным осталось произношение московское.

Окончательно нормы литературного русского произношения установились в пушкинскую эпоху.

Однако язык — явление живое, он постоянно развивается, изменяется, в нем появляются новые черты, отмирают старые. На него постоянно воздействуют как лингвистические, так и нелингвистические факторы. Изменения, происшедшие в русском языке с начала нашего века, затронули единичные явления, что не отразилось на системе литературного языка в целом.

Чем же характеризуется литературное русское произношение? Один из основных вопросов — звучание безударных гласных и прежде всего «аканье», то есть произношение звука *a* на месте *o* в безударных слогах (саро́ка, палави́на, аткры́ть, ве́чна вместо со-ро́ка, полови́на, откры́ть, ве́чно). На месте безударных *e* и *я* после мягких согласных произносится звук, близкий к *и* (вити́ро́к, ка́минь, виза́ть вместо ветеро́к, ка́мень, вяза́ть).

При произношении согласных звуков очень важным является оглушение звонких на конце слова, а также перед глухими согласными в начале и в середине слова (мо́ск, фста́ть, ло́фцы вместо мо́зг, еста́ть, ло́вцы). Звонкий согласный *г* должен звучать как взрывной; щелевой *г*, как в южнорусских говорах или в междометии *ага*, не считается литературным. Согласные звуки *ж*, *ш*, *ц* произносятся твердо (жизнь, вешний, цирк), а *ч* всегда мягко (читать, почта).

Читателям, интересующимся вопросами орфоэпии более глубоко, мы рекомендуем обратиться к книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение», вышедшей из печати 5-м изданием в 1972 году.

Л. Н. Кузнецова

■ О ТУКЕ (ТУКАХ) И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ

«Почему минеральные удобрения, вносимые в почву, называются туками и что это слово *туки* означает? Местные агрономы не могли дать объяснение ему».

Ф. В. Белоголовов, Тамбов

Тук (в терминологическом употреблении чаще в форме множественного числа — *туки*) своими корнями уходит в далекую старину. Неискушенным в этимологии корневая морфема *тук*, действительно, ни о чем не говорит. Но если вспомнить школьные уроки по фонетике и примеры регулярных чередований согласных -*к/-ч* (*рука* — *ручка*, *пеку* — *печешь*, *мокну́ть* — *мочит*, *как*, *какой* — *качество* и др.), то загадка *туков* сразу же рассеивается. *Тук* — *тучный* — родные братья из одного словообразовательного гнезда, в них срабатывает то же правило мены -*к/-ч*, присущее нашему

языку. В языковом сознании сразу же всплывают живые смысловые ассоциации.

Слово *тук* очень давнее. Оно восходит к общеславянскому лексическому фонду, его семантика проста и однозначна — «жир, сало, навар». В этом значении оно живет многие столетия: «Оставшийся тук от сыротопа вываривают в особливых мѣдных котлах, которые вмѣщают пуд по сороку и болѣе сала» (Дневные записки путешественника доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1772 г.); «Как ту рыбу живую в иную воду в пруд посадят, и та рыба от малых рыб туком обливается» (Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих, между 1655—1667 гг.).

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского приведены и другие слова этого корня: *тукость* — «жирность», *тукота* — «тучность», а *туковые деньги* — «пошлина за продажу скота».

Словари современного русского литературного языка квалифицируют эту семантику в слове *тук* как устарелую, связанную преимущественно с церковно-книжной традицией. Это подчеркивает одностомный академический «Словарь синонимов» (Л., 1975). Действительно, при чтении художественной литературы, особенно литературы XIX века или современной о прошлых временах, можно встретить и само слово *тук*, и устойчивый фразеологизм *идти в тук* (кому) «быть полезным»: «Казалось, что он ко всему прилежал, но все как-то не шло в тук: всю свою жизнь провел он в нужде и недостатке» (Болотов. Записки).

Популярное и широко употребительное *тук* в значении «жир, сало» рождало новые смысловые производные. Уже в XIX веке *туком* называли и «перегной», и «навоз, удобрение». В профессиональном языке сельского хозяйства *тук* было синонимом слова *удобрение*. В одном из первых терминологических словарей — «Опыте терминологического словаря» В. Бурнашева (т. 2, СПб., 1844) — об этом слове пишется: «То вещество, которое служит к питанию растений, а как при всех прочих обстоятельствах равных, высшая степень урожая зависит единственно от количества этого, разлагающегося в почве, вещества, то и необходимо для хозяина знать свойства его, приготовление, также приличное употребление и средства добывать его с возможно меньшими издержками». Это значение было настолько распространено, что примеры с ним можно встретить не только в народной речи (*пшеница любит тучную, а лен более тощую почву* — Словарь В. И. Даля), но и в художественной литературе: «Да не вредят полям опасный хлад дождей И ветра позднего осенние набеги; Да в пору благотворны снега

Покроют влажный тук полей!» — читаем мы в стихотворении Пушкина «Домовому».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля есть *тучнить землю, утучнять* — «придавать туку, удобрять», а *тучный* — это не только «сытный, упитанный, плотный и жирный телом», но и «обильная почвенным туком, перегноем земля».

Когда в XIX веке были открыты минеральные удобрения и их производство перешло на промышленную основу, то все полезные для почвы вещества (органические — перегной, навоз, фекалии и др. и неорганические, искусственные) стали называть готовым словом *тук* или *туки*.

Многие знают, что промышленные минеральные удобрения получили распространение в XIX веке после того, как немецкий химик Ю. Либих предложил обрабатывать кости серной кислотой. Полученные вещества получили названия *суперфосфатов*. Вскоре суперфосфаты стали производить путем разложения природных фосфатов серной кислотой. В России первый завод суперфосфатов начал работать в 1868 году.

Заметные успехи и увлечение во всем мире производством минеральных удобрений в конце прошлого века незамедлительно сказались на языке. Появились устойчивые сочетания *удобрительный тук, удобрительные туки*, до сих пор не вышедшие из употребления как у специалистов-аграрников, так и в художественной литературе. У Чехова в «Острове Сахалине» читаем: «Обложены пошпиной также все продукты, приготовленные из рыбы, например, удобрительный тук, селедочный и тресковый жир»; у Паустовского в «Кара-Бугазе»: «Производство серной кислоты может быть связано с производством удобрительных туков, прежде всего из мангышлакских фосфоритов».

Как многие названия веществ, принятые в специализированных сферах (масла, нефть, смолы, табак), *тук* в приложении к минеральным удобрениям принял форму множественного числа: *минеральные туки, азотные туки, фосфорные туки*. Форма множественного числа существительного, подчеркивая множественную совокупность обозначаемого вещества, в то же время специализирует подобные слова, придает им терминологический вид.

Огромное значение минеральных (искусственных) удобрений в подъеме урожаев обеспечивает стабильное употребление слова *тук (туки)* не только в языке специалистов по сельскому хозяйству, но и в широком обсуждении всех вопросов и проблем его в печати, на радио и телевидении. Для всех нас стали привычными контексты типа: «На осушенных торфяниках и легких песчаных почвах наибольшую прибавку урожая обеспечивают калийные

туки» (Всесоюзное радио. Передача о сельском хозяйстве, 8 авг., 1982).

Что касается специализированного языка сельского хозяйства, то реестр терминологических единиц здесь с терминоэлементом *тук* не просто широк, он отражает тот уровень самой техники и механизации, который требуется теперь при использовании туковых удобрений. Вот эти данные, взятые нами из «Восьмизычного сельскохозяйственного словаря». Сама языковая структура приводимых далее терминов раскрывает их реальное содержание: *тук гранулированный, тук торфо-фекальный, туковысеватель, тукоделитель, тукодробилка, тукомешалка, тукопровод, тукоразбрасыватель, тукораспределитель, тукосмеситель, тукосмесь*.

Внеязыковая актуальность и смысловая однозначность слова *тук* (*туки*) в современном сельскохозяйственном языке — причина для появления прилагательного *туковый* (*туковая промышленность, туковая сеялка* и др.). И форма производного прилагательного *туковый* и его семантика, относящаяся в самом широком понимании к *туку* (*тукам*) как минеральным удобрениям, полностью разошлись в наши дни с однокоренным прилагательным *тучный*. Лишь лингво-этимологические разыскания помогают установить их первородную связь.

Пример со словом *тук* (*туки*) — лингвистически поучительный и интересный. Он является не только яркой иллюстрацией того, как новые времена и новые условия жизни вносят свое содержание в слово старинное, и оно, это слово, обновляясь семантически, живет жизнью полновесной и полнокровной. Он в то же время показывает, как в языковом опыте рядового носителя языка (не языковеда) слово легко может попасть в смысловую изоляцию, если непонятна его звуковая оболочка.

Т. С. Коготкова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Какое различие в значениях слов *атомник* и *атомщик*?»

Г. Р. Хайнуллин, Пос. Сивомаскинский

Атомник — ученый, специалист по атомной энергии.

Атомщик — тот, кто является сторонником использования атомной бомбы в агрессивных целях.

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?

Ответы. См. с. 67

Кто последний?

Взвесить (определить вес): *все заранее взвесили...*

Хороший картофель и разг. *хорошая картошка*.

Апельсин — апельсины — апельсинов, *помидор* — помидоров. *Килограмм* — килограммы — килограммов, *грамм* — граммы — граммов.

Огурцы, помидоры — нейтральная форма: *5 килограммов апельсинов, помидоров*.

Платить, оплатить, заплатить (от плата).

Получить сдачу, не получить сдачи, получить 3 рубля сдачи.

Обращение к незнакомому человеку не выработано еще современным русским языком. Как обратиться? Давайте подумаем над этим вопросом, дорогие читатели. Ждем ваших писем.

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 7. Тепло-
грей. 8. Ланселот. 10. Митя. 11.
Ермолай. 12. «Обоз». 15. Волхв.
16. Прево. 18. Ахилл. 20. «Коб-
зарь». 21. Рыбаков. 22. Монорим.
24. Скорина. 27. Эрато. 28. Пе-
саж. 29. «Пряха». 33. Моро. 35.
Стрелец. 36. «Ужас». 37. «Писа-
тель». 38. Степанов.

По вертикали: 1. Беликов.
2. Соня. 3. Рефрен. 4. Шарада.
5. «Лето». 6. «Морозко». 9. Ло-
пахин. 13. Захар. 14. Бармы. 17.
«Колос». 19. «Война». 23. Исаев.
24. Бахирев. 26. Карев. 28. Луко-
нин. 30. Абрамов. 31. «Натали».
32. «Фиеста». 34. «Орас». 36. Улан.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ,
П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВА-
НОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. глав-
ного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), И. И.
СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛ-
СТОЙ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беллев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 12.10.83

Подписано к печати 14.12.83. Т-21730

Формат бумаги 84×108^{1/16}

Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4

Усл. кр.-отт. 634,5 тыс.

Уч.-изд. л. 9,8 Бум. л. 2,5 Тираж 73 684

Заказ 3262

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10